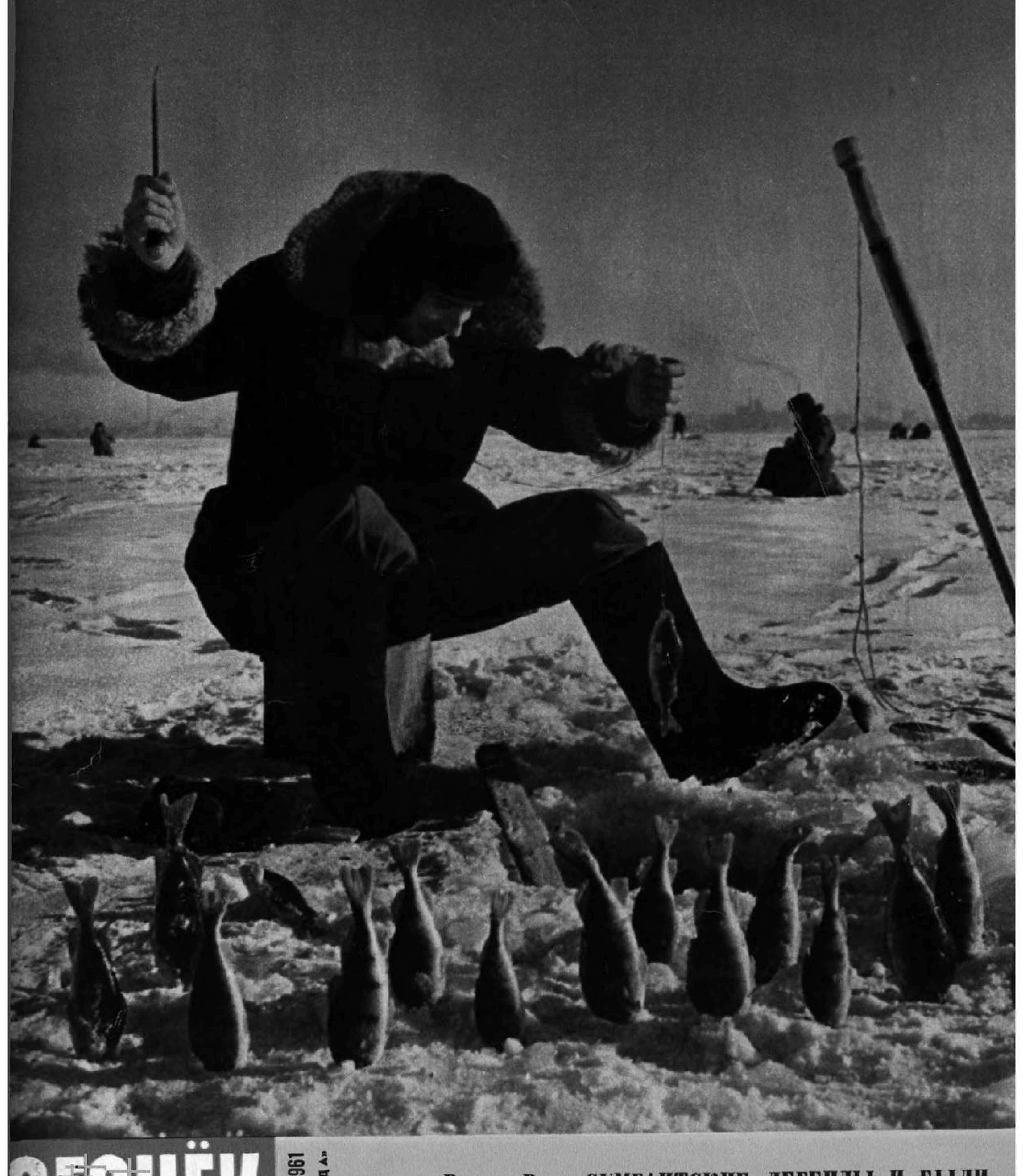

ОГОНЁК

№ 49 ДЕКАБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Расул Рза. СУМГАИТСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ

Ия Месхи. СВЕТ МЫСЛИ

Н. Шмелев. КОТ, КОТОРЫЙ ХОДИЛ САМ ПО СЕБЕ

Лев Кассиль. ЭЙ, ВРАТАРЬ, ГОТОВЬСЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 49 (1798)

3 ДЕКАБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Рязанский нефтеперерабатывающий завод — один из самых крупных в стране.

Фото А. Стешанова.

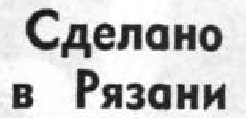
ПЕРВЫЙ ТОК ГИГАНТА

БРАТСК. 28 ноября здесь произошло большое событие: величайшая в мире ГЭС дала первый промышленный ток. Сюда, в Братск, после совещания работников сельского хозяйства в Новосибирске прибыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев. Его приезд придал особую праздничность пуску первого агрегата. Никита Сергеевич сам включил эту грандиозную машину в работу. Энергетический гигант мощностью в 225 тысяч киловатт, сконструированный советскими инженерами, изготовленный на отечественных заводах, начал работать на коммунизм.

На снимках: Н. С. Хрущев на строительстве Братской ГЭС. Внизу: Плотина Братской ГЭС.

Фото Дм. Бальтерманца.

Сделано в Рязани

Совсем недавно родилось в Рязани новое, казалось бы, необычное для этих мест предприятие — нефтеперерабатывающий завод. Его первая установка введена в строй в 1960 году.

Накануне выхода в свет этого номера «Огонька» редакция связалась по телефону с главным инженером завода Я. Д. Корнеевым и попросила его рассказать о работе предприятия.

— Стройка у нас еще на полном ходу,— рассказывает Яков Денисович.— Ведь даже первая очередь еще не завершена. Но завод уже снабжает автомобильным бензином, дизельным топливом, топочными мазутами западные районы нашей страны: Белоруссию, Смоленщину, Прибалтику. Наша продукция идет и за рубеж — в Швецию, Норвегию, Данию, Голландию.

Много у нас и «внутренних дел»: занимаемся внедрением новой техники на своем заводе, стараемся не отстать от века — вводим автоматические установки и приборы. Но дела внутренние не мешают основному: план десяти месяцев этого года по валу мы выполнили на 114 процентов.

←
Новосибирск. Совещание работников сельского хозяйства Сибири. На снимке: в зале заседаний.

ЧУДЕСНЫЙ КРА

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, члены Президиума ЦК КПСС — первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воронов и Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский с участниками совещания работников сельского хозяйства Сибири.

Фото Дм. Бальтерманца.

Й—СИБИРЬ СТАНЕТ КРАЕМ ИЗОБИЛИЯ

Новосибирск. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев встретился здесь с президентом Финляндской Республики У. К. Кекконеном. Государственные деятели Советского Союза и Финляндии обсуждали вопросы, связанные с сохранением мира на севере Европы.

Выступая с речью на завтраке, данном в честь У. К. Кекконена, Н. С. Хрущев выразил надежду, что добрососедское сотрудничество между Советским Союзом и Финляндией будет развиваться и крепнуть.

Президент Финляндской Республики оценил беседы с Н. С. Хрущевым как новое веское доказательство дружественного и доброжелательного отношения советского народа и его руководителей к Финляндии.

На снимке: Н. С. Хрущев и У. К. Кекконен.
Фото Дм. Вальтерманца.

ЗА КОРМОЙ—8000 МИЛЬ

В. В. ВАРЛЕЙ,
начальник отдела морских арктических операций Главсевморпути

Атомный ледокол «Ленин» совершил в арктическую навигацию 1961 года беспримерный поход в высоких широтах, поход зимой, в полярную ночь. Никогда еще ни одно судно в Арктике не плавало в такое время года и в такой обстановке. Проведя через льды пролива Вилькицкого последние транспортные суда, возвращающиеся из Арктики, атомный ледокол под командованием молодого капитана Бориса Макаровича Соколова произвел высадку высокоширотной экспедиции на дрейфующую научную станцию СП-10. Экипаж ледокола и состав экспедиции обязались организовать станцию ко дню открытия XXII съезда партии и с честью выполнили свое обязательство. На станции был поднят государственный флаг Советского Союза, и она начала вести научные работы в день открытия съезда.

После организации дрейфующей станции атомный ледокол обеспечил в высоких широтах расстановку дрейфующих автоматических радиометеорологических станций и радиовех, показания которых необходимы ученым для составления прогнозов погоды.

В сложных условиях необычного рейса энергетическая установка атомного ледокола работала надежно на любых режимах. За время плавания ледокол дважды прошел по трассе Северного морского пути, оставив за кормой более восьми тысяч миль. Находившиеся на борту ледокола ученые получили важные научные данные. Поход ледокола в таких условиях открывает новые возможности для расширения сроков и масштабов работы флота на трассе Северного морского пути.

Фото Г. Копосова.

СТУДЕНТЫ УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ Н

Большой дом с зеленой табличкой у входа. На табличке слова: «Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». Здесь учатся посланцы молодежи Азии, Африки, Латинской Америки. Талантливые, с неуемной жаждой знаний, эти юноши и девушки приехали в Москву, чтобы стать инженерами и врачами, экономистами и агрономами. Они принесли в советскую столицу думы и чувства своих народов, проблемы своих континентов, освобождающихся от цепей политического рабства и экономической зависимости.

Корреспонденты «Огонька» Г. Гурков и О. Кнорринг побывали в Университете дружбы народов, беседовали со студентами. Что думают они о решениях XXII съезда КПСС?

Невысокого роста крепыш в синем спортивном костюме. Открытый, смелый взгляд, юношеская бородка. Это Фаусто Корнехо, парень из Эквадора. Весельчак, футболист. Будущий врач.

Говорит энергично, быстро, на хорошем русском языке:

— Программа КПСС? Она великолепна! И я нисколько не сомневаюсь, что она будет выполнена. Почему я в этом уверен? Отвечу. Я уже почти год в Советском Союзе, много повидал. Был на заводах. Был в Казахстане, видел хлеб. Много, невероятно много хлеба. Я узнал людей, которые делают хлеб и стоят у станков. Советские люди — замечательные люди. Добрые, простые. Они всегда готовы помочь. Когда мы приехали сюда и ни слова не понимали по-русски, каждый приходил на выручку. Один раз я заболел, лежал в больнице. Со мной в палате было двое молодых рабочих. Я разговаривал с ними и понимал, почему Советский Союз так стремительно развивается. Еще бы, у вас такой рабочий класс, такая молодежь! Ребята из моей палаты часами спорили о классической музыке, о новинках литературы. В моей стране рабочему это недоступно: слишком трудная у него жизнь. А у вас культура для всех. И еще одно я хотел сказать. В Советском Союзе каждый любит Родину, очень любит. И готов для нее на все. Вот почему я уверен, что Программа будет выполнена.

— XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза — событие огромной важности. Весь мир следил за ним. Это и понятно, ведь Программа, обсуждавшаяся и принятая съездом, ставит неслыханные, грандиозные задачи, выполнение которых, бесспорно, изменит картину мира.

Это говорит студент из Японии Иосихару Такано, скромный юноша в темном костюме, аккуратный и подтянутый. В Москве Иосихару изучает химию.

— Колоссальный прогресс во всех областях науки, бурный рост экономики,— продолжает Иосихару,— залог выполнения планов, намеченных Программой. Эти планы, конечно, сбудутся.

Айрин Хиттиараччи, смуглая круглолицая девушка, приехала с Цейлона. В Москве она изучает медицину.

— Я с детства мечтаю стать врачом. По-моему, это самая благородная профессия. И очень важная для моей страны: ведь у нас так мало медицинских работников. И лечат часто по-старому. Я очень благодарна Советскому Союзу, советским людям, что могу учиться в Москве.

Айрин рассказывает, что она и ее друзья внимательно следили за сообщениями газет о XXII съезде КПСС, читали доклады Н. С. Хрущева, Программу партии.

— Сегодня во всем мире люди начинают понимать, что хорошо, что плохо. Народы вступают на путь прогресса. Решения XXII съезда советских коммунистов — мощный удар по колониализму, по империализму, пытающимся представить себя «друзьями» азиатских и африканских народов. Мы знаем, кто наши друзья, а кто враги. И друзьям мы желаем счастья в выполнении великой Программы.

Океан энергии

По металлической лестнице мы поднялись на галерку — так в паротурбинном цехе называется фрезерный участок застекленной галереи — и направились к станкам, где обычно работает Герой Социалистического Труда Александр Васильевич Бородулин. Но в этот утренний час его не оказалось.

На стеллаже лежали, поблескивая золотым и серебристым отливами, готовые детали...

— Это Бородулин сегодня успел уже столько сделать.— И, как бы в подтверждение, фрезеровщик Королев потрогал рукой детали.— Еще теплые!

Александр Васильевич уехал в районный Совет на встречу с педагогами, чтобы рассказать им о XXII съезде КПСС. Весь участок, где он трудится, первым в цехе выполнил годовой план. Сборщики узлов регулирования получили все детали на турбины, предусмотренные выпуском в этом году. И то, что сделал Александр Васильевич сегодня утром,— это уже на первую машину 1962 года.

— Главное, что детали, изготовленные делегатом XXII съезда КПСС Бородулиным и его товарищами, поступают не только комплексно, но и добротного качества,— рассказывает старший мастер Василий Алексеевич Михайлов.— Переделок не бывает.

В первые же минуты смены цех берет высокий темп.

— Имя нашего завода обязывает нас к этому,— говорит начальник паротурбинного цеха Э. Д. Долинский.— Обычно на наших турбинах стояли три буквы: «ЛМЗ»,— а сейчас наш Ленинградский металлический завод назван именем XXII съезда КПСС.

Побывав на испытательном стенде, где проходят экзамен новые турбины, невольно думаешь: вот она, великая Программа построения коммунизма в действии! Что ни машина, то новый адрес стройки.

Каждый металлист на память знает цифры из Программы КПСС: за 20 лет годовая выработка энергии в стране должна возрасти до 2 700—3 000 миллиардов киловатт-часов. И чтобы претворить в жизнь эти великие наметки, надо изготовить много турбин. Только за пять лет — с 1961 по 1965 — «ЛМЗ» имени XXII съезда КПСС выпустит энергомашины на такую мощность, сколько за последние 37 лет. Это для завода не было чем-то неожиданным, к этому готовились давно. По соседству со старым паротурбинным создан еще цех. На его стендах испытываются самые мощные паровые турбины высокого давления. Как только сняли со стенда машину для Верхне-Тагильской ГРЭС, над стендом сразу появился новый призыв бригады слесарей: «А. Запевалову, В. Бельскому, А. Андрееву: от вашей самоотверженной, сплоченной работы зависит выпуск ПВК-200. Покажите еще раз свое мастерство так, чтобы эта турбина была собрана и испытана в конце месяца».

— Справитесь? — интересуемся у Виктора Бельского.

— Тяжело, но сделаем...

От паротурбинщиков не отстают и творцы гидравлических турбин.

— Они в этом месяце выпускают сразу три крупные машины,— рассказывал нам делегат XXII съезда КПСС, секретарь парткома В. Н. Егоров.

Металлисты на самом переднем крае строительства коммунизма. Легко это представить даже человеку, впервые переступившему порог гидрокорпуса. Для этого надо только взглянуть на начертанные на многотонных деталях меловые надписи: Братская, Уч-Курганская, Воткинская, Волгоградская, Красноярская... И станет ясно, как необычайно широка география строек, на которые работает завод.

Но он не только успевает оснащать новостройки своей страны, но и выполняет заказы зарубежных держав. На стендах мы видели, как готовили к испытаниям паровые турбины для Болгарии, Польши. Из гидрокорпуса отправляли крупную машину китайским энергетикам. И в тот же день конструкторы доложили о создании эскизного проекта водной турбины Асуанской гидростанции, которую арабы воздвигают на берегах Нила.

Если сложить мощность турбин, выпущенных только в этом году, получится целый океан энергии!

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимке: с «личным клеймом» сдают продукцию сборщики А. Федотов, Н. Голубев, В. Левченко.

Фото И. Фетисова.

В ЛЮБУЮ ТОЧКУ ПЛАНЕТЫ

«В ответ на выступление Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС я прошу направить меня в любой пункт планеты и вне ее, куда считает нужным Коммунистическая партия Советского Союза».

Об этой просьбе москвича Эрика Арафелова, молодого рабочего завода имени Владимира Ильича, рассказал в своем выступлении на XXII съезде партии первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов.

Э. Арафелов был на заводе членом бригады коммунистического труда краснознаменного цеха, работал слесарем-сборщиком крупных электромоторов.

— Выполнил сам — помоги товарищу — с таким девизом трудились электрики-ильичевцы, встав на вахту в честь XXII съезда. В эти же исторические дни комсомольца Эрика Арафелова приняли в партию.

...На днях рабочие-ильичевцы проводили Эрика на Восток. Он едет в Целинный край: будет там механизатором. Ребята принесли цветы и незатейливые подарки: будильник, шапку-ушанку, перочинный ножик; в числе подарков были и книги первых советских космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова — любимых героев нашей молодежи.

— А после целины земной,— шутливо напутствовали Эрика товарищи,— собирайся в космос...

Д. САШИН

На снимке: Э. Арафелов.

Фото автора.

ОДОВ ВОСХИЩЕНЫ ГРАНДИОЗНОЙ ПРОГРАММОЙ КПСС

— Люди нашего поколения смогут увидеть, узнать, что такое коммунизм, какой он, и сделать для себя выводы.

Жорж Аши, юноша из Бейрута, на минуту задумывается. Потом продолжает свою мысль.

— В буржуазной прессе много пишут о коммунизме. Одни говорят, что это невозможно, другие — что это плохо. Но коммунизм будет построен в Советском Союзе. И весь мир увидит, кто прав. Конечно, коммунистическое строительство потребует героического, самоотверженного труда. Но советские люди, построив социализм, доказали, что они умеют добиваться того, что кажется невероятным. И на этот раз победа будет за ними. Для этого нужен мир. Вот почему Советский Союз и его руководители борются за всеобщее и полное разоружение, против войны. Об этом во весь голос заявил XXII съезд. Это услышали миллионы людей во всех странах. Решения съезда — важный вклад в дело мира.

Жил в деревне на острове Ява паренек по имени Хармоно. Видел он, как трудно приходится родным и соседям, обрабатывающим землю древними орудиями, такими же, что и сто лет назад. И мечтал Хармоно о том, как придет на рисовые поля Явы новая техника, а сам он станет знающим и опытным агрономом.

Будет Хармоно агрономом! Он заканчивает подготовительный факультет Университета дружбы народов и скоро начнет изучать сельское хозяйство.

— В моей стране,— говорит Хармоно,— еще не ликвидированы печальные последствия господства колонизаторов. Не только в сельском хозяйстве, буквально во всех областях жизни колониализм и империализм нанесли нам ужасающий вред. Им мы обязаны отсталостью, которую предстоит преодолевать еще немало лет. Большую помощь в нашей антиимпериалистической борьбе и в строительстве новой жизни оказывает Советский Союз. XXII съезд КПСС гневно заклеймил колониальное рабство, горячо выступил в поддержку освободительной борьбы народов. Такова последовательная позиция, на которой стоит ваша страна. Народы Азии и Африки восхищаются этим. Мы завидуем вашим потрясающим экономическим планам и желаем успеха в их осуществлении. Эти планы имеют огромное значение для наших молодых стран. На вашем опыте мы учимся преодолевать трудности, строить справедливое и процветающее общество.

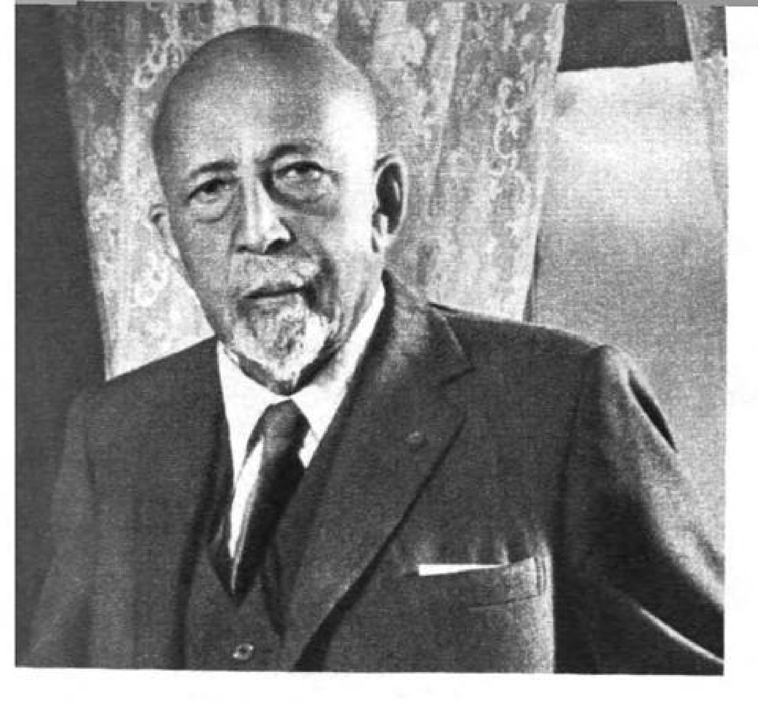

— Один из лучших наших студентов,— так отзываются в Университете дружбы народов об Оскаре Ононо-Онджа. Коренастый, крепко сбитый, с умными поблескивающими глазами, этот юноша из Камеруна мечтает стать горным инженером, чтобы отдать своему народу, борющемуся за освобождение от колониального гнета, все богатства родной земли.

— Разве удастся сказать обо всех мыслях и чувствах, которые вызывает XXII съезд? — говорит Оскар.— Об этом можно написать много книг. Это будут мудрые и страстные книги, книги о величии и благородстве исторического подвига советских людей. Когда Маркс и Энгельс заявили, что социализм, коммунизм можно построить, им в то время верили немногие. Казалось, что это всего лишь мечта философов, солнечная, но несбыточная утопия. И вот социализм — реальность. Уже сегодня. А завтра, заявляет XXII съезд, реальностью станет коммунизм. Что может быть выше этих свершений?

Оскар продолжает:

— Советские люди — наши большие друзья. Империалисты презирали народы Африки, считали нас низшей расой, не способной создать собственные государства. Октябрьская революция разбудила наш континент. И тем, что сегодня на карте Африки уже много независимых стран, мы во многом обязаны Советскому Союзу, советским людям. Нам говорили — коммунизм против свободы. Но мы видим: капитализм — это свобода для богачей, рабство для бедных. Мы против такой «свободы»! Нам говорили: человек может быть счастлив только на небе, где распоряжается господь бог. А на земле, внушали нам колонизаторы, нужно терпеть и страдать. Но мы видим: советские люди не на небе, а на земле построили счастье. Мы тоже хотим этого и боремся за это. Нам земля нравится больше неба! Когда мы читаем замечательную Программу советских коммунистов, мы еще и еще раз утверждаемся в мысли: Правда, Справедливость, Мир победят. И благодарное человечество никогда не забудет вклада, который внес в эту борьбу и в эту победу XXII съезд.

Вашу руку, товарищ Дюбуа!

Одна за другой исписанные страницы ложились на край письменного стола. Вот и последняя. Человек, писавший их, еще раз медленно прочитал строку за строкой. «Коммунизм — стремление дать всем людям то, что им нужно, и просить у них взамен лучшее, что они могут дать,— единственно правильный образ жизни для человечества... В конце концов коммунизм победит,— продолжал он еще раз перечитывать слова, которые явились итогом девяти десятилетий его жизни.— Я хочу помочь приблизить этот день». Человек кончил читать и поставил свою подпись: Уильям Б. Дюбуа.

Это было не просто заявление о вступлении в Коммунистическую партию США, которое написал выдающийся американский ученый и борец за мир доктор Уильям Дюбуа. Это был поступок высокого мужества, совершенный в дни, когда реакция «свободной страны» Америки предприняла еще один крестовый поход против коммунистов, имеющий целью запретить компартию.

За плечами доктора Дюбуа большая и славная жизнь. Борьба за свободу, прогресс и мир всегда была основным ее содержанием.

1926 год, 1936-й, 1949-й, 1959-й — это годы поездок доктора Дюбуа в Советский Союз, которые сделали его близким другом нашей страны.

Приветствуя вступление доктора Дюбуа в Коммунистическую партию США, ее генеральный секретарь Гэс Холл в ответном письме пламенному патриоту написал: «...Вы совершаете шаг, который, несомненно, продиктован самой логикой Вашей жизни... Звание члена партии является почетным и высоким званием, которым гордятся наиболее преданные и дальновидные, лучшие сыны и дочери рабочего класса и народов всех стран, борющиеся в первых рядах за счастливое будущее человечества».

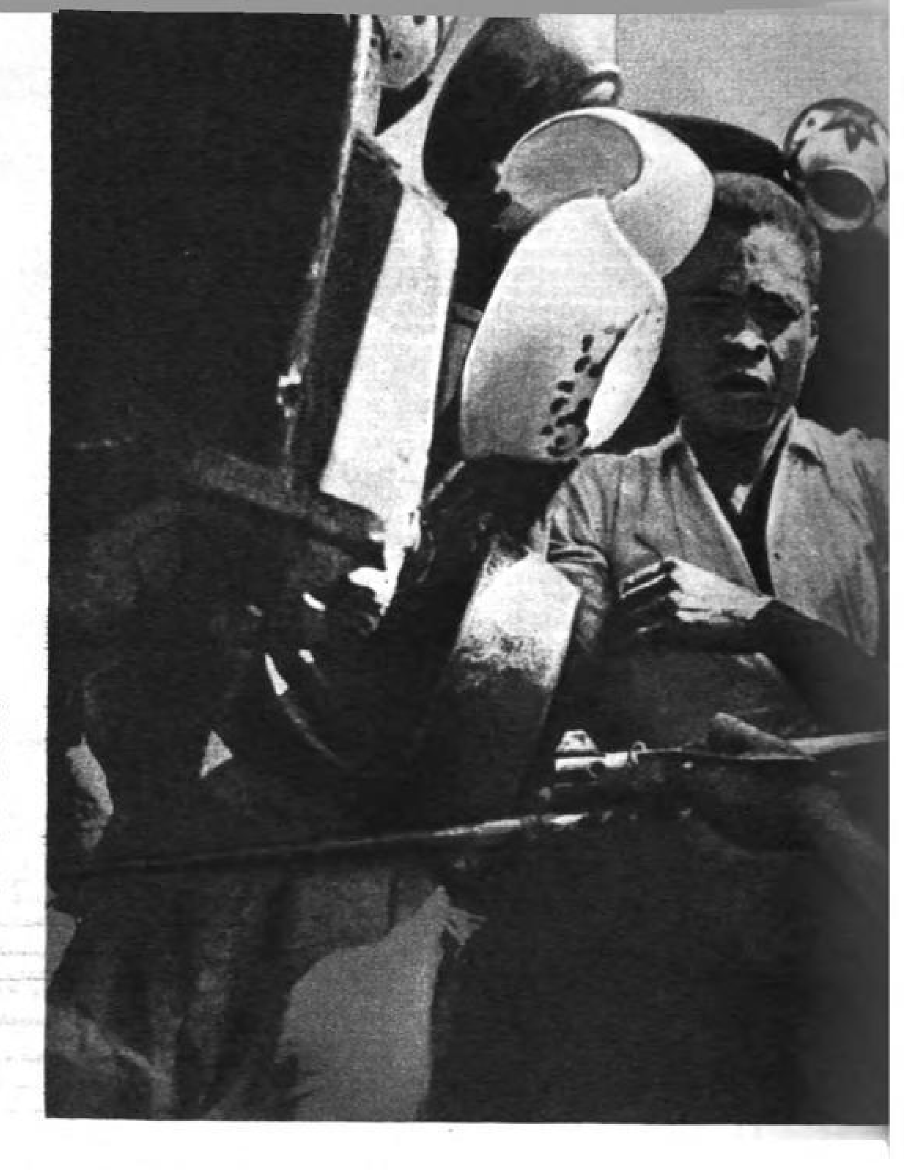
Фото О. Кнорринга.

Фото АПН.

КОНГО

В Катанге царит голод. Об этом знает весь мир. Об этом говорит снимок из французского журнала «Пари-матч». Голодающие жители Элизабетвиля рвутся к раздаточному пункту ООН, чтобы получить несколько пригоршней риса. А предатель Чомбе продолжает утверждать, что жители Катанги будут «сражаться до конца», защищая установленный им режим террора, нищеты и голода.

ЛИВАН

В Бейруте состоялись массовые демонстрации в знак солидарности с народом Алжира, борющимся с французскими колонизаторами.

ООН

Представитель Бирмы У Тан назначен исполняющим обязанности генерального секретаря ООН.

НОРВЕГИЯ

Приезд боннского военного министра Штрауса в Осло вызвал бурю протестов норвежской общественности, выступившей против переговоров с западногерманскими реваншистами. В стране состоялись массовые демонстрации трудящихся, одна из которых запечатлена на этом снимке. На плакате слова: «Нам достаточно знаком германский милитаризм».

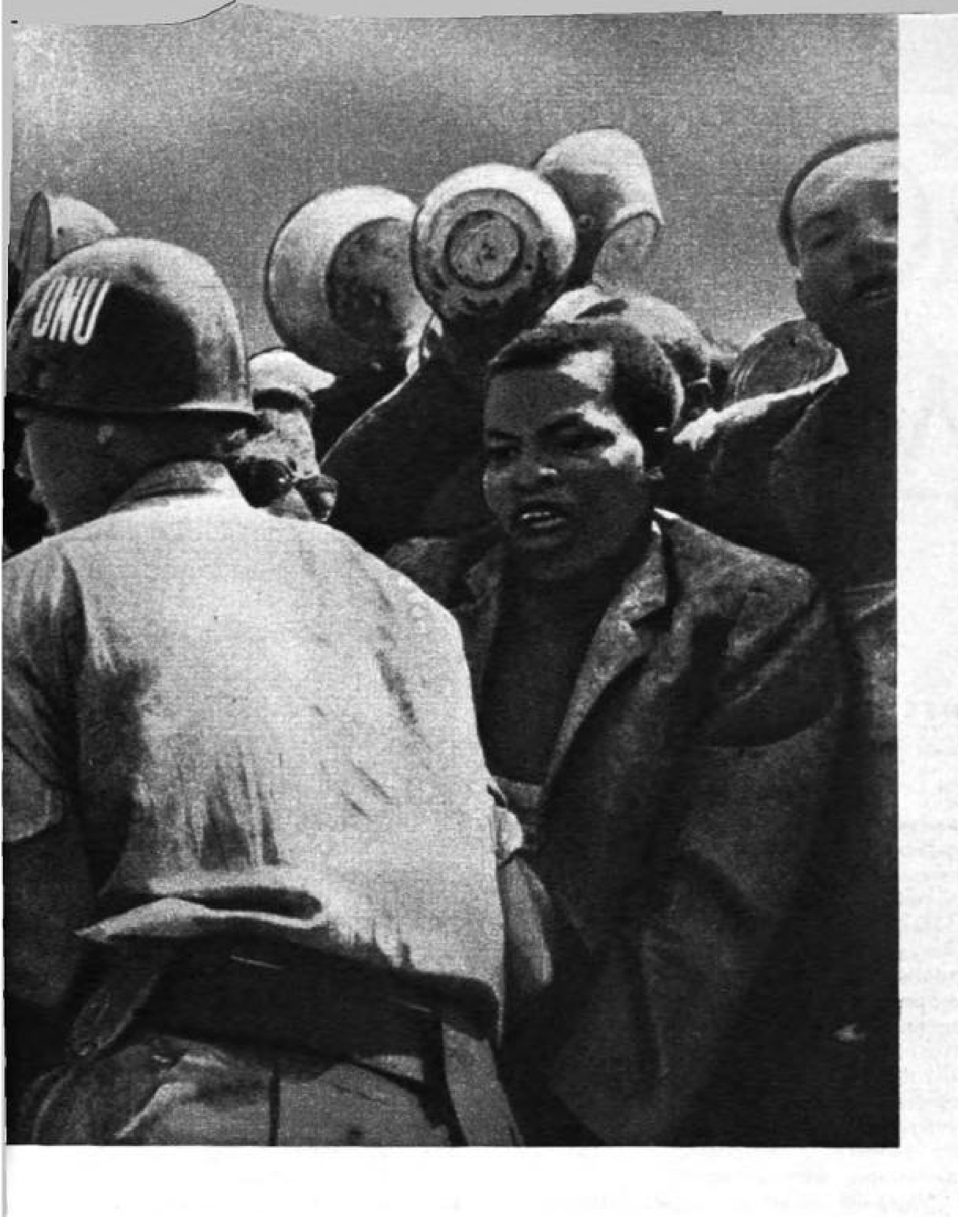

АНГОЛА

Народ этой страны не покоряется португальским колонизаторам. Отряды патриотов смело вступают в бой с регулярными войсками карателей, разрушают мосты, устраивают завалы на дорогах.

Канцлер ФРГ Аденауэр совершил поездку в Вашингтон, где в течение трех дней вел переговоры с президентом Кеннеди.

Из газет.

Рисунок Вл. Добровольского

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Волна протестов против политического произвола в Доминиканской республике не утихает. На снимке: демонстрация женщин в столице республики — городе Санто-Доминго в память студентов расстрелянных полицией. Доминиканские женщины требовали освобождения политических заключенных, прекращения преследования людей и посягательств на их жилища.

Подслащивают атомную пилюлю

Л. СТЕПАНОВ

На обложке иллюстрированного гамбургского журнала «Кристалл» — зловещий атомный гриб и крупно напечатанные слова: «Мы можем выжить». В пояснительной надписи читаем: «Как бы ни была чудовищна сила современного атомного оружия, миллионы людей могут спастись благодаря соответствующим защитным мерам».

«Кристалл» заявляет: атомная война не так страшна, как кажется. Нужно лишь к ней хорошо подготовиться. Число жертв в Хиросиме и Нагасаки, например, сократилось бы на 3/4, если бы японцы предвидели атомную бомбежку и спрятались в простейших убежищах. Американский физик Эдвард Теллер, которого «Кристалл» называет ласково «папашей атомной бомбы», уверяет, что в случае атомной войны может спастись 90 процентов населения. Правда, для этого нужно, чтобы в каждом доме и в каждом учреждении было оборудовано специальное убежище. Еще более успокоительные заверения делает другой авторитет американской науки — Уиллард Либби: «В нескольких километрах от места взрыва, находясь в простейшем (?) убежище под землей, каждый имеет реальный шанс выжить».

Опираясь на приведенные высказывания маститых американских ученых, «Кристалл» оптимистически обобщает: «...Ученые предостерегают от преувеличения разрушительной силы бомбы, которая не возрастает пропорционально взрывной силе».

Если уж ученые «ПРЕДОСТЕРЕГАЮТ», то боннским политикам остается только действовать. И вот канцлер Аденауэр, едва успев сформировать новое правительство, спешит за океан, чтобы просить для бундесвера ядерное оружие. Военный министр Штраус отдает приказ об увеличении числа западногерманских дивизий и о продлении срока для отбывания обязательной воинской повинности с 12 до 18 месяцев. А «Федеральное ведомство по защите гражданского населения» выпускает специальную брошюру, в которой на случай атомной войны обещает: «У каждого есть шанс».

Трудно, очень трудно боннским политикам представить атомную войну как безопасную игру в прятки, очень не просто еще раз обмануть немцев и подтолкнуть их к атомной войне. Поэтому «Кристалл», помогая реваншистам, не только ссылается на высказывания «научных авторитетов», но и предлагает, так сказать, пропагандистские «наглядные пособия».

Главное «наглядное пособие» — схематическое изображение Гамбурга, в центр которого угодила водородная бомба мощностью в 2 мегатонны. И что же? А ничего особенного, храбро заявляет «Кристалл». Правда, в радиусе четырех километров от эпицентра не останется ни одного живого существа. Зато в поясе 4—11 километров погибнет «всего лишь» 50 процентов жителей. А в полосе 11—18 километров люди могут вообще отсиживаться в своих квартирах и понесут только «незначительные жертвы».

Не будем вдаваться в подробности расчетов «Кристалла». Позволим себе только спросить: а почему, собственно, для главного «наглядного пособия» использован вариант с бомбой в 2 мегатонны, ведь существуют водородные бомбы значительно большей мощности?

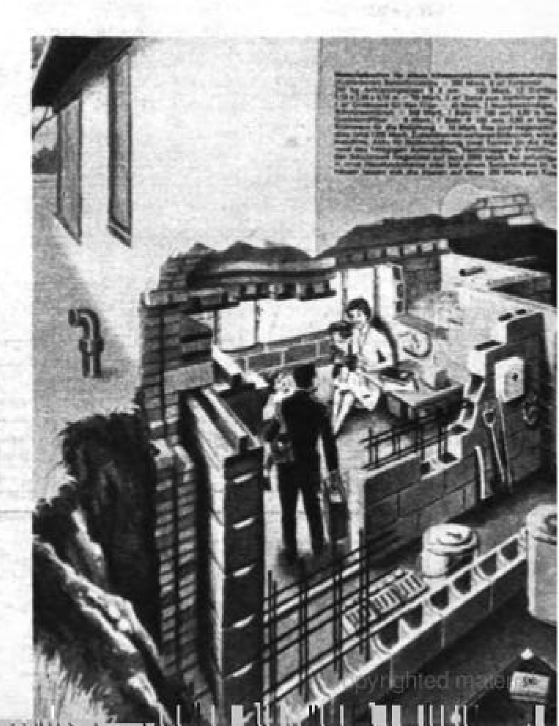
Ответ прост. Боннские политики любой ценой хотят убедить западных немцев в безопасности атомной войны. Смотрите, говорят они, как это будет просто, легко и даже приятно. Бомбочки такие миниатюрненькие, симпатичненькие и совсем-совсем безопасненькие! Поэтому, вероятно, так весело и улыбается молодая немка в своем домашнем бомбоубежище (см. «наглядное пособие» «Кристалла» № 2). Упитанные дети, элегантный муж, только что вошедший в бункер с легким чемоданчиком, запас воды в канистрах, ящик с песком против радиоактивных частиц в воздухе, домашняя аптечка. В общем, все очень, очень мило. Новый вариант семейной идиллии — «атомный».

И все-таки вряд ли преступно-оптимистические расчеты и идиллические картинки «Кристалла» вызовут прилив радости у западных немцев. Многим из них еще слишком памятны призывы других, с позволения сказать, «оптимистов», которые 16 лет назад привели Германию к пропасти горя и позора.

То, что пишет «Кристалл», способно лишь усилить тревогу у граждан Западной Германии, желающих найти ответ на мучительный вопрос о своем будущем.

А мы могли бы дать читателям «Кристалла» абсолютно надежный и честный ответ: — Да, вы можете выжить! Можете! Для этого вам нужно заставить боннских правителей отказаться от опасной политики милитаризма. Для этого западным державам необходимо прислушаться к голосу Советского правительства, осудившего атомную войну и сделавшего новое конструктивное предложение о всеобщем и полном разоружении.

Новый вариант семейной идиллии — «атомная идиллия».

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ДРУГ, НАРОД НАРОДУ — БРАТ

Любомир ДМИТЕРКО

Помните строки Владимира Маяковского? Вот эти:

Перед нашею
республикой
стоят богатые.
Но как постичь ее?
И вопросам
разнедоуменным
нет числа:
что это
за нация такая
«социалистичья»,
и что это за
«соци-
алистическое отечество»?

Так в десятую годовщину Великого Октября высмеивал поэт недомыслие врагов нового, социалистического строя. А совсем недавно с высокой трибуны XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев торжественно провозгласил:

«Партия решила сложнейшую проблему, которая веками волновала человечество, а в мире капитализма и поныне сохраняет свою остроту,— **проблему взаимоотношений между нациями.** Царскую Россию называли «тюрьмой народов». Советский Союз называют братской семьей народов, страной дружбы и расцвета наций. Советский строй поднял к новой жизни, привел к расцвету все ранее угнетенные и бесправные народы... Они имеют общую социалистическую Родину — СССР...».

Теперь эта непреложная историческая истина если и не понятна, то по крайней мере достаточно известна потомкам тех, кому адресовал свои иронические строки автор поэмы «Хорошо!».

Осуществляя заветы своего бессмертного учителя, великая партия Ленина создала могучее многонациональное государство, в котором «в условиях социализма,— говорил Н. С. Хрущев,— действуют две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе. Во-первых, происходит бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик. Во-вторых, под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение».

В непоколебимой ленинской дружбе социалистических наций— незыблемое могущество и непобедимая сила нашей необъятной страны. Каждому советскому человеку близки и дороги ее просторы, ее песни, ее подвиги и ее победы. Каждый советский человек по праву гордится своей исторической миссией борца за новый мир, строителя новой жизни, созидателя нового общества. Идти новыми, непроторенными путями, творить новую летопись человечества — что может быть почетнее и прекраснее!

Если сегодня Москва, Кремль, Красная площадь, Мавзолей Владимира Ильича Ленина являются священными символами для всех честных людей планеты, то как же бесценно дороги они нам, советским людям, участвовавшим вчера в легендарном подвиге — строительстве социализма, участвующим ныне в героическом походе к вершинам коммунизма!

Есть на славной советской земле много исторических мест, культурных памятников, названия которых выговариваются с любовью и уважением всеми советскими людьми всех национальностей.

К тесной пушкинской квартире, где, окруженный книжными полками на красном сафьяновом диване скончался Александр Сергеевич, к вечно торжественной Ясной Поляне, где словно еще слышны шаги мечущегося Льва Толстого, к высокой каневской горе над Днепром, где покоится прах Тараса Шевченко, в Миргород к могиле Давида Гурамишвили и в Сурами к домику-музею Леси Украинки, в шумный прибалтийский город к памятнику Яну Райнису и в тихие белорусские вёски, где слагались песни Янки Купалы и Якуба Коласа, к предгорьям Арарата, воспетым Ованесом Туманяном, и к закаспийским далям, где зрело и мужало слово Джамбула, обращаются в мыслях благодарные читатели всех советских республик.

Экономические и культурные успехи каждой республики — достояние всего советского народа. Мы, украинцы, гордимся дерзновенными космическими полетами Юрия Гагарина и Германа Титова, трудовыми победами металлургов Урала, хлопководов Узбекистана, чаеводов Грузии. Мы гордимся тем, что в великом подвиге советского народа по освоению целины немалая роль принадлежит украинским хлопцам и девчатам. Но прежде всего гордимся чудесными достижениями Советской Украины, превратившейся из отсталой колонии романовской империи в передовую республику, одну из самых развитых держав Европы. На многих международных выставках посетители поражаются количеству и качеству изделий украинских фабрик и заводов. Достаточно сказать, что сегодня Украина выпускает тракторы, комбайны, грузовые и легковые автомобили, мощные и сверхмощные турбины, тепловозы, самолеты, речные и морские суда, оборудование для металлургической, угольной, химической, легкой и пищевой промышленности, приборы высокой точности, средства автоматизации, искусственные алмазы, радиоприемники, телевизоры, холодильники, фотоаппараты...

Украина стоит на первом месте в мире по производству стали на душу населения. Вот убедительные цифры. На душу населения производят стали (в килограммах): Франция — 380, Англия — 470, Соединенные Штаты Америки — 499, Украинская Советская Социалистическая Республика — 612. Угля в республике добывается в три раза больше, чем во Франции, а на душу населения больше, чем во Франции, Англии и США. О развитии газовой промышленности свидетельствует такой факт: Украина добывает газа в два раза больше, чем все капиталистические страны Европы, вместе взятые.

Подобных цифр, фактов, сравнений можно привести множество. Особенно следует отметить успехи тружеников сельского хозяйства Украины, получившие высокую оценку на XXII съезде нашей партии.

Все эти достижения и успехи тем дороже и ценнее, что добыты они упорным, поистине героическим трудом украинского народа при братской помощи всех народов социалистической Отчизны. Так, сообща, мы поднимали из руин Днепрогэс, возводили Каховский гидроузел, строили и строим самые мощные в мире доменные и мартеновские печи, прокатные станы, горнообогатительные комбинаты. Достаточно сказать, что в сооружении одной только Кременчугской гидроэлектростанции принимали участие представители 41 национальности. Оборудование для нее поставляли 820 предприятий из двенадцати союзных и автономных республик. В свою очередь, люди Украины принимают активное участие в многочисленных стройках страны.

Прекрасные результаты нашей дружбы не только теоретически, но и практически распространяются на соседние социалистические страны. Гигантский нефтепровод с символическим названием «Дружба» строится ныне усилиями трудящихся пяти социалистических стран.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза сказано: «Широкий размах коммунистического строительства и новые победы идеологии коммунизма обогащают социалистическую по содержанию, национальную по форме культуру народов СССР. Усиливается идейное единство наций и народностей, сближение их культур».

Замечательный процесс сближения и взаимообогащения культур, в том числе литератур, мы наблюдаем в повседневной действительности. Большую роль в укреплении нашей дружбы сыграли декады национальных литератур и искусств, систематически проводившиеся в Москве. Зародился новый вид творческих встреч мастеров культуры братских республик. На Украине с большим успехом прошли дни русской литературы, встречи украинских писателей и трудящихся республики с литераторами Белоруссии и Узбекистана. Бригады украинских писателей побывали в Литве и Таджикистане. И всюду их принимали как родных братьев, как самых дорогих гостей.

Советский народ, написавший на своих знаменах великие и заветные слова Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье, являет всему миру образец нового общества, в котором человек человеку — друг, а народ народу—брат. Основа этого общества—победоносное учение марксизма-ленинизма, залог его исторических триумфов — ленинский курс Коммунистической партии, гарантия счастья советских людей и расцвета социалистических наций — самая демократическая в мире Конституция Союза Советских Социалистических Республик.

Когда смотришь сегодня на карту мира, когда встают перед твоими глазами кровавые расправы над алжирскими патриотами в сердце капиталистической Европы — Париже, когда слышишь стон подавленной Испании, придушенной террором Португалии, видишь кровоточащие раны Африки, империалистические цепи на руках Латинской Америки, когда думаешь о том, что обнаглевшие американские агрессоры готовят новые злодеяния против мужественной, свободолюбивой Кубы, тогда с еще большей силой осознаешь счастье жить и трудиться в нашем светлом социалистическом братстве, в мире правды и справедливости.

В. Серов. МИКА МОРОЗОВ. 1901.

Государственная Третьяковская галерея.

В ДЕРЕВНЕ. БАБА С ЛОШАДЬЮ. 1898.

Добрый вечер добрым людям

Вл. РУДИМ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Хозяева этого дома — ветераны труда.

Если бы помещикам Нарышкиным сказали, что в их владениях рядом с барским особняком и мраморными статуями работы итальянских мастеров поселится, как хозяйка, в новых, светлых палатах прислуга, Нарышкины ни за что не поверили бы такому. Они сочли бы сумасшедшим того, кто посмел заявить, что кухарки, дворники, дровоколы и няньки построят себе хоромы выше и просторней господских и будут в них жить, не зная забот и хлопот.

Не воскреснуть Нарышкиным, не увидеть им, как гуляет здесь, не торопясь, дышит свежим воздухом бывшая «нянька Дуська» — Евдокия Сергеевна Иванова. А живет Евдокия Сергеевна в белом здании рядом с нарышкинским особняком. И не один здесь корпус, а три, и хозяева их — ветераны труда, которые находятся на полном государственном обеспечении.

Мы идем с Евдокией Сергеевной по липовой аллее, мимо пруда, и она все вспоминает и вспоминает:

— Моя мать была безродная, ни дома у нас не было, ничего. Все по людям перебивались. Мать в работницах у господ, а меня отдавала в няньки. Такая была моя первая жизнь. До самой революции. Потом пошла на фабрику. Конечно, легче стало. Да все же не судьба была мне пожить, как другие живут. Сроду я одинокая. Трудно мне стало под старость. А сейчас имею покой хороший, а больше мне ничего и не нужно. Сколько времени-то сейчас, сынок? — вдруг спрашивает Евдокия Сергеевна.— Двенадцать? Ой, мне надо идти — просили подежурить внизу.

Моя собеседница не по летам резво засеменила к подъезду.

Что же она подразумевала под словами «покой хороший имею»? Наверное, все: и прекрасный парк со столетними липами, и Москву-реку, до которой рукой подать от крыльца, и чистый воздух, и, конечно (самое главное!), все то, что есть у нее в самом доме. Дом не совсем точное слово. Это маленький городок, который построен специально для тех, кто уже давно вышел на пенсию. Кстати, в Российской Федерации за последние три года построены десятки домов для престарелых.

Этот городок — один из тех, про которые сказано в великой Программе, принятой XXII съездом партии: «В городе и деревне широко развернется сеть благоустроенных домов-интернатов для престарелых и инвалидов, способная принять на бесплатное содержание всех желающих».

Тут есть все для того, чтобы старые, одинокие люди жили спокойно, без забот. Здесь их одевают, обувают, кормят, обеспечивают всем необходимым — от зимних пальто и шапок до тапочек и зубных щеток. Кормят три раза в день — сытно и вкусно. Одевают хорошо.

А теперь пройдемся по этажам. Можно пешком, можно на лифте. Хотя дом невысок — всего четыре этажа,— но лифты есть во всех трех корпусах: старикам ведь трудно подниматься. Светлые стены, вдоль стен — перила-поручни, белые двери, ванные, просторные холлы, мягкая мебель, на каждом этаже в каждом холле разная. Телевизоры, цветы — словом, все, как в санатории. О санатории напоминают и длинные, во всю стену, балконы-террасы.

— Я уже третий месяц живу здесь, — говорит бывший учитель Марин Петрович Покровский,— а все кажется, будто в санатории.

В городке — и почта, и сберкасса, и терапевтический, зубоврачебный, физиотерапевтический кабинеты, и библиотека. Просторная столовая — вечером она превращается в кинозал — четвертое здание. Но куда бы ни понадобилось попасть, не нужно выходить на улицу: корпуса соединены коридорами, даже не коридорами, а уютными холлами — теплыми, светлыми, с креслами и диванами.

Сколько же в городке-санатории «ответственных квартиросъемщиков»? 510 человек. Много прожито, много видано, много сделано!

В тридцатой комнате живет Константин Прохорович Свиридов с женой Матильдой Михайловной. Константину Прохоровичу под семьдесят, дают о себе знать проклятые болезни, но Свиридов не собирается капитулировать. Нет, балтийский моряк не хочет и слышать такого слова — «капитуляция». Вот другим он приказывал сложить оружие — это верно. В славном семнадцатом году в Кронштадте обезоруживал офицеров, был избран от минного заградителя «Лена» в Центробалт — Центральный комитет Балтийского флота. Штурмовал Зимний, добывал на Волге хлеб для голодающего, борющегося Питера. Когда доставил первый эшелон, был приглашен к Владимиру Ильичу Ленину. Свиридов рассказывает:

— Владимир Ильич Ленин подробно расспросил меня обо всем, потом обнял за плечи, крепко пожал руку и сказал: «От души благодарю вас, вы очень помогли революции».

Заглянем еще в одну комнату — сто седьмую. Познакомьтесь: сестры-близнецы Глафира и Елена Толченовы и Ольга Александровна Вальтер. Учительницы. Сестры преподавали французский и немецкий, Ольга Александровна — рисование. У Глафиры Николаевны и Елены Николаевны — ордена Ленина. Что и говорить, неплохо потрудились за семьдесят лет! Но и сейчас в меру сил они участвуют в общественных делах: Глафира Николаевна — староста этажа, Елена Николаевна в библиотеке помогает, Ольга Александровна участвует в выпуске стенгазеты.

Мария Андреевна Богомолова.

И если уж говорить об общественниках, то никак нельзя не упомянуть Марию Андреевну Богомолову. Ее называют несколько необычно, но уважительно: неистовая Маша. Она и в редколлегии, и письма старушкам пишет, и в столовой дежурит, и о поездках в театры и музеи хлопочет... Вот Мария Андреевна приглашает двух пенсионеров на свежий воздух: «Что вы из себя стариков корчите, идите на улицу, к гончаровскому обрыву — красота-то какая!» Гончаровский обрыв — так назвали женщины высокий берег Москвы-реки, на котором стоит нарышкинский особняк. Потом Мария Андреевна ведет старушек на первый этаж в швейную мастерскую. А еще есть картонажная, скоро будет и сапожная.

Матильда Михайловна и Константин Прохорович Свиридовы.

Когда я спросил Марию Андреевну, как ей здесь живется, она всплеснула руками:

— Не высказать! Чувств больше, чем слов!

Так она сказала и за себя, и за маляра Блинова, и за певца Добронравова, и за текстильщицу Миронову, и за кандидата биологических наук Рахлину, и за уборщицу Козлову — за всех!

Вечер жизни иногда приносит огорчения. Но когда человек находит поддержку, заботу, когда он неодинок, тогда — это светлый вечер. Уютно, тепло тем, кто живет в корпусах на высоком берегу Москвы-реки, рядом с густым и древним филевским парком.

В ненастную погоду приятно погреться под искусственным солнцем.

В. Серов. ПОРТРЕТ К. КОРОВИНА. 1891.
Государственная Третьяковская галерея.

Сумгаитские легенды и

Расул РЗА

Фото Б. КУЗЬМИНА.

И степь была бескрайняя, и ветры свирепые, и солнце беспощадное, как судьба... Караван шел медленно, оставляя на прибрежных песках следы верблюжьих ног.

Рядом бурлило море. Волны — белогривые львицы — с яростью обрушивались на скалы, разбиваясь на тысячи хрустальных брызг. А люди шли и шли, понурив головы, сухим языком облизывая потрескавшиеся губы. Жажда обессиливала, жажда вселяла в сердца страх мучительной смерти.

Но эта степь — беспощадная, неумолимая — была и надежной защитой от преследователей, которые не осмеливались прийти сюда.

И все чаще и чаще останавливался этот печальный караван, не будучи в силах двигаться вперед.

И был среди людей юноша могучей силы и девушка с тонким станом. Они шли рядом, не чувствуя жажды и усталости. Жажда любви, во сто крат сильнее любой жажды, наполняла их сердца. Дорога любви была бесконечна. Земные пути не пугали их.

И когда, обезумевшие от страха неминуемой смерти, люди бросились на песок и начали руками разгребать его в поисках воды, юноша знаком руки остановил ропот и рыдания. Он сказал:

— Будет вода!

И люди поняли, на что он решился.

И пошел юноша, бросив на свою возлюбленную прощальный взгляд.

И девушка простонала: «Сум, гайыт!» («Сум, вернись!») Сум — так звали юношу.

— Прощай, Джейран!.. — крикнул юноша.

Горы повторили эхом:

— Джейран!

Так звали девушку.

И юноша скрылся за горизонтом.

Люди ждали. Люди надеялись. Люди забыли про свои страдания.

Послышался крик, от которого у всех волосы встали дыбом. Это был крик злого духа, смертельно раненного мечом.

Послышался гром. Это юноша схватился за черный камень-гору. Раскаты грома пронеслись по степи, и жалобно зазвенели пески. Небо покрылось черными тучами.

Послышался глубокий вздох. Казалось, сама земля облегченно вздохнула, освободившись от тяжелого бремени. Волны застыли, море погрузилось в тишину. Это юноша поднял и отбросил в сторону черный камень-гору, преграждавший путь реке.

И люди увидели голубую ленту воды, которая, прыгая, извиваясь, пенясь, побежала на выжженную степь.

Крик радости огласил степь.

Но прошли первые минуты ликования, и люди увидели, что юноша, открывая путь воде, погрузился в землю под тяжестью черного камня-горы. Высовывалась из-под земли только одна рука с растопыренными пальцами. Лишившись своего возлюбленного, Джейран бросилась в поток и утонула.

С тех пор это место называется Сумгаит, а маленькая речка, которая девять-десять месяцев в году бывает сухой,— Джейран-Батанчай (река, где утонула Джейран). А гора, вершина которой напоминает огромные растопыренные пальцы, называется Беш-бармаг (Пять пальцев)...

Такую красивую, но мрачную легенду создал народ о прошлом Сумгаита...

И вот строки из новой жизни о Сумгаите, записанные молодой ученой З. А. Дулаевой в ее диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук:

«Первые 500 строителей молодого города приехали в марте 1944 года.

Условия работы и быта этих первых строителей были очень тяжелые. Площадка, где должны были разместиться организация треста «Закпромстрой» и жилье рабочих, представляла собой степь и пески. Не было дорог, водопровода, электроэнергии, не было благоустроенных домов».

Кто, увидев сегодняшний Сумгаит, стройные шеренги его многоэтажных красивых домов, зеленую поросль молодых деревьев, окаймляющих его широкие улицы, его просторные площади, лес телевизионных антенн на крышах домов, благоустроенный морской пляж, — кто, увидев все это, может поверить, что создано оно за каких-нибудь полтора десятка лет?

А это тем не менее так.

Сумгаит превратился в крупный промышленный центр Азербайджана, став вторым после Баку индустриальным городом республики. Теперь это город металлургов и химиков — представителей новых для Азербайджанской республики отраслей промышленности.

Интересна история первенца Сумгаита — ТЭЦ.

В проекте Сумгаитской ТЭЦ разрешался вопрос применения нефтяного газа в качестве основного топлива. Однако кому-то в секторе Наркомата тяжелой промышленности показалось это нереальным, они запретили азербайджанцам использование газа и рекомендовали использовать донецкий антрацит. А это могло вызвать нехватку транспорта, создать перебои в работе самой станции, привести к серьезным осложнениям в промышленности Баку.

7 февраля 1937 года на решении сектора появилась резолюция Серго Орджоникидзе: «Это чепуха. Строить станцию на газе».

Нефтяной газ стал не только источником топлива для молодого города, но и базой Большой химии.

Еще в 1926 году ВСНХ объявил конкурс на лучший промышленный способ получения синтетического каучука. Предложение коллектива, возглавляемого профессором С. В. Лебедевым, удостоилось государственной премии. Было отмечено изыскание и другого советского ученого, профессора Б. В. Бызова, разработавшего перспективный способ производства каучука из нефти. Эти простые и оригинальные способы получения синтетического каучука стали сенсацией в ученых кругах. Американский изобретатель Эдисон в 1931 году выступил в печати с заявлением: «Известие о том, что в Советском Союзе удалось получить синтетический каучук, неверно. Этого никак нельзя сделать. Скажу больше, все сообщения — ложь: из собственного моего опыта и опыта других ясно, что вряд ли возможно получение синтетического каучука вообще».

А вот сообщение, которое появилось в республиканской газете «Коммунист» в 1952 году:

«Новой блестящей страницей в расцвете молодой химической промышленности Азербайджана является создание Сумгаитского завода синтетического каучука. Впервые в Советском Союзе организовано крупное промышленное производство синтетического этилового спирта из отходящих газов нефтеперерабатывающей промышленности».

Как видно, опыты бывают разные. Советский опыт не оставляет места для сомнений в жизненной реальности замыслов советских ученых.

Сумгаитский завод работает на спирте, который в два с половиной раза дешевле спирта, получаемого из пищевых продуктов. Кроме того, это дает возможность ежегодно экономить в стране миллионы пудов зерна.

А недавно, тоже впервые в нашей стране, здесь освоили новую технологию производства дивинила для выработки синтетического каучука непосредственно из газа.

В 1960 году производство стали в республике выросло более чем в 20 раз, а проката — почти в 45 раз. По выплавке стали Азербайджан опередил такие развитые капиталистические страны, как Япония, Италия.

Сумгаитский трубопрокатный завод. Цельнокатаными, бесшовными трубами сумгаитцы снабжают не только нефтяную промышленность Азербайджана, но и Второй Баку, Грозный, Туркмению. Эти трубы находят широкий спрос на промыслах Румынии, на предприятиях Индии, ГДР, Болгарии, Китайской Народной Республики, Польши, Вьетнама, Австрии, Афганистана...

Два снимка с одного и того же места. Первый, на котором пустырь, сделан в 1955 году. Второй — спустя шесть лет. Памятник Ильичу, новые жилые кварталы, чуть ли не вплотную подошедшие к Каспию, улицы с их зеленым убором, улицы, обжитые людьми и машинами, — это и есть сегодняшний Сумгаит, новый город на Апшеронском полуострове.

Этот город уже дает стране сталь, прокат, трубы, синтетический каучук, спирт, алюминий, а вскоре будет давать суперфосфат, стекло, продукты химического производства.

Необыкновенный, прямо-таки «космический» рост Сумгаита лучше всего познается в сравнении с Баку. В конце семилетия Сумгаит будет вырабатывать продукции столько, сколько выпускали все предприятия Баку в 1958 году.

БЫЛИ

Сумгаитцы законно гордятся своим алюминиевым заводом САЗ, оснащенным по последнему слову техники. Недалек тот день, когда вступит в строй Кировабадский глиноземный завод и САЗ будет работать на базе азербайджанского аллунита.

Но не одними своими заводами, промышленными предприятиями и стройками славится Сумгаит. Сумгаитцы хотят сделать весь свой город таким, чтобы его назвали городом коммунистического труда и быта.

Сумгаит — город общественных университетов. Здесь работают университеты культуры, здоровья, общественных профессий, коммунистического труда и быта.

Вот уже второй год как в городе активно действует общественное конструкторское бюро, разрабатывающее проекты многих зданий и сооружений. На улицах все больше появляется красивых киосков, павильонов, создан замечательный приморский пляж. На общественных началах работает художественный совет, который рассматривает и утверждает проекты благоустройства города.

Квартальные комитеты следят за порядком во дворах и квартирах, особенно заботятся о детях. Это они зорко следят за тем, чтобы шефы-заводы обеспечивали всем необходимым детские площадки. Десятки молодежных бригад в свободное от работы время ремонтируют квартиры горожан.

Сумгаитцы говорят:

— Не зелень около домов, а дома в зелени!

Теперь не только на улицах, во дворах, но и на многих балконах — обилие зелени, цветов.

Глядя теперь на синее зеркало Джейран-Батанского водохранилища, снабжающего сумгаитцев прекрасной питьевой водой, как не вспомнить печальную легенду о гибели юноши Сума и его возлюбленной?

...В ушах звенит песня, которую я услышал в Сумгаите, — песня о городе, где легенда становится былью, мечта — явью, где тысячи и тысячи людей нашли свое призвание, обрели свое счастье.

Две подруги — учительница и ученица. Одна из них, та, что справа, Саяра Бахшиева, — крановщица трубопрокатного цеха, депутат горсовета. Другая, Вера Горащенко, — контролер ОТК этого же цеха. Кто же из них учительница и кто ученица?

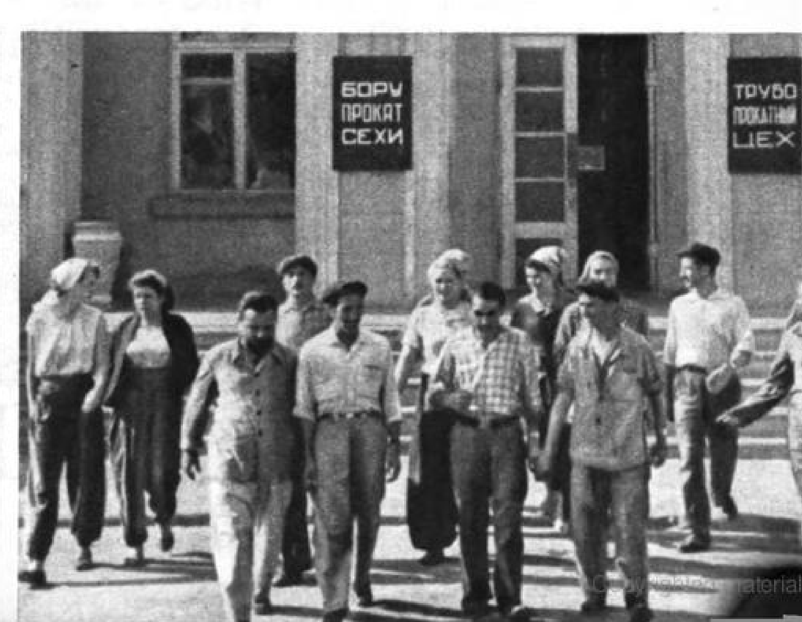
Саяра обучает Веру искусству кранового машиниста.

В цехе тринадцать крановщиц, и все тринадцать безвозмездно обучают работников цеха второй рабочей профессии.

Традиция трубопрокатчиков — брать оставшихся без родителей детей, обучать и воспитывать их. Есть такой воспитанник завода и в механической мастерской у бригадира Мамеда Зейналова. Зовут его Зульфагар Мустафаев, попросту Мустафа...

Хорошую путевку в жизнь дает ему завод.

Ударники коммунистического труда — крановщики трубопрокатного цеха (на правом снимке).

Аэрозольный генератор для истребления гнуса. Фото Б. Кузьмина.

СТО МИЛЛИОНОВ ДЕЙСТВИЙ В СЕКУНДУ...

Дмитрий ЖУКОВ

Независимо от возраста

Час езды от Новосибирска — и я на берегу Обского моря, в научном городке Сибирского отделения Академии наук СССР.

На площадке возле Института математики играют в хоккей десять очень молодых людей. Вон того академик Колмогоров назвал одним из талантливейших представителей молодого поколения математиков, другой только вчера, рассчитав вес и форму заряда, точно перебросил взрывом сотню тонн земли в заданное место, третий...

В общем, не зря шайбы вбиваются в ворота противника, как гвозди,— резко, точно, неотразимо. Я начинаю подозревать, что и здесь не обошлось без предварительных скрупулезных математических расчетов, обеспечивающих в наше время успех любого дела.

В молодом городе всюду молодые лица. Им поручены большие дела, и они с жаром и упорством, не считаясь со временем, работают над важнейшими научными проблемами. Как сказал недавно Н. С. Хрущев, «не количество лет определяет достоинство человека, а то, какую пользу он приносит обществу, какой вклад он вносит в общее дело».

В академгородке издается своя газета-многотиражка. В ней председатель президиума Сибирского отделения Академии наук СССР академик М. А. Лаврентьев написал:

«Наши институты молоды не только по времени, прошедшему с момента их открытия, они молоды и по среднему возрасту сотрудников... Каждое подразделение института должно возглавляться действительно способными и работоспособными людьми, независимо от их возраста... Исключительное внимание, которым мы окружены со стороны ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущева, накладывает на нас почетную обязанность — дать стране новые открытия, успешно внедрить их, подготовить учеников, которые были бы лучше и сильнее нас».

Воспитание ученого начинается с «колыбели» — с того учебного заведения, в котором молодой человек выбирает дело всей своей жизни. В академгородке возводятся корпуса Новосибирского университета, и в нем уже занимаются студенты.

А рядом институты, в которых предстоит работать будущим ученым. И они придут туда не робкими новичками. Уже с третьего курса студенты получат темы по избранной специальности и будут проводить в лабораториях три-четыре дня в неделю.

В век космических скоростей меняются темпы и методы работы. На помощь ученым всех специальностей приходят сложные электронные математические машины. В академгородке студентов учат ими пользоваться. Выпускники университета будут сами программировать математические задачи и решать их на машинах.

Это уже сделано

— Нет-нет,— говорит мне Михаил Алексеевич Лаврентьев,— об этом не пишите, это зачеркните, об этом упоминать еще рано...

Советские ученые неохотно делятся сведениями об удачных, но еще не завершенных опытах.

А как же быть журналисту, которому редакция дала задание не только узнать о достижениях сибирских ученых, но и выяснить их планы на будущее, их мечты, их мысли в связи с опубликованием двадцатилетней программы развития нашего государства, в которой говорится, что «применение науки становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества»?

Конечно, трудно предугадать, что даст наука за двадцать лет. Но контуры больших исследований уже проглядываются в обязательствах ученых, в их выступлениях на партийных собраниях, посвященных претворению в жизнь решений XXII съезда КПСС.

Академик Лаврентьев рассказывает о «гидропушке», созданной научными сотрудниками Института гидродинамики Б. В. Войцеховским и Э. А. Антоновым. Это импульсный водомет, выбрасывающий струю воды под давлением в 3 тысячи атмосфер. Струя вылетает со сверхзвуковой скоростью. Она расшибает вдребезги ствол дерева, режет металл и разрушает самые прочные породы угля. Первые образцы установки прошли успешные испытания в карьерных условиях. Тяжелый труд шахтеров будет облегчен.

Вся Сибирь — это огромная целина, богатая, но достаточно не познанная и еще почти не тронутая. Ученые, как разведчики, проникают в ее тайники и подготавливают почву для решительного наступления основных сил. И институты сибирского научного центра изучают сейчас проблемы развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока.

Геологи утверждают, что полтора миллиона квадратных километров площади Западной Сибири богаты нефтью.

Решается проблема, которая даст возможность оросить и обессолить плодороднейшие земли Кулундинской степи.

В Институте неорганической химии предположили, а потом убедились опытным путем, что земля теряет плодородие не только от недостатка калия, фосфора и других веществ, которые вносятся в нее в качестве удобрения. Нет, земля становится неплодородной потому, что теряет микроэлементы — медь, марганец, бор.

Или вот решение еще одной чисто сибирской проблемы.

Летом над таежными просторами висят рои комаров и прочей мошкары. От безжалостных насе-

комых нет покоя ни людям, ни животным. Людям приходится носить специальные сетки или натираться защитными веществами, которые, однако, быстро улетучиваются, и в кожу снова впиваются тысячи назойливых маленьких существ.

Летающие ничтожества — гнус — серьезная преграда в освоении Сибири. Сотни ученых ломают голову, придумывая средства борьбы с этим злом. В Институте химической кинетики и горения создан мощный аэрозольный генератор, предназначенный для массового уничтожения гнуса.

Заместитель директора института Л. С. Козаченко рассказал мне, что новый генератор спроектирован конструктором Сергеем Ивановичем Новиковым. Это турбореактивный двигатель, установленный на вездеходе. В камеру сгорания двигателя вместе с топливом впрыскиваются ядохимикаты. При горении образуется мощная газовая струя, превращающаяся в огромное аэрозольное облако, которое держится около часа. Комар, попав в такое облако, живет не более трех минут.

При ветре, имеющем скорость 5 метров в секунду, облако пролетает 10 километров в час, уничтожая на своем пути насекомых. За час генератор может обработать пространство в 10 тысяч гектаров.

Еще рано говорить об успешном завершении работ. Вероятно, потребуется серия аппаратов, различных по производительности, для работы как в таежных условиях, так и на просторах целинных земель.

Вместе с сотрудниками Института химической кинетики и горения над генератором работали и ученые из Биологического института, исследовавшие действие химикатов на насекомых.

Примеров такого комплексного решения проблем можно привести десятки. Физики объединяются с химиками, геологи — с ядерниками. Так появился на свет прибор, который облучает потоками ядерных частиц горные породы, выясняет их структуру и таким образом помогает разведчикам недр земли.

И все хотят сотрудничать с математиками, получившими на вооружение быстродействующие электронные машины. Они нужны экономистам, разрабатывающим рациональный план транспортировки леса в пределах Западной Сибири, геологам, анализирующим магнитные и гравитационные аномалии, медикам — для установления диагнозов, химикам, желающим получить машину для управления химическими процессами.

...Это то, что уже есть сегодня.

Что будет завтра!

В Вычислительном центре мало людей. В длинном зале все время стоит ровный гул вентиляционной системы. Воздушные потоки охлаждают тысячи ламп, скрытых за зеркальными стеклами стоек. У стены под колпаками — быстро вращающиеся магнитные барабаны — память машины, хранящая множество сведений и готовая в любую минуту послать их в арифметические устройства.

В центре зала — пульт управления. Под рукой оператора множество клавишей для набора программы вручную. На пульте несколько сот лампочек индикаторов. Они то зажигаются, то гаснут, образуя сложные, ритмично повторяющиеся узоры. Каждая задача, которую решает машина, выводит свой световой рисунок, который дублируется звуками различной тональности, несущимися из репродуктора.

Опытное ухо оператора по этим звукам следит за ритмичностью работы машины. Шутники-математики придумали оригинальный способ проверки аппаратуры. Они составили программу такой математической задачи, что, когда машина ее решает, репродуктор начинает насвистывать «Барыню».

Машина производит тысячи логических действий в секунду. Это уже не шутка. На такой машине можно было бы рассчитать траекторию снаряда, прежде чем он долетит до цели, изменения в курсе космического корабля.

И все же такая быстрота действия уже не устраивает ученых. В новой Программе партия придает большое значение созданию еще более совершенных вычислительных и информационных машин.

Недалек тот день, когда машины смогут выполнять любую умственную работу, если люди сумеют разложить ее на цепь последовательных логических операций и выразить языком чисел.

Машина будет делать сотни миллионов действий в секунду. Читатели могут не поверить мне, как не поверил я сам, услышав впервые эту астрономическую цифру. Но я не собирался писать фантастический рассказ и, подумав, что это обычная шутка, на которую торовят веселый молодой народ академгородка, основательно все разузнал. Да, эту цифру назвал Эдуард Владимирович Евреинов, один из талантливейших ученых, работающих в области вычислительной техники.

И чтобы избежать обвинения в фантазировании, я приведу подлинные слова Евреинова, сказанные им на партийном собрании, посвященном задачам, которые ставит перед учеными Программа КПСС: «Если современные машины имеют быстроту действия порядка 10 тысяч операций и заменяют около миллиона вычислителей, то сейчас отделение вычислительной техники поставило перед собой задачу разработать высокопроизводительную вычислительную систему. Новая система не может быть большой, ее приходится сжимать. Она мыслится не больше спичечной коробки. Потребление энергии — порядка 10 ватт, что сравнимо с затратами энергии в нашем мозгу. Такая система позволит нам существенно улучшить и автоматизировать другие виды умственного труда. Такая вычислительная система, например, может «запомнить» около 500 тысяч книг. Этого достаточно, чтобы работать в узкой отрасли человеческих знаний. Мы не сможем выполнить эту задачу в ближайшие сроки, но в течение пяти — десяти лет это будет сделано».

Вдумайтесь в эти слова. Если человек будет читать в день по одной книге, то к сорока годам он от силы прочтет 10 тысяч книг. Как далеко должна шагнуть наука, чтобы человек сказал, что 500 тысяч книг «достаточно» для работы в «узкой» отрасли человеческих знаний!

Не менее увлекательна и тема очередной работы Э. В. Евреинова и другого молодого ученого, Ю. Г. Косарева. Они хотят выразить процесс проектирования сложных электронных машин в виде формул. Электронные машины получат задачу проектировать себе подобные, а следовательно, любые другие механизмы. Но в процессе проектирования машина будет не только воспроизводить самое себя, но и выбирать оптимальный вариант, то есть непрерывно совершенствоваться.

В Институте математики создано новое конструкторское бюро. Ученые обязались помочь Новосибирскому совнархозу разработать ряд машин для управления некоторыми технологическими процессами.

Работники этого бюро Кормилицын и Комаров предложили проект автоматизации Новосибирского телеграфа. Одна электронная машина заменит около шестисот работников, будет четче обрабатывать информацию и даст большую экономию.

В сто раз!

Я у руководителя отдела прочности Института гидродинамики академика Юрия Николаевича Работнова. Он не многоречив и на мой вопрос о планах и мечтах сперва только слегка улыбается. Потом неторопливо начинает:

— Мы будем заниматься вопросами прочности материалов, применяемых в машиностроении. Лично я интересуюсь прочностью при высоких температурах. Это важно для создания паровых и газовых турбин, для авиации и химической промышленности.

Есть два пути увеличения прочности при высоких температурах. Во-первых, можно рационально использовать имеющиеся материалы, создавать системы охлаждения и прочее. Другой путь — создавать новые материалы. И уже есть материалы, работающие при температуре до тысячи градусов.

Нашим институтом разработана конструкция универсальной машины для испытания деталей на ползучесть при высоких температурах. Что такое ползучесть? Под нагрузкой при температуре в 400 градусов и выше металл деформируется. Турбинный диск при вращении увеличивается в диаметре, и лопатки его начинают задевать за стены. «Ползет» любой материал, даже сталь.

Наша задача — определить, сколько может служить деталь и как лучше ее проектировать. Испытания на машине проводятся в условиях, приближенных к реальным. Сейчас изготавливается окончательный вариант такой универсальной машины, и в этом году будут закончены ее испытания.

Перед нами встает проблема сверхпрочности материалов.

Для этого нужно изменить структуру металла. Теоретически возможно повысить его прочность в сто раз. Попробуйте подсчитать, что даст народному хозяйству увеличение прочности хотя бы в три раза. Произойдет целая революция. Ведь соответственно уменьшится вес изделий. В космос устремятся корабли, огромные и легкие.

Учеными получены так называемые «усы» — нитевидные кристаллы железа диаметром в несколько микрон и длиной в один миллиметр. Они-то и обладают прочностью, которая превышает прочность обыкновенного железа в сто раз.

Если удастся создать длинные и тонкие волокна железа, то из них можно будет плести пряжу и пропитывать ее синтетическими смолами. Из такого материала можно изготовить сверхпрочный кузов автомобиля толщиной всего в миллиметр.

Сейчас ведется работа по выяснению причины прочности «усов». Уже выдвинут ряд гипотез...

* * *

...Обилие материалов всегда ставит журналиста в затруднительное положение. О чем писать? Что выбрать? Может быть, мне надо было лишь рассказать о расчете паводков рек на электронных машинах или о намеченном бурении скважин на глубину в 15 километров? Ведь мне все равно не перечислить и десятой доли тех проблем, которые решаются учеными Сибири. И хоть многие из этих проблем звучат сейчас фантастически, пройдет несколько лет, и они будут решены. Но я не мог удержаться от соблазна познакомить читателей хотя бы бегло с размахом работ сибирских ученых...

Президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш у сибирских ученых.

Ворвалось в комнату солнце. Приподнял Мишка голову.

МИШКА-НАХ

⇐ Батянька! Про войну расскажешь?

— Видишь, оно, как дело было...— начал свой рассказ отец (артист Д. Нетребин). — Богатеи позаняли всю землю. А бедным сеять было не на чем. А потом объявились большевики...

Есть у Михаила Шолохова рассказ с таким милым и лукавым названием. Нахаленок — это кличка непоседливого мальчишки-казачонка. Наверное, автор видел его в какой-нибудь из донских станиц или хуторов, когда сам мыкался по этим самым станицам и хуторам с продотрядом.

Сюжет рассказа чрезвычайно прост.

Возвращается к себе домой революционный матрос — отец Мишки-нахаленка. Возвращается, чтобы строить новую жизнь.

«С тех пор каждый вечер рассказывал отец Мишке про войну, про Ленина, про то, в каких краях бывал...

— Гляди, Минька, вот это самый и есть Ленин!

Мишка вырвал у отца из рук карточку, впился в нее глазами и рот от удивления раскрыл: на бумаге стоит во весь рост небольшой человек, вовсе даже не в красной рубахе, а в пиджаке. Рассматривает Мишка Ленина: совсем простой!.. Одна рука в карман засунута, а другой вперед себя показывает.

Уперся Мишка в него глазами, в один миг всего ощупал; крепко, навовсе, навсегда вобрал в память изогнутые брови, улыбку, притаившуюся во взгляде и в углах губ, каждую черточку лица запомнил».

Это в рассказе.

А. Витоль прочел рассказ и в содружестве с режиссером Е. Кареловым поставил великолепный телевизионный фильм, который так и назвали «Нахаленок».

Не знаем, какая счастливая судьба навела на след шестилетнего Володи Семенова — исполнителя главной роли, ясно одно: это редкая удача. И пусть не будут на нас в обиде взрослые герои фильма,— они хорошо сделали свое дело, но мы не смогли лишить нашего читателя удовольствия посмотреть подольше и попристальней на этого удивительного маленького «актера».

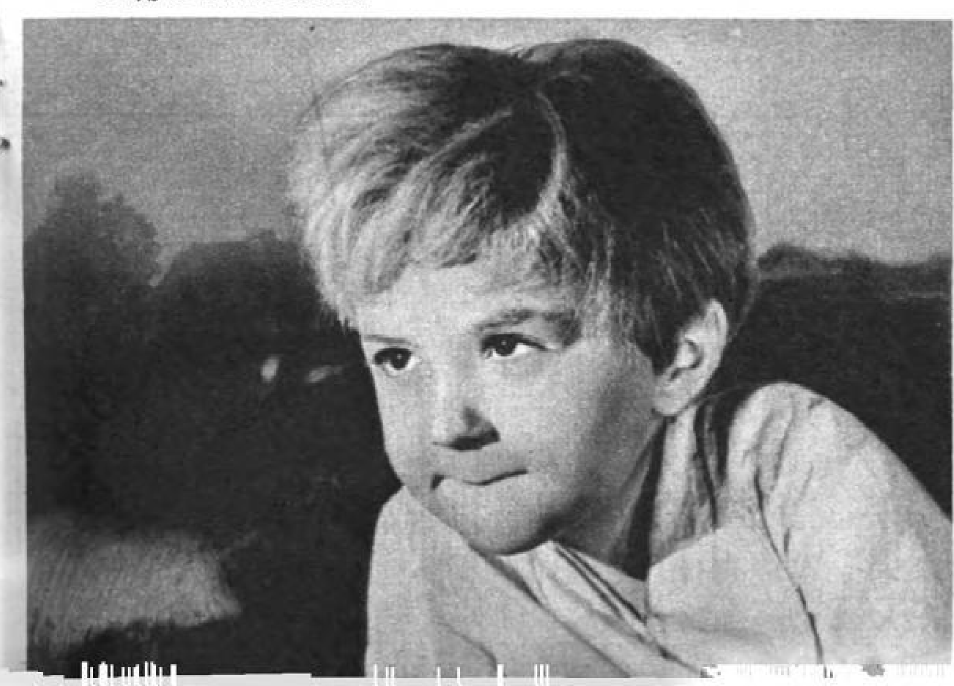
Весь же постановочный коллектив хочется от всей души поздравить с большой и принципиальной победой.

— Ты вот чего... ты... отдай мне Ленина!..

Как зачарованный, смотрит Мишка на портрет Ленина, глаз не сводит...

АЛЕНОК

—Я иду с вами воевать!

Из жизни Добролюбова

Н. А. Добролюбов, великий русский критик и публицист, умер сто лет назад, когда ему еще не было 26 лет. Но, по выражению Чернышевского, «уже четыре года он стоял во главе русской литературы,— нет, не только русской литературы,— во главе всего развития русской мысли». Как же случилось, что, прожив так мало, Добролюбов успел сделать так много? Ведь он выступал не только как литературный критик, автор знаменитых статей об Островском, Тургеневе, Гончарове; ему принадлежат также статьи по вопросам философии, социологии, истории, педагогики. Он писал стихи и рецензии, фельетоны и пародии, очерки и публицистику. Последнее собрание его сочинений состоит из шести больших томов, а туда еще не вошли письма критика.

ЕГО ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

Он был человеком редкой принципиальности, честности, непреклонной твердости в убеждениях. Вот что говорят об этом его выдающиеся современники и друзья:

«Он смеялся в лицо глупцу, резко отворачивался от негодяя, он соглашался только с тем, что не противоречило его убеждениям» (Н. Некрасов).

«Никто никогда не действовал с такою полною независимостью от всех окружавших, как он. Никакие личные отношения не могли поколебать его, когда он считал нужным поступить так или иначе» (Н. Чернышевский).

«Слово и дело никогда не противоречили в нем, и никогда в своих поступках он не допускал ни малейшего, самого невинного уклонения от своих убеждений» (И. Панаев).

О том же свидетельствуют и воспоминания некоторых товарищей Добролюбова по педагогическому институту. Например, А. Радонежский вспоминает такой случай. Как-то вечером, после ужина, студенты, жившие в одной комнате («камере») с Добролюбовым, сидели за столом, занимаясь каждый своим делом. Добролюбов, сдвинув на лоб очки, по обыкновению что-то читал. В это время вернулся от знакомых один студент и стал рассказывать новости: будто ходят слухи о предстоящем освобождении крестьян (дело было в начале 1857 года).

В словах студента прозвучал оттенок неудовольствия. Добролюбов начал прислушиваться, но пока еще довольно спокойно. Когда же он услышал от своего товарища, что подобная реформа пока несвоевременна для России, он уже не мог сдерживаться. Он побледнел, вскочил со своего места и неистовым голосом, какого от него никто не слышал, закричал:

— Господа, гоните этого подлеца вон! Вон, бездельник! Вон, бесчестье нашей камеры!..

По словам очевидца, Добролюбов, обычно хорошо владевший собой, на этот раз дал полную волю выражениям своей страсти и гнева.

ЕГО ВКУСЫ

Радонежский рассказывает о себе, что в студенческие годы ему случалось напевать чувствительные романсы, и это неизменно раздражало Добролюбова. Однажды, услышав пение своего товарища, Добролюбов сердито заявил ему:

— Перестанешь ли ты сердечные романсы распевать? Ужели ты не имеешь в запасе для пения чего-нибудь получше? На вот, пой...

И он сунул певцу книжку стихотворений Некрасова, прибавив:

— Оставь, пожалуйста, любовь и цветы, пой жизнь или плачь: это одно и то же,— ну, свисти!..

Тот же мемуарист сообщает, что Добролюбову очень нравилась песня «Не слышно шуму городского» (на стихи Федора Глинки), он часто просил ее петь и слушал с особым вниманием.

Добролюбов любил театр. Но в театре, как и в жизни, он не выносил фальши, неестественности, напыщенности. Однажды, будучи студентом последнего курса, он сидел в ложе Александринского театра и смотрел драму Н. Полевого «Параша Сибирячка». Вряд ли ему нравилась эта ходульная драма, но особенное недовольство вызывал игравший в ней актер А. Максимов (в дневнике Добролюбова сохранились неодобрительные отзывы о его игре). Максимов имел привычку выходить и раскланиваться после каждого монолога, чем нарушалось художественное впечатление. И вот когда публика хлопала входящему актеру, Добролюбов вставал с места и, высунувшись из ложи, громко кричал: «Невежа, лакей!» — и при этом свистал и шикал.

Рассказывают, что Добролюбов с той же прямотой и непосредственностью выражал свое возмущение и в других случаях, например, когда Максимов играл Чацкого.

ЕГО НАХОДЧИВОСТЬ

На редакционных обедах, которые устраивал Некрасов для сотрудников «Современника», обычно встречались представители разных литературных течений. Здесь бывали и Гончаров, и Тургенев, и Полонский, и Дружинин, и Анненков, и Чернышевский, и Добролюбов. Двое последних были новыми людьми в этом кругу, они держались несколько особняком и за столом чаще всего холодно молчали. Литераторы старшего поколения, принадлежавшие к либеральному крылу «Современника», относились к «нигилистам» с интересом, но и с опаской.

Как-то во время обеда заговорили об одном безвестном стихотворце, который писал оды в честь Николая I и на этом основании ходатайствовал о переименовании своей настоящей фамилии в фамилию Николаевский. Молчавший до того Добролюбов вдруг произнес:

— Как переименовали Грязную улицу!

Грязная улица в Петербурге с недавних пор действительно стала называться Николаевской.

Меткая реплика была услышана на другом конце стола. Критик П. В. Анненков постарался показать, что он оценил шутку: повернулся в сторону Добролюбова, поднял руки и изобразил ими рукоплескание. Но напрасно: ТАМ, вспоминает очевидец, это не было даже замечено. Добролюбов оставался непроницаем, продолжая хранить ироническое молчание.

Это было время, когда становились все более явственными непримиримые расхождения между двумя лагерями в русской литературе и русской мысли: между дворянскими либералами и революционными демократами, которым принадлежало будущее.

Владимир ЖДАНОВ

Ия МЕСХИ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Свет мысли

В окнах мелькали белые халаты. Казалось, что это клиника или вообще что-то медицинское, только сотрудников очень много и они еще слишком юны.

На четвертом этаже, в комнатах с надписями: «Монтажный цех», «Лаборатория магнитных элементов»,— лежали на рабочих столах детали замысловатой аппаратуры и множество пластинок с непонятными, сложными схемами. Мелкие колечки, которые надо было как-то хитроумно прошить и сплести, назывались ферритовыми сердечниками, а составленные из них кассеты — запоминающими устройствами математических машин.

Здесь можно было сидеть и подолгу наблюдать, как мальчики и девочки под руководством специалистов ловко орудовали паяльниками, как управлялись они с множеством электронных трубок и полупроводников.

Я уже давно ходила в московскую среднюю школу № 2, смотрела, удивлялась, пыталась вникнуть в суть совсем не школьных (в традиционном смысле слова) забот. Наверное, поэтому, когда я возвращалась из школы проспектами новой Москвы, мне чудились в громадных жилых кварталах те же счетные устройства с их десятками тысяч повторяющихся блоков, деталей и сигнальных огоньков. В этих блоках, казалось мне, сидят сейчас мои малолетние «кибернетические» друзья и поклоняются своему богу Техники. Он ведь действительно стал необыкновенно могуч. Он и вправду может заворожить, забрать человека без остатка. Загляните в глаза мальчика, устремленные на частицу машинного «мозга», которую он только что создал своими руками из феррита и тончайших проводов, подслушайте девичье безмолвие у монтажных столов, и вам тоже может почудиться такое...

Глаза ребят были хороши. В них светилась мысль!

И я продолжала ходить в эту школу, чтобы понять, что же составляет ее подлинное и, бесспорно, привлекательное лицо. Уж, наверное, не чисто внешняя, правда, эффектная, но, в сущности, формальная «кибернетическая» сторона. Школа могла иметь другой производственный профиль, и она продолжала бы оставаться той же школой.

Однажды я взяла с собой стопку домашних ученических сочинений по литературе 10 и 11-го классов с темами: «Для чего человек живет на земле», «Что я больше всего ценю в человеке», «Что мне принес год учебы и труда», «Что мне нравится и не нравится в нашей школе». Это было очень интересно. А последнее, пожалуй, просто смело. Не каждый учительский коллектив решится повести со своими питомцами столь откровенный разговор. Сочинения надо было назавтра вернуть, и ничего не оставалось, как сесть и некоторые из них самым школярским образом переписать.

«Мне нравится учиться, потому что я знаю: знания сделают мою жизнь красивой, трудной и сложной. Я знаю, что если у меня будут знания, у меня будет самостоятельный и творческий труд. Мне нравятся уроки математики. В сонной тишине люди работают напряженно и четко. На тетрадь шлепаются быстро цифры, формулы. Мне хорошо, когда мой мозг торопливо работает на этих уроках...»

Я представила себе эту девочку — ее зовут Лена П.— и залюбовалась ее осознанным желанием выбрать себе в жизни дело потруднее. Далеко не у всех это бывает...

«Работа наша,— продолжала я списывать,— мне не нравится. Это игра в работу, игра с педагогическими целями: привить «ребенку» уважение к труду, познакомить с трудовой дисциплиной. То «совершенство», которое достигнуто нами в работе за два года, при хорошей организации в институте достигается за 1—1,5 месяца. А может быть, и нет. Трудно во всем быть правым».

Трудно, действительно трудно во всем быть правым, особенно в 17 лет, когда все кажется таким простым и легким. Но хорошо уже то, что не смущает возможная неправота, что хочется поделиться своими мыслями. Видимо, в них есть какая-то доля истины, иначе не стала бы школа переделывать в этом году оборудование своих цехов по типу специального высшего учебного заведения. Может быть, так будет лучше? Может быть, к такому сближению граней школы и вуза следует идти? Ведь дело это новое как для школы, так и для шефов — Института точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР...

Что же касается игры в работу, то блоки математических машин, изготовленные здесь и посланные в вычислительный центр академику Николаю Ивановичу Мусхелишвили,— это, конечно, не игра. Не игра и заказы НИИчермета, специального конструкторского бюро агрегатных станков и автоматических линий Мосгорсовнархоза, которые институт поручил школьным цехам. И уж, конечно, не игра — полная сборка быстродействующей электронно-счетной машины в СКБ завода.

Но предположим даже, что всего этого еще нет и школьники только учатся.

Ищу ответа в других сочинениях.

«И вот я сделала первый блок,— сообщает Эля Ж.— Пускай этот блок никому не нужен, пускай он сделан не очень хорошо, но этот блок я сделала сама. Этот блок был **началом моей рабочей жизни**».

А Алла С. рассуждает так:

«Год учебы и труда? Нет, скорее год обучения труду. К сожалению, я еще не могу сказать, что научилась хорошо трудиться. Но зато смело заявляю, что я, да и не только я, научилась **ценить труд**».

Еще один отрывок. Это пишет Витя Ш.:

«По-моему, в этом году самым важным для меня будет не стать отличником и не стать примерным школьником, а понять, чего я все-таки хочу от жизни, кем мне хочется быть и **каким...**»

Вот ведь как. Один говорит: пусть будет культ учебы, не нужно меня воспитывать ни трудом, ни чем другим. Другой считает самым главным то, что научился ценить труд. Третий... Ему пока хочется все понять. Для него это сейчас (не надо пугаться!) важнее пятерки. В общем, все думают. Правильно или неправильно, но думают.

А вот что произошло с четвертым. Все годы учебы он ничего не хотел. Был сумрачным, замкнутым, держался в стороне. Пошел последний год школьной жизни. Учитель спросил его: что же, в конце концов, друг хороший, нравится тебе или не нравится в доме, где прошла большая часть твоего детства и юности? И вдруг он задумался. В самом деле, да или нет? Сел, открыл тетрадь для домашних работ:

«Мне лично писать о своей школе будет очень трудно. Ведь школу я люблю. «Нет,— скажут многие,— если бы ты ее любил, ты стремился бы к тому, чтобы школа твоя стала лучше, ты занимался бы и общественной работой, ты бы все свое свободное время отдавал ей». Всего этого я не делал, но школу люблю. Я даже сам не понимаю, почему так мало времени уделяю школе. Вот сейчас пишу, а в голову лезет одна и та же мысль: «Почему?» А ответа нет. Да, вероятно, по глупости. Точно так же мы относимся к матери. Грубим, оскорбляем, не слушаем. Короче говоря, всячески обижаем...»

Стоп! Парень поделился самым сокровенным. Теперь ему легче. Теперь можно говорить обо всем, не стыдясь своих чувств, ложно сдерживаемых многие годы или, напротив, вызревающих с годами. И, оказывается, школа — нечто очень дорогое, и очень важно, когда тебе доверяется все — от сложных деталей до сложных суждений о жизни и человеческих делах...

Запись синими чернилами закончена. Следуют красные чернила:

«Очень рад за тебя. Литература — 5. Русский язык — 4».

Очень рад за тебя... Почему здесь так написано? Чему обрадовался преподаватель русского языка и литературы? Тому ли, что у Славы З. благополучно с синтаксисом? Тому ли, что он научился грамотно излагать свою мысль? Или самой мысли? И почему он вообще обрадовался? Почему в иных тетрадях, не изобилующих грамматическими ошибками, красные чернила огорчены:

«Работа слабая. Она свидетельствует о **бездумном** отношении к жизни, о неумении (и нежелании) анализировать свои поступки...»

А в иных советуют:

«Меньше патетических восклицаний, больше размышлений».

Да, да. Побольше размышлений!

Известный английский физик Джордж Томсон, написавший книгу «Предвидимое будущее», говорит, что в Англии около 20 процентов мальчиков способны одолеть курс средней школы (о девочках вообще молчок...). Это так называемые умные мальчики, которые станут «умными» мужчинами и смогут выполнять работу интеллектуального порядка. А что же делать с «глупыми»? К чему приспособить их в предвидимом «умном» будущем, беспокоится Томсон.

Нам, людям, которые приняли Программу, наметившую в ближайшие десять лет осуществить всеобщее обязательное среднее образование, открывшую широкие перспективы для всестороннего и гармонического развития личности, со свободным выбором профессий, с равными возможностями для творческого труда и образования,— нам эта озабоченность непонятна. Мы даже обижены за 80 процентов хороших английских мальчиков (тем более за девочек!). Могут ли быть от рождения «умные» и «глупые» люди (патология не в счет)? Речь идет не об обывательском понятии, что есть глупость и ум, а о понятии по существу. Мы знаем на примере целых народностей, вышедших из темноты к свету образования и науки, что человеческий ум способен к развитию всегда. Но возникает другой вопрос: об уме запоминающем, шаблонном, «машинном» (разве нет и у нас таких «отличников учебы», таких узколобых специалистов и служак-ученых?) и об уме «мыслящем». Только он, «мыслящий», двигал во все времена жизни дело социального и технического прогресса. Будущее еще больше нуждается в таких умах. Красные чернила понимают это...

А ведь они, эти «чернила», тоже очень разноцветные. Один — я вижу его с палочкой, прихрамывающего, он бывший военный специалист, весь изранен, а сам огонь! Другой — у него математические труды, к нему приезжают на урок поучиться коллеги из-за рубежа — это глубина. Третий — собранность и мысль. Четвер-

→

В школьном радиомонтажном цехе. Внизу — частица машинного «мозга».

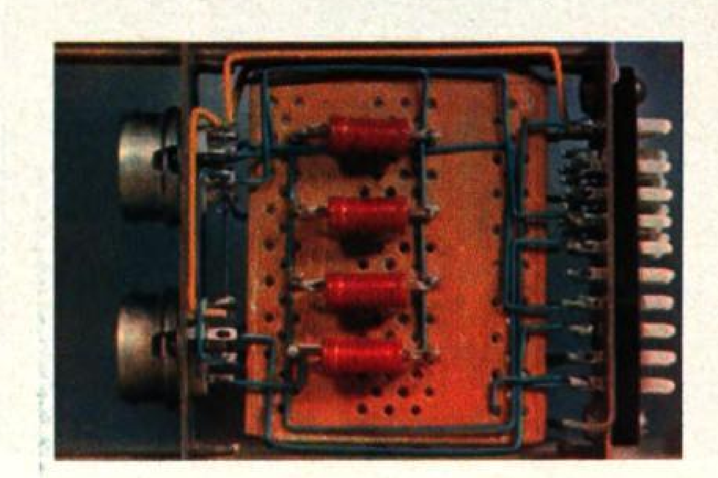

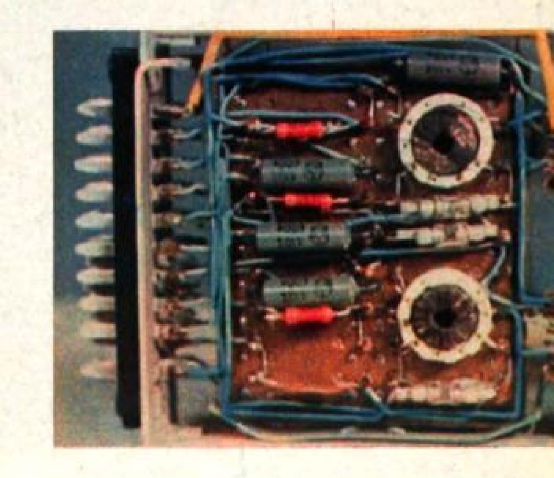
Ученик 9-го класса Саша Решмин будет делать электронно-вычислительные машины.

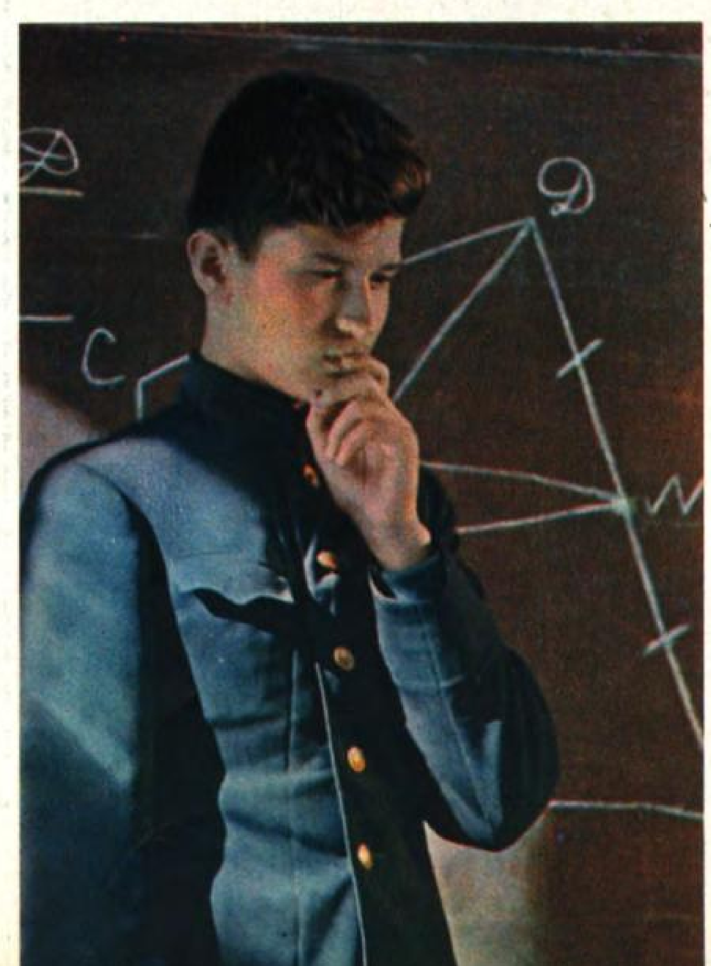

Школьники практикуются в программировании.

Математическая школа в школе.

Теорию программирования преподает И. Я. Танатар.

Истина рождается в спорах.

тый — вдохновение. Пятый — талантливая доброта... Надо же было так их найти, так скрупулезно подобрать одного к одному, закрыв глаза на «тяжелые характеры», на склонность к чрезмерным увлечениям — в общем, на все то, что нарушает порой размеренное течение школьной жизни от звонка к звонку. Что ж, зато дети получают не 45 минут, а настоящий урок, который всегда действует так или иначе на воображение, будит чувство и мысль.

Но урок — это мало, очень мало...

Ученику Школы математиков предлагается задача. Есть такая Школа в школе № 2. Сюда собираются полтораста «математических голов» из окрестных средних школ, здесь дети сами читают доклады на математические темы, готовят сборники «ученых трудов». С ними занимаются на общественных началах преподаватели и студенты МГУ. Так вот говорят автору «ученых трудов»:

— Эту задачу ты в классе решил так. А как еще ее можно решить? Думай!

Их юность отмечена постоянными открытиями внутри себя. Труд — это, оказывается, прекрасно. Школа — это любимо. Мысль — она доставляет радость. Таким никогда не будет скучно и уныло на земле. Перед ними не возникнет парадоксальной «проблемы досуга», или, как ее называют в Америке, «угрозы досуга». Последняя, как ни удивительно, появляется там в связи с прогрессом техники, в связи с возможностью быстрее выполнять работу, на которую раньше затрачивалось больше времени.

«Люди ощущают пустоту и какую-то растерянность перед долгими часами свободы, которые они получили и к которым они оказались неподготовленными. В результате этого нового дара техники торговля телевизорами сделала поразительный скачок, бюджет развлечений в одной только Америке достигает четырех миллиардов долларов; но в то же время алкоголизм, наркомания, психические заболевания и детская преступность выросли до устрашающих размеров...»

Это пишет известный американский педагог и писательница г-жа д'Арси Эйман. Тревога, настоящая, неподдельная тревога овладевает лучшими умами Запада при мыслях о скудном духовном лике их будущих поколений.

Создавая всяческие управляемые устройства, мы думаем не о замене человеческого мозга машинным, а об освобождении этого мозга от утомительной и однообразной работы ради творчества. Думая о будущем устройстве нашего общества, мы придаем ему черты величайшей организованности и четкости, которые находим в своей программе — Программе Коммунистической партии Советского Союза. Но любое устройство, будь то электронно-счетное или просто человеческое, может работать на будущее лишь тогда, когда оно одухотворено дыханием живой и горячей мысли.

Нравственные принципы и идеалы воспитываются в человеке с детства. Как же важно, право, чтоб в каждом школьном коллективе и в каждом маленьком блочке, где смонтированы не трубки и провода, а живые детские души, неугасимым алым светом горела мысль о завтрашнем человеке!

Восемь неизвестных

Невыдуманная история

Илья КОТЕНКО

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Исчезнувшее Бабаново

Между тем долгожданный день не принес ничего утешительного. Больше того, именно в этот день все так перепуталось, что я и мои товарищи по редакции превратились в своеобразных следователей. Именно в этот день спокойная и как будто бы ясная история жизни студентки Вали Смирновой стала напоминать какую-то несуразную задачу со многими «неизвестными».

Проверка награжденных по этой области не дала никаких результатов — ни одной такой Смирновой не было.

— Ты хорошо помнишь, что она работала в Бабанове, что ее там награждали? — спрашивали меня товарищи.

Да, в моей записной книжке было записано точно: «Бабаново. Районный центр. Колхоз «Родина». Председатель колхоза — Булатов Иван Петрович».

— Так чего же мы гадаем... Давайте звонить в Бабаново.

Есть такая картина «Урок анатомии»: к операционному столу тянутся несколько человек, напряженно следя за руками хирурга. В их позах и ожидание, и вера в успех, и простое человеческое любопытство. Я вспомнил эту картину, когда взглянул на своих товарищей, столпившихся у стола в тот момент, когда раздался звонок и далекое Бабаново подало свой голос.

— Дайте райком партии, — попросил я.

Немного усталый женский голос ответил:

— Соединить могу, но там никого нет.

— Тогда райком комсомола.

— И там не отвечают, только что звонила.

— Райисполком.

— И там тоже...

— Что тоже?

— Не отвечают.

— Да что у вас случилось?

— Кукуруза...

— Что кукуруза?

— Все на кукурузе...

— Много кукурузы?

— Очень много. По тысяче центнеров с гектара убирают... Так что вы звоните с утра, пораньше...

— А колхоз «Родина» у вас есть?

— Был. Сейчас он вошел в совхоз.

— Там отделение?

— Да.

— Соедините.

Сквозь шумы и трески — наверное, на трассе бушевали грозы — пробился тоненький девичий голосок:

— Говорит бухгалтерия.

— Скажите, у вас лет пять назад работала в колхозе дояркой Валя Смирнова? И мать у нее доярка...

— Смирновых не знаю.

— А вы давно там работаете?

— Восемь лет.

— И такой фамилии не помните?

— Нет... И в колхозной книге таких нет.

— А председателем колхоза у вас работал Булатов Иван Петрович?

— При мне не было.

— Точно?

— Могу назвать всех председателей за восемь лет...

На меня со всех сторон зашипели товарищи:

— Спроси насчет пожара. Изба у них горела?

Я спросил о пожаре. В голосе моей далекой собеседницы послышалось неподдельное удивление:

— Что вы! Не было у нас такого!..

— Совсем ничего не горело?

— В прошлом году молотильный сарай загорелся, но его потушили.

— И все?

— Все.

Я прикрыл трубку рукой и выжидательно посмотрел на друзей: что дальше делать?

— Давай по пожарной линии проверим. Пусть райцентр даст пожарную команду.

Я поблагодарил бухгалтера и попросил телефонистку соединить меня с дежурным пожарной команды. Сонный, густой и полный собственного достоинства голос отозвался немедленно. Но, видимо, дежурный не сразу мог понять, что мы от него хотим. Он то и дело переспрашивал: «Изба? Когда? Адрес? Ближайший водоем?» Наконец, разобравшись, в чем дело, он после недолгого молчания решительно ответил:

— Нет, гражданин, за последние годы по нашему району таких явлений не наблюдалось.

— Официально?

— Как резолюция.

Я уже хотел вешать трубку, когда меня остановил торопливый голос бабановской телефонистки:

— Москва, слушайте, Москва! Только что приехал председатель райсовета. Он у себя дома. Соединить?

— Пожалуйста.

Продолжение. См. «Огонек» № 48.

Так мы заочно познакомились с Андреем Петровичем Павловым. Разговор с ним и огорчил нас и в то же время вселил какую-то надежду. Я как мог подробнее рассказал о Вале Смирновой и наших поисках.

— Странная история, — после некоторого раздумья отозвался он. — Колхоз «Родина» у нас был. Но там никогда не был председателем Булатов! А как вы назвали бригадира?

— Ланских Валентин.

— Не было и таких. Бригадиров я всех знал. И награжденных знал. Из молодых у нас награждена орденом Зинченко. Нина Зинченко... Эта ваша Смирнова — комсомолка?

— Комсомолка.

— Ну, тем более! Я ведь тогда работал секретарем райкома комсомола. Своих-то передовиков я знаю. — Он помолчал, и я почувствовал, что Андрей Петрович усмехнулся. — А знаете, товарищи, — повеселевшим голосом сказал он. — Вы, наверное, не в то Бабаново попали. Я когда-то работал в Тюменской области, помнится, там есть Бабаново...

Ну, конечно же, так оно и есть! Просто я не спросил у Вали, к какой области принадлежит ее Бабаново. Не спросил и не записал. А это, конечно, там! Тюменские доярки всегда славились своей работой. И награждали Валю, конечно, по Тюменской области...

— Спасибо, товарищ Павлов! Извините, что побеспокоили, и поздравляем вас с хорошей кукурузой...

— Да, знаете, в этом году привалило... Прекрасно народ поработал — подарок съезду хороший приготовили, только теперь задача — все убрать...

— Желаем удачи.

— Спасибо... Счастливо найти Бабаново!

Как все-таки немного надо, чтобы после каких-то недоразумений и подозрений снова поверить в человека. И даже стыдно и неудобно бывает за те сомнения, которые у тебя возникали.

Видимо, и мои товарищи переживали нечто подобное. Во всяком случае, все повеселели. Стали заказывать тюменское Бабаново, позвонили в Президиум Верховного Совета с просьбой проверить награды по Тюменской области, принесли географический атлас.

Вот она, маленькая точка на огромной карте! Километров семьдесят от железной дороги. На районный центр как будто бы не похоже... Но я уже готов был не верить ни самому себе, ни своим записям. Видимо, мне просто показалось, что Бабаново — районный центр.

План разговора мы решили перестроить и подойти к главному так, чтобы не напугать товарищей. И когда второе Бабаново оказалось на проводе и уже совсем еле-еле слышный мужской голос отозвался «слушаю», я спросил:

— Это из Москвы... Нас интересует, есть ли у вас награжденные орденами доярки?

— Есть.

— Кто?

— Всех называть?

— Всех не надо... Валя Смирнова награждена?

— Таких что-то нету...

— Может, была? Лет шесть тому назад...

— Да я здесь всю жизнь, слышите, алё, всю жизнь здесь — Смирновых у нас не было.

— А колхоз «Родина» у вас есть?

— Нету...

— Может, перешел в совхоз?

— Не было, товарищ, у нас такого колхоза...

В затылок мне зашипели друзья: «Спроси про пожар!» Не знаю, почему, но этот вопрос заставлял людей настораживаться и, как правило, обрывать нить разговора. Тюменское Бабаново, услышав вопрос о пожаре, неожиданно прорвавшимся басом откашлялось и прорычало:

— Не было у нас ничего такого! А вообще ежели вы Москва, то должны знать: по таким вопросам обращайтесь в соответствующие организации. Ясно?

Больше спрашивать было не о чем. И почти тут же пришло сообщение из Президиума Верховного Совета: и по Тюменской области среди награжденных нашей Смирновой не значилось.

Что же было делать дальше? Где-то в глубине души у меня еще таилась спасительная надежда: Валя как-то в разговоре обмолвилась о том, что у нее в семье были неурядицы. Я так и не выяснил тогда, в чем они заключались, но сейчас мысль об этом меня не покидала. Может, мать Вали, рассорившись с мужем, уехала из Акимовки в это неизвестное мне Бабаново, жила и работала под своей девичьей фамилией. И ее фамилию носила в колхозе Валя. Может, именно по материнской фамилии ее и наградили?

— Знаете, друзья, — после долгого и тягостного молчания сказал заведующий отделом, — давайте-ка начнем все сначала. Закажите-ка районную газету «Трудовое знамя»... Не с потолка же они взяли всю эту историю с орденами: и цифры надоя и фамилии?!

— Боюсь, что в той зарисовке только заголовок верный, — мрачно пошутил кто-то из товарищей.

— Почему?

— Ну, помнишь: «Из молодых, да ранняя».

— Ну, это брось... Нельзя так сразу...

— А я уверен, это афера.

— Может, скажешь, Остап Бендер?

— Может, и Остап.

— А для чего? Для чего ей было все это выдумывать? Что она на этом, спекулировала?

— Может, и спекулировала. Я там не был. Я понимал, о чем невольно думали товарищи. Какую-то долю вины они возлагали и на меня: мол, что же ты, не мог точно проверить факты, не мог разобраться в человеке, дал себя провести, расчувствовался, поверил!

Но в том-то и дело, что я верил. Верил и тогда, когда ходил с Валей по луговым полянам выпасов, когда сидел с ней на бревнах, когда видел ее на работе, когда ехал с ней на машине, когда она пела мне песни, когда видел ее в коридоре института. Верил и сейчас.

Телефонистки передали:

— Говорите! На проводе редакция «Трудовое знамя».

Я спросил:

— Кто говорит?

— Рудаков.

— Вы кем работаете?

— Заместителем редактора.

— Очень хорошо... Кто такой Гришин? У него была в вашей газете зарисовка о доярке Смирновой...

— Это наш сотрудник Гришин Яков Григорьевич. Его сейчас нет, он в области...

— А как родилась эта зарисовка, вы не знаете?

— Я здесь новый человек, вторую неделю работаю и, к сожалению, ничего вам сказать не могу...

В эту минуту и родилось то единственно правильное решение, которое подспудно подготавливалось у меня весь этот день. Мне просто надоели и все эти бесплодные звонки по телефону и вся эта путаница. Я попросил:

— Очень прошу вас, трубку не вешайте, а по другому телефону узнайте в Каменском совхозе, там ли еще Валя Смирнова? Она бригадир во втором отделении...

Мои товарищи одобрительно закивали головами. Заведующий отделом шепотом приказал секретарю: «Оформляйте командировку... Фотокорреспондент не нужен?» Я замахал рукой: какой там к дьяволу фотокорреспондент! Кого фотографировать? Но, кстати, фотографии Смирновой надо у Сергея Косырева взять.

Рудаков передал:

— Здесь Смирнова... Сегодня перегнала свое стадо с выпасов на отделение.

— Спасибо. Завтра буду у вас.

Итак, до этого дня во всей истории было два «неизвестных»: почему о Смирновой нет и не было ни строчки в центральной и областной печати и почему ее нет среди награжденных. Теперь к ним подстроились еще шесть «неизвестных». Я составил их список:

Как появилась зарисовка в районной газете?

Где же Бабаново настоящее?

Где в области горел дом?

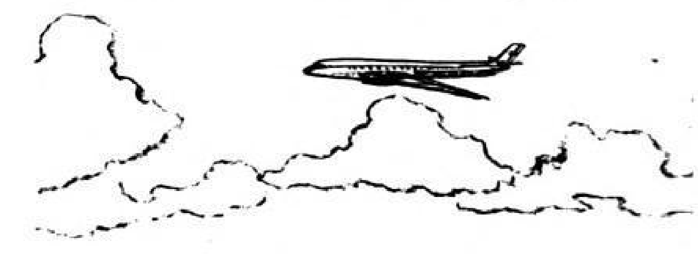
Как фамилия матери?

Откуда Валя приехала в институт?

И, наконец, самый последний, самый трудный: если она все это выдумала, то для чего?

Впрочем, можно было начать с последнего: позвонить в совхоз, вызвать к телефону Валю и прямо спросить, правду ли она говорила об орденах и где вообще начинается у нее правда и где кончается ложь.

— Ни в коем случае! — в один голос заявили товарищи. — Ее ни в коем случае нельзя отпугнуть и нельзя обидеть. Ведь дело далеко еще не ясно. Кто знает, чем это все кончится?

Второй полет

Итак, снова самолет. Высота — девять тысяч метров; спокойно спящие в своих подвесных кроватках дети; клубящиеся глыбы белоснежных облаков, под которыми где-то внизу скрывается таинственное Бабаново; ряды кресел с высокими откидными спинками; стюардессы, разносящие завтрак; прильнувшие к иллюминаторам головы — ну, словом, мне казалось, что не было этих трех прошедших недель, не было никакой путаной истории, и я просто, вылетев много дней назад, все еще продолжаю свой полет.

Это ощущение закрепил и Володя Павловский. Он снова встречал меня на аэродроме, все в той же коричневой вельветовой курточке и кепочке с маленьким козырьком, все так же небрежно облокотившись на капот своей старенькой «Победы».

Но что-то вокруг уже изменилось. Больше желтизны появилось в придорожных лесах, багрецом запылал куст на развилке дорог, исчезла с поля кукуруза, да, видно, и во мне что-то изменилось: уже не с легкостью первооткрывателя, а с какой-то грустью смотрел я на приближающиеся кварталы областного центра...

— А я догадывался! — хитро поглядывая на меня, сказал Володя.

— О чем?

— Что у нее нет орденов.

— А для чего она их выдумала?

— Женихов искала!

— Ну, что ты!..

— А что? У нас как появится знатная, да еще как пропечатают в газете ее портрет, так и посыплются письма: «Отпишите, сколько вам лет да какие волосы...» Одни солдаты батальонами пишут...

Об этом и у нас перед отъездом был разговор. Но уж больно легковесным и обычным казалось такое объяснение. А главное, совсем не вязалось с обликом и душевным миром Вали Смирновой.

— Э-э, не говорите! — настаивал на своем Володя. — Любовь — дело темное, ради нее другая девка на все пойдет. — И уже на виду у города спросил: — Куда едем?

— В обком комсомола.

Когда я сидел в кабинете секретаря обкома комсомола и рассказывал ему всю эту историю, мне было не по себе оттого, что я пришел сюда не в первый свой приезд, а сейчас, когда все зашло в тупик и появилась эта шеренга «неизвестных».

— А может, все-таки еще раз проверим? — спросил секретарь обкома. — Хотя я здесь уже шесть лет и должен был знать о такой доярке.

Он снял телефонную трубку.

. Нет, здесь все знали, что делалось и делается в области. Из наградного отдела областного Совета сообщили, что Смирнову не награждали ни орденом, ни медалью. Ни один дом колхозников не горел. Бабаново в области одно, и в этом Бабанове Смирновы никогда не проживали.

— Может быть, у нас в обкоме что-нибудь есть о ней? — с недоумением пожимая плечами, сказал секретарь. — Хотя, правда, это последние годы...

Он подошел к столу, на котором лежала большая, толстая книга, похожая на альбом репродукций. Я прочел: «Золотая книга семилетки».

На каждой странице — то молодое, улыбающееся, то задумчивое и строгое, но всегда полное собственного достоинства лицо красивого человека. Казалось, эти люди входили в кабинет один за другим, принарядившиеся и праздничные, представители колхозов и совхозов, молодое поколение тружеников земли, которые в расцвете всех своих сил и талантов будут жить при коммунизме, о котором они мечтают и который они уже сейчас утверждают своей открытой, честной жизнью.

Птичница Анна Фомина... Картофелевод Михаил Погодин... А вот и доярки... Людмила Перетятько. Надоила в прошлом году по 4 241 килограмму молока от каждой коровы... Ася Рябова надоила по 4 019 килограммов.

Вали Смирновой среди них не было. А ведь могла быть. Всем своим трудом, своей устремленностью, своей влюбленностью в дело она могла быть среди этих лучших людей так же, как в числе лучших ее называют в институте и в Каменском совхозе...

— Что же будем делать дальше?

— Ехать в Каменское.

— Когда вернетесь, обязательно зайдите. Прямо детективная повесть...

И опять знакомая дорога. На этот раз Володя уже не предлагал останавливаться. Наклонившись вперед, он только изредка поворачивал голову, снисходительно косясь на отстававшие позади нас машины. А я сидел и думал: «Что же теперь у меня получается? Бабаново и пожар — отпадают. Остается, значит, районная газета, фамилия матери, откуда приехала в институт и, наконец, разговор с ней. Ну что ж, в газету заеду, а после разговора с Валей, может быть, уже не будет необходимости заезжать в институт».

Я достал из сумки пачку фотографий, сделанных Сергеем Косыревым. Вот Валя идет по тропинке к своей молочарне, вот встречает стадо, стоит у березки, разговаривает с пастухами и, наконец, сидит со мной на бревнах у дома и, подняв палец, о чем-то рассказывает. Неужели я обманулся? Но ведь нужно было уметь — сочинить так гладко всю эту историю с орденами, нужна была расчетливая обдуманность и цель, не говоря уже о таланте рассказчика. Но для чего все это?

— Куда дальше?

— А это что? Каменское? Давай к редакции...

Потерянный след

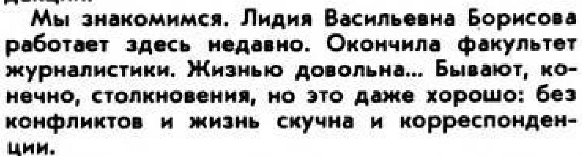
Я отношусь с большим уважением к людям, работающим в районных газетах. Нигде так близко не сталкивается журналист с жизнью народа, нигде так быстро не доходит до цели его то гневное, то доброе слово, и нигде так глубоко он не может познать человека, наблюдая его изо дня в день, зимой и летом, в праздники и в будни. Недаром многие из ныне известных писателей и журналистов, пройдя свои «первые классы» в районных газетах, сохранили не только добрые воспоминания о тех днях, но и краски той жизни и чувство ответственности перед этой жизнью.

Две комнаты редакции каменской газеты, расположенные на первом этаже большого двухэтажного дома, были закрыты. В третьей сидела за столом молодая женщина. На столах — подшивки газет, типографские оттиски свежих полос, листки чистой и исписанной бумаги.

— Редактора можно видеть?

— Он в районе.

— Заместителя?

— Поднялся в райком.

— А Гришина... Точнее, Якова Григорьевича Гришина?

— Его у нас уже нет... он в области.

— Совсем?

— Да.

— Что случилось?

— Его освободили.

— Так... А вы кто?

— Секретарь редакции.

Мы знакомимся. Лидия Васильевна Борисова работает здесь недавно. Окончила факультет журналистики. Жизнью довольна... Бывают, конечно, столкновения, но это даже хорошо: без конфликтов и жизнь скучна и корреспонденции.

— А за что сняли Гришина? Не за Валю Смирнову?

— А почему вы об этом спросили?

— Хочу выяснить некоторые обстоятельства: как родилась зарисовка о ней?

— Могу рассказать, я присутствовала, когда Гришин разговаривал с ней. Вот в этой комнате.

— Пожалуйста. Только подробно, со всеми деталями.

Но прежде чем достать свою записную книжку, я попросил Володю позвонить в совхоз и узнать, где сейчас Смирнова.

— Есть. Я из райкома комсомола буду звонить... через три двери...

И вот я представляю себе эту комнату в тот день, когда происходил разговор между Гришиным и Смирновой. За столом заместителя редактора сидит, вооружившись ручкой, Гришин, за маленьким столиком, где сейчас сижу я,— Валя Смирнова. Тут же — Лидия Васильевна.

— С чего начался разговор?

— Начался он немного раньше. Наш редактор встретился с ней в совхозе, на скотном дворе. Она рассказывала ему о безобразиях, которые происходят у них в животноводстве. Он попросил ее написать заметку об этом. Когда она пришла, редактора не было, и разговаривать с ней начал Гришин. Она говорила о беспорядках на ферме и на выпасах, о том, что все это очень далеко от того, чему ее учат в институте, и от того, что есть в передовых колхозах страны... Да, именно она сказала — страны. У нее вырезки были из разных газет.

Тогда Гришин спросил: кто она, откуда, где раньше, до института, работала? Она ответила. Рассказала, что с детства помогала матери-доярке на ферме, — ухаживала за телятами, доила, а когда мать заболела, то приняла ее группу коров...

— И это еще девчонкой?

— Как я поняла, ей было тогда тринадцать-четырнадцать лет. Сначала, говорит, ей не доверяли, а потом, когда она надоила по две тысячи восемьсот килограммов на корову, все пошло нормально...

— Как возник разговор об орденах?

— Вот именно, в этом месте Гришин и спросил: награждали ее орденами или медалями? Помню, она с какой-то подчеркнутостью сказала: «Да, орденами». После он долго расспрашивал ее о надоях, о сельскохозяйственной выставке, но я уже плохо слушала, потому что позвонили из совхоза и начали передавать материал об уборке.

— А вы ничего не заметили неестественного в поведении Вали во время этого разговора?

— Нет. Правда, мне не понравилось, что она как-то сердито, я бы сказала, вызывающе обо всем говорила. И потом... немного удивилась, что за такой небольшой надой ей дали орден. Но в то время, может, так и было...

— Проверял Гришин где-нибудь эти сведения?

— Не знаю.

Я хотел спросить Лидию Васильевну, за что же все-таки освободили Гришина, но в это время открылась дверь, и на пороге появился Володя. Ухватившись рукой за козырек своей кепочки, он угрюмо сказал:

— Смирнова уехала.

— Как уехала? Куда?..

— Никто не знает.

— А когда? Она же здесь была...

— Управляющий вторым отделением сказал, что в десять часов она заходила к нему проститься.

Я посмотрел на часы: было без двадцати двенадцать.

— Ну, вот и прохлопали мы с тобой... Что будем делать?

— Ничего особенного. Если ехать нормально — догоним. Автобус в область отправился в одиннадцать.

— Почему ты думаешь, что она поехала в область? А может, в Бабаново, или, еще хуже, в Акимовку?

— Вещи-то у нее в общежитии института? Переодеться она должна?! Кто ж в отпуск едет в рабочем, да еще девчонка?! В общем, давайте садиться...

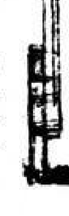
Только на обратном пути я понял, что такое нормальная езда. На ровных и пустых участках дороги все вокруг — леса, поля — вытягивалось по сторонам в какую-то сплошную цветовую линию, то темнеющую, то светлеющую, то с какими-то пестрыми полосками. Я вспомнил слова секретаря обкома о «детективной повести» и подумал, что, кажется, только такой езды и не хватало для полного приключенческого набора. Для остроты сюжета нужно было бы еще, чтобы дорогу переходило большое стадо, либо перед самым носом закрывались шлагбаумы! Но шлагбаумы были открыты, ни одна животина не выходила на разогретое солнцем шоссе, и только когда впереди появлялась машина, следующая нашим курсом, Володя сбавлял скорость, осторожно, по всем правилам обгонял ее и заставлял меня внимательно вглядываться во всех людей, сидящих и в кузове и в кабине. Уже перед самым городом мы догнали каменский автобус и пристроились к нему, как пристраивается катер к борту большого корабля. Приподнявшись, я внимательно, одного за другим оглядел пассажиров. Вали среди них не было.

Дела принимали совсем невеселый оборот. У меня еще оставалось три «неизвестных». Правда, о том, откуда она прибыла в институт и фамилию матери, еще можно было узнать в институте, но третий «неизвестный» в образе уже самой Смирновой мог исчезнуть бесследно, по крайней мере, до начала учебного года. Ехать в Акимовку? Но это несколько сот километров отсюда. А может, она поехала отдыхать к подруге, к родным? Поди знай, сколько их у нее и в каких краях живут!

— В общежитие?

— Точно. Адрес знаешь?

Николай **РЫЛЕНКОВ**

Лирические записи

* * *

Блеклые краски осени поздней,
Хрусткий ледок в тени под кустом.
Думы спокойней, мысли серьезней
О пережитом, о прожитом.

Время, как воздух, пьют без подсластки —
Так нам природа велит сама.
Осени поздней блеклые краски
Завтра смахнет рукавом зима.

* * *

Притомился, притаился вечер
Под кустом крушины у реки,
Где девчата назначают встречи,
Где, вздыхая, ждут их пареньки.

Если ж кто с недобрым любопытством
В тихий час приблизится сюда, —
Ветерком он пробежит по листьям,
Вскрикнет птицей, спугнутой с гнезда.

И опять сидит в тиши, не дышит,
Смотрит в наплывающую тьму.
Все он знает, все он видит, слышит,
Но вовек не скажет никому.

* * *

С любовью, не знающей утоления,
Идя по зеленой моей земле,
Готов был в пути целовать колени я
Каждой взгрустнувшей в поле ветле.

Готов был заплакать над каждым
птенчиком,
В бурю выпавшим из гнезда...
Не к хитрым друзьям — осторожным
советчикам,
А к сердцу прислушивался всегда.

Прости ж мне невольные заблуждения,
Ты знаешь, я руки не грел в золе...
С любовью, не знающей утоления,
Я шел по зеленой моей земле.

ЯРОСЛАВНА

Путивльский шлях. Полынная тоска,
Твой ждущий взгляд сквозь слезы —
синий-синий.
Вошла ты Ярославною в века,
А в терему осталась Евфросиньей.

Ты подвиг свой свершала в тишине,
Смотрела в горе ясными глазами,
Чтоб в час зари на городской стене
Вздохнуть и душу облегчить слезами.

Давным-давно забыли камыши
И стук мечей и чарок звон заздравный,
Но, голос твой узнав в родной глуши,
Мы повторим не раз под шум дубравный,
Что вдохновенье — тот же вздох души,
Что̀ Евфросинью сделал Ярославной.

* * *

Я в раздумье слежу,
не уставший еще удивляться,
Как, меняясь в обличьях,
плывут облака над прудом,
Благодарный природе,
что учит нас не повторяться
И самими собой
до конца оставаться притом.

В СПАССКОМ-ЛУТОВИНОВЕ

Л. Н. Афонину

Вздыхает парк, кусты черемух вспенив,
Прислушиваясь к перекличке птах.
Мы ждем: вот-вот появится Тургенев
В видавшей виды шляпе, в сапогах.

Широким шагом он пройдет сквозь годы,
Как сквозь чащобы проходить привык,
Охотник, не лукавый друг природы,
Из детских снов серебряный старик.

Придет и остановится под дубом,
Окрестность взглядом озарит своим,
И все, что в жизни нам казалось грубым,
Вдруг станет ясным, добрым и простым.
Покличешь — и деревья отзовутся...
Не в этом ли все волшебство искусства?

* * *

Соловьиных ночей творенье,
Свет небесный в тепле земном,
Из густого куста сирени
Ты встаешь за моим окном.

Я тебя не зову под крышу,
Ты с туманом в луга уйдешь.
На следах твоих я увижу
Все, чем день для меня хорош.

Ты пройдешь полями-лесами
И ко мне вернешься опять.
Что с того, что придумал сам я
Все, что можешь ты мне сказать?

Ты души моей озаренье,
Вздох рассветный в краю родном.
Из густого куста сирени
Ты встаешь за моим окном.

Кажется, я снова задал бестактный вопрос. Володя промолчал и, пробивая густую завесу невесть откуда и когда налетевшего на город дождя, закружил по улицам, пока не остановил машину у кирпичного многоэтажного дома.

Дом этот, приют и надежда многих поколений студентов — механиков, зоотехников, агрономов, — встретил меня уже в самом подъезде могучим гулом молодых голосов. Девчонки, повязанные платочками, в сапожках с чуть подвернутыми голенищами, ребята в пальто, плащах, а то и просто в рабочих стеганках толпились в коридорах, сидели на подоконниках, поднимались и спускались по лестницам. Было похоже, что только что окончилось бурное колхозное собрание, и разгоряченные спорами люди не хотели расходиться или просто пережидали дождь.

— Новички! — сказала мне комендант, высокая, строгая женщина. — Пока приучишь к порядку, горя наберешься...

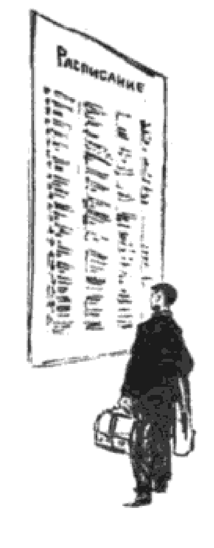
Я спросил, не появлялась ли сегодня Валя Смирнова. Нет, ее никто не видел. Тогда я написал записку: «Здравствуй, Валя! Я опять оказался в ваших краях. Мне для тебя Сергей передал фотографии. Если хочешь их получить и увидеться, позвони по этому телефону...»

И я написал адрес и телефон моего товарища, у которого остановился.

— Передайте Вале! А еще лучше — позвоните сами, когда она придет.

Итак, первый пост был выставлен!

Что же дальше? Ах, да, вокзал! Надо узнать, какими поездами можно доехать до Акимовки. Не знаю почему, но я был уверен, что Валя поедет именно туда. Эта уверенность, видимо, сложилась оттого, что она с особой нежностью говорила о своем детстве, об отце, которого давно не видела, и о матери, которая тоже должна быть там после болезни.

На вокзале я отыскал расписание и установил, что через Акимовку проходит один только поезд. Номер его — 62. Отправляется в 21.10.

Может ли сегодня этим поездом уехать Смирнова? Я подошел к окошечку кассы.

— Мне на шестьдесят второй, один билет, на сегодня.

Кассирша с удивлением посмотрела на меня.

— Вы что, гражданин?! Разве не понимаете, почему у меня нет очереди?

— А в других кассах могут быть билеты на этот поезд?

— Нет, не могут.

— А на городской станции?

— На шестьдесят второй?

— Да.

— На сегодня?

— Да.

Кассирша, усмехаясь, покачала головой. Она, видимо, отдыхала после только что схлынувшей очереди и позволила себе позабавиться веселым разговором.

— Вы, наверное, приезжий?

— Отъезжающий.

— Ну, так на городской станции на этот поезд еще позавчера ни одного билета не было...

— Значит, совершенно исключена возможность где бы то ни было достать на сегодня билет?

— Исключена.

— Спасибо большое.

Пробираясь к выходу, я долго чувствовал на себе удивленный взгляд кассирши. Но главное я узнал: сегодня Валя вряд ли сможет уехать.

Что же дальше?

Оставался институт. И, странное дело, я все еще на что-то надеялся. А вдруг, работая в колхозе, Валя носила девичью фамилию матери!

На подступах к правде

Недели три назад, когда я впервые побывал в институте, в его коридорах и аудиториях было тихо и пустынно. А сейчас на крыльце, в вестибюле, около вешалки стояли с узлами и «авоськами» или сидели на чемоданах девчата и парни. Такие же, каких я встретил в общежитии. Но если там что-то напоминало колхозное

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Эти письма — как эхо, которое долго не затухает. Еще в январе 1961 года в «Огоньке» № 5 был напечатан очерк о добрых людях, а отклики идут и идут. Вы помните, о чем там была речь? О том, как хорошие люди приняли сердечное участие в судьбе Лизы Зазимко из города Фрунзе, у которой парализованы ноги. Потом «Огонек» сообщил в № 32 о письмах, полученных Лизой, о замечательной инициативе фрунзенских комсомольцев: они подарили Лизе Зазимко автомобиль. Лиза смогла двигаться, ездить.

На днях мы снова получили несколько писем, и среди них — весточка от Лизы. Она с горячей благодарностью называет тех, кому «обязана всем, что есть сейчас». Это Николай Дурнов и Владимир Гуськов («они первыми начали все»), это секретари горкома комсомола Кулуев и Эльвира Скробот, инструктор горкома Анатолий Нурузбаев, Лида Черткова с трикотажной фабрики, старший библиотекарь Академии наук Киргизской ССР Дина Варганова, секретарь комитета ЛКСМ академии Геннадий Секисов — всех не перечислить!

С их помощью и поддержкой Лиза Зазимко победила беду, стала плодотворно трудиться. «Вчера я отвезла на радио, — пишет Лиза, — большую постановку по повести Эфендиева «Ивы над арыком». Инсценировки, кажется, получаются у меня удачно».

Среди тех, кто откликнулся на рассказ о Лизе, находим и Георгия Табунанова из села Ытык-Кёль, в далекой Якутии. У него тоже трудная судьба: с осени 1951 года прикован к постели. Табунанов пишет: «Быть спортсменом, быть летчиком-инструктором, офицером строевой службы и потерять способность двигаться — это было, дорогие товарищи, ужасно тяжело...» Лечение мало помогло Георгию Табунанову. Нужно было собрать все силы, всю волю, чтобы не сдаться. И он не сдался. Георгию, как и Лизе, тоже помогли товарищи — ему подарили автомобиль. «Летом свободно езжу, забираюсь далеко от своего поселка», — пишет Георгий.

Жизнь стала совсем другой, человек получил возможность передвигаться, трудиться. Табунанов занимается литературной работой. Он уже перевел с русского языка на якутский несколько книг.

В заключение своего письма Г. Табунанов говорит: «Живу, работаю благодаря сердечной заботе родных и близких советских людей. Вот почему мне особенно дорого внимание комсомольцев города Фрунзе к Лизе Зазимко, вот почему и я хочу поблагодарить фрунзенских комсомольцев за хорошее, сердечное дело».

Вот о чем рассказали нам последние письма читателей «Огонька», письма о сердечных делах, которых становится все больше и больше, про которые со всем основанием можно сказать: продолжение следует!

На снимке: Лиза Зазимко (за рулем) с друзьями. Слева направо: А. Нурузбаев, Л. Черткова, Д. Варганова, Кулуев, Э. Скробот, Г. Секисов.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Трое друзей учились в морском училище. Летом их послали на практику на Черное море. Практика проходила превосходно. Друзьям очень нравилось и судно, на которое они попали, и дружная команда. Как вдруг случилось происшествие.

...К несчастью, никто из троих так и не успел выкрикнуть тревожные слова: «Человек за бортом!». Владимир Кузнецов, запнувшись обо что-то в темноте, совершенно неожиданно для себя оказался за бортом судна, идущего полным ходом. Игорь Иванов, увидев, что его товарищ падает, не медля ни секунды, прыгнул за ним. Валерий Субботин схватил попавший под руку спасательный пояс и бросился на помощь друзьям.

Спустя несколько мгновений все трое увидели, как тают в темной южной ночи кормовые огни судна. Кричать было уже бесполезно.

Курсанты-стажеры оказались в открытом море, в десятках километров от берега, с одним спасательным поясом на троих. Остановившиеся часы на руке Игоря показывали двадцать один час сорок минут.

— Собрание на воде считаю открытым, — невесело пошутил Игорь.— Вопрос один: что делать?

— Ответ тоже один,— откликнулись товарищи. — Плыть к берегу. И не хныкать.

Медленно, очень медленно тянулось время...

— Ребята,— подал голос Владимир,— а ведь мне в одиннадцать ноль-ноль на вахту заступать...

— Вот это хорошо,— заметил Валерий.— Значит, уже хватились нас и будут искать.

— Конечно, будут, — подтвердил Игорь.— Только прикиньте, куда за это время ушло судно. Не так-то просто теперь найти нас в темноте...

Как ни тепла вода в Черном море, но все-таки настало время, когда пловцы почувствовали озноб. Первой беда пришла к самому сильному из них — Игорю. Судорогой свело ногу. Игорь молчал: не хотел пугать товарищей. Но Валерий вскоре заметил, что лицо друга перекосилось от боли, и все понял без слов. Положив Игоря на пояс, они осторожно выпрямили его ногу, стали усиленно растирать. Помогло. А потом подобные процедуры пришлось проделывать со всеми — хорошо еще, что по очереди. От усталости, холода наваливалась тяжелая сонливость. Спасение было только в движении.

Наступил рассвет, быстро взошло солнце. А берег все не показывался. Тревога закрадывалась в сердца моряков: они догадывались, что их сносит течением. Но вслух лишь подбадривали друг друга. Ведь сейчас светло, должны же наконец появиться корабли или самолеты...

И верно. Скоро вдали показался пароход. Шел он прямо на них. Валерий изо всех сил поплыл навстречу, чтобы подать сигнал. Но, видимо, пленка тумана, медленно поднимающаяся над водой, скрывала пловцов. Пароход лег на другой курс и исчез. Это было уже страшно. Друзья поняли, что не так-то просто заметить их на бескрайней равнине моря.

И когда наконец показался новый корабль, моряки уже не пытались плыть ему навстречу. Они просто старались повыше поднимать руки над водой. Да и силы-то уже подходили к концу. И только увидев, что корабль круто повернул в их сторону, разглядев знакомые обводы его, моряки поняли, поверили, что это — спасение.

Вышло именно так, как они и предполагали. В 23 часа хватились очередного вахтенного. Обнаружили, что на борту нет ни вахтенного, ни его друзей.

И тогда судно немедленно повернуло назад. Никто не сомневался, что юноши должны держаться на воде. И они держались. Десять долгих часов, ночью, в открытом море.

...Недавно мы встретились с Валерием Субботиным, Владимиром Кузнецовым, Игорем Ивановым. Будущие моряки чувствуют себя хорошо. О том, что с ними случилось во время практики на Черном море, рассказывают, как об обычной истории, подтрунивая друг над другом и явно смущаясь от чрезмерного внимания.

— Что же тут особенного? — говорит Валерий.— Да любой курсант наш поступил бы так же.

Е. ДЬЯЧЕНКО

собрание, то здесь все походило на вокзал, который я только что покинул.

— Что это за народ? — спросил я секретаря, когда мы поздоровались.

— Новички. Едут в учхоз.

— Крепко вы их... Не успели принять и сразу на работу!

— Такая у них профессия. А вы опять к нам по поводу Смирновой?

— Да.

— Понравилась? Иль что натворила?

— Немножко того, немножко другого.

В кабинете ректора шло совещание, и я вышел в коридор. Новые студенты обживали свой новый дом. Они медленно проходили по коридору, как ходят на выставке, внимательно читали таблички на дверях аудиторий, толпились около стенгазеты и даже пробовали пальцами краску на стенах.

Совещание кончилось, и я вошел к Семену Ивановичу Захарову. Я уже узнал, что он доцент, кандидат биологических наук. Внимателен к людям. Справедлив. Студенты ходят к нему и за помощью и за советом. По крайней мере так о нем говорила мне Валя Смирнова.

Передо мной стоял невысокий седеющий человек в сером костюме, с добрыми и спокойными глазами. Когда я сказал, что меня интересует Смирнова, в этих глазах промелькнул веселый огонек.

— А вы знаете, что с ней произошло в Каменском? Не знаю, свадьба ли была в совхозе или по другому поводу праздновали, только одна доярка вышла на работу под хмельком. Ну, Смирнова ее отстранила и сама подоила всю ее группу коров. А доярки как вначале приняли Смирнову? Студентка, практикантка, назначена бригадиром, начальство, одним словом... А тут видят, подоила коров, да еще не хуже настоящей доярки. Подходят к ней и говорят: «Вон кто ты! Мы думали, ты зоотехник, а ты коров можешь доить...»

Он засмеялся и поднял палец.

— Понимаете смысл: зоотехник, а может доить коров! К сожалению, часто бывает, что зоотехник к корове боится подойти, да и не умеет... У нас по этому поводу тоже споры идут. Нужно ли учиться ручной дойке? Нужно ли, например, ветеринарам доить коров? Студенты-мужчины особенно протестовали. Но это уже уходит в прошлое. Мы стоим на том, что если ветеринару, может, и не придется кормить и доить коров, но знать все это он должен. О зоотехниках и говорить нечего. Это их святая обязанность.

Он присел к столу, отодвинул от себя папки.

— Смирнова на пятом курсе. Учить ее профессии не надо. Правда, по теории у нее не все ладно бывает. А в учхозе она у нас профессор. Мы ей за хорошую работу и высокие показатели благодарность объявили, на государственную стипендию перевели...

— Где этот приказ?

— Выписка есть в ее личном деле.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Семен Иванович снял трубку, попросил принести личное дело Смирновой.

Я весь подобрался: сейчас все должно решиться.

Признаться, меня меньше всего интересовало в эту минуту, как Валентина работала в учхозе. Этот период ее жизни для меня был ясен. Меня беспокоили не покидавшие меня ни днем, ни ночью «неизвестные».

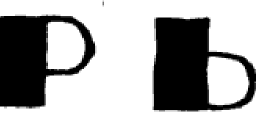
— Вот, пожалуйста, — полистав бумаги, сказал Семен Иванович, когда ему принесли тоненькую папку в плотном коричневом переплете. — Вот этот приказ.

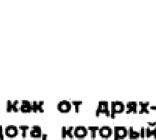
Я пробежал выписку из приказа, плохо воспринимая, что в ней написано, и начал осторожно перелистывать все эти крепко подшитые бумажки одну за другой. В кабинет к ректору заходили преподаватели, студенты, он разговаривал по телефону — всего этого я не видел и не слышал. Передо мной проходила подлинная жизнь Вали Смирновой.

Окончание следует

Николай ШМЕЛЕВ

КОТ, КОТОРЫЙ

Я приехал в Англию открывать для себя эту страну. Именно открывать, несмотря на то, что был с ней знаком давно: знал людей, язык, книги. Знал ее историю, статистику, музыку и множество других нужных вещей. И все-таки я чувствовал, что это знакомство с Англией — вполне отчетливая, но бесплотная схема. Я не знал английских красок, звуков английского города, не знал лиц англичан и их привычек. Не знал, например, того, что в жизни англичанина слово «relax» — что-то вроде нашего «расслабиться» — играет важную, почти культовую роль: провались хоть все в тартарары, но вряд ли что заставит его после рабочего дня, когда он сел у своего телевизора, вновь напрячься, напружиниться, вновь собрать свои силы и взяться за какое-то горячее, до зарезу нужное, динамичное дело. Возможно, это не самая существенная деталь в жизни Англии, но такие детали наполняют бестелесный образ чужой страны, дают ему жизнь, ритм, делают его понятным и знакомым почти на ощупь.

Сначала чувствуешь себя просто раздавленным: кажется, что никогда не выберешься из этой груды впечатлений, не вытащишь из-под красочного хлама мелочей то самое главное, важное, ради чего приехал сюда. На тебя наваливается город — улицы, толпа, гудки машин. Непривычно много красок и разнообразия: пестрая, броская мешанина из людей, рекламы, бесчисленных вывесок, старых и модернистских домов, огромных двухсотлетних деревьев, невероятного скопления автомобилей и почтенной, плотной копоти, въевшейся в старые камни и воротнички.

Иногда весь этот мятущийся хаос вдруг останавливается, и несколько минут, растерянный, ты стоишь, удивленно раскрыв глаза: этого тебе действительно никогда видеть не приходилось.

Трафальгар-сквер. Одно из самых шумных мест в Лондоне. Разгар рабочего дня. Торопятся солидные клерки в котелках, помахивают сумками домашние хозяйки, полисмены, как ветряные мельницы, орудуют руками, рассовывая по боковым улицам потоки бестолковых машин. Дети кормят огромную стаю голубей, у памятника Нельсону туристы стоят, задрав головы. Все это гудит, кипит, стучит тысячами каблуков. А на бортике фонтана сидит парень лет девятнадцати. У него между колен стоит девчонка, его ровесница, она плачет в три ручья, смеется, плачет, опять смеется и целует его взахлеб, неотрывно, как это можно, когда что-то случилось, неизвестно что, но, видимо, важное и большое для них. Руки торопливо, мягко, безвольно бегают по его волосам, лицу, бортам пиджака. Парень немножко теленок, он не знает, как выразить все, что чувствует, он только неудобно, большими руками обхватил ее за плечи — но попробуй, оторви эти руки. И никакого, ни малейшего внимания на толпу, которая катится мимо них, и толпе нет до них никакого дела, никто даже не смотрит в их сторону...

И опять понесла, закружила тебя улица, бросила в какой-то дворколодец, где черная, грязная ночь придавила к земле веревки с белыми простынями. Грузные, тяжелые камни стиснули дворик со всех сторон, воздух удушливый, старый, как Лондон, он не пошевелится, не шелохнется. Откуда-то сверху горланит телевизор. Из окна на первом этаже медленный, монотонный голос спрашивает: «Что ты возьмешь с собой завтра на работу?» И раз, и другой, и третий, и кому-то, видимо, не хочется отвечать, голос спрашивает опять, медленно, устало, тяжело, как жизнь. Ист-Энд. Здесь живут рабочие. Живут в сгорбленных, морщинистых домах, живут трудно, сегодняшним днем, двигаясь по замкнутому кругу ежедневных забот, из которого неизвестно где искать выход. Честно тянут тяжелый воз, и все в гору...

Наконец выбираешься из этого лабиринта угрюмых домов на какое-то светлое место. Как огромные красные слоны, надменно и важно пробираются через суматошные вечерние улицы двухэтажные автобусы. В колесе рекламного огня дрыгает ногой почти голая девица из какого-то фильма. В дверях «Клуба Венеры», опершись о косяк, каменно возвышается фигура вышибалы: сырая, оплывшая морда, жирная улыбка, в глазах застряла вся пакость мира. Англичане проходят мимо — это не для них, это для иностранцев, «ведь иностранцев тянет на все несвежее». А чуть в сторону от главных улиц — темень, сон, спокойное поблескивание черных окон, торопливые шаги запоздавшего домоседа...

Большой парк в одном из районов Лондона, Хэмпстеде. Солнечный, по-настоящему солнечный воскресный вечер. На холме — маленький концертный зал. Идет концерт, играют Сен-Санса. Окна зала раскрыты, и сентиментальная, хрупкая музыка вздрагивает в воздухе, обволакивает тебя, просит сесть, замолчать, послушать какую-то старую фарфоровую историю. Одна сторона холма затоплена рыжим вечерним солнцем. Люди лежат на стриженой зеленой траве, запрокинув головы, раскинув руки, сбросив ботинки. Удобно, покойно, не нужно платить за билет. Внизу, у пруда, перекликаются детские голоса. Столетние деревья мерно, одобрительно шевелят ветвями в такт музыке. Тишина, покой, все как-то нереально, понарошку, как в забытой, чуть пахнущей нафталином сказке, где медленной танцующей вереницей проходят бабушки в кринолинах, жеманные принцессы и удивительно воспитанные ведьмы.

Я примостился рядом с высоким седым человеком. Солнце запуталось в его лохматых бровях, залезло под воротник, играло с булавкой на его галстуке. Разговорились. Почти не открывая глаз, разморенный тишиной и солнцем, он говорил о себе, о сыне, о музыке. Сам он отставной полисмен, сын — инженер, уехал в Америку зарабатывать деньги — вы не думайте, он вернется, как только немножко разбогатеет, там же невозможно жить культурному человеку, и потом родина есть родина. Принялся ворчать на новую жизнь — в его время, дескать, было куда лучше, были принципы, теперь их нет. Спросил, из какой страны я. Узнав, что из России, сел и уставился на меня: «Знаете, в кабачке, куда я хожу, если рассказать, что мы вот так, просто, валялись с вами и болтали,— никто не поверит. Честное слово, никто не поверит. Ведь мы знаем, что вам не велят встречаться с нами». Стоп: нет больше фарфоровой сказки; проза сегодняшней Англии, оказывается, лежала здесь же, на этой лужайке.

И другой воскресный вечер — в мокром, угрюмом городе Манчестере. Это город мрачных улиц, огромных заводов и дряхлых текстильных фабрик, гнилого дыма и черных, как печные трубы, церквей. Вечерами на улицах пустынно, и чувствуешь себя безнадежно потерянно, как в чужом лесу. На одной из улочек я увидел старика, прислонившегося к витрине магазина. Он свертывал сигарету. Дождь перестал, промокший пиджак тянул плечи старика вниз, бесформенные ботинки его стояли прямо посредине лужи, и он не замечал этого. Тусклый, мертвящий свет из витрины особенно подчеркивал всю заброшенность этой жалкой, рваной фигурки, не нужной никому, отжившей свое, выплюнутой за ненадобностью прямо под фонарный столб. И тут я вспомнил, что в двух кварталах отсюда я видел такую же фигурку, и еще, и еще, и много подобных видел в Лондоне... Нигде старики не производили на меня такого отчаянного впечатления, как в Англии,— нищие, забытые, без всяких надежд на что-нибудь впереди.

Наконец сумбур первых дней начинает откладываться в голове в каком-то пока еще неясном порядке.

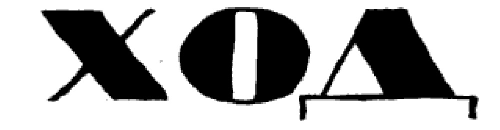
Для меня все началось с красок и рекламы. Однажды, идя вечером по Лондону, я почувствовал, что начинаю злиться. На что, сначала не разобрал, потом понял: реклама. Через два-три дня все ее краски стираются в одну серую, надоедливую мазню: скучную, однообразную, но беспредельно нахальную. Идешь по улице, и, хотя ты все эти витрины, вывески, щиты тысячу раз уже видел, глаза невольно смотрят налево, тупо, не отрываясь. Ничего в голове не остается, но ты все смотришь, смотришь. Плюнешь, отвернешься, начнешь смотреть на улицу, на людей, через несколько минут ловишь себя на том, что ты опять уставился на эти нудные огоньки и фигурки в окнах.

Пестрое, скучное однообразие, рассчитанное на то, что вот так, долбя в одну точку, человека можно все-таки добить, догнать, взять в жадные торговые руки и уже держать, не выпуская, пока не высосешь из него все без остатка.

Начинаешь понимать, что хваленая частная выдумка, пресловутое разнообразие и краски западного города на самом деле самая заурядная униформа, пестрая, иногда даже кричащая комбинация, в которой человеческая тупость является обязательным составным элементом. Особенно тягостное впечатление на меня произвел один очень посещаемый ресторан. Спускаешься в темный, сырой подвал, по углам плесень, стены из шершавого известняка, столики загнаны в глубокие ниши. Горят свечи. Тебя встречают дюжие краснорожие молодцы в красных римских туниках, из-под которых торчат косматые ноги. На груди картонные римские латы. Разухабистым жестом они разворачивают перед тобой длинный «папирус», на котором древним латинским шрифтом отпечатаны такие прозаические слова, как «ветчина» или «салат». И такая тоска берет от этой фальши, как от дряхлого, неумного анекдота, который тебе вдруг рассказал человек, в общем-то уважаемый тобой. И этот красочный ресторан — тоже униформа, униформа скучающего и лишенного всякого вкуса мещанства.

Это чувство, когда удивление от обилия красок постепенно, даже незаметно для тебя перерастает в усталость, в скуку от какой-то всеобщей навязчивой униформы, преследующей на каждом шагу, на некоторое время стало основным для меня в Лондоне.

Казалось бы, яркая, броская деталь: на Черинг-Кросс, прямо на тротуаре, под ногами у торопливых прохожих, сидит художник и на черном асфальте рисует синее спокойное озеро, синее небо, тусклый, заспанный месяц, уцепившийся за кусты у берега. Рисует талантливо, по-настоящему здорово, это — хорошее искусство. Но живет оно только благотворительностью случайного прохожего, если тот, расщедрившись, бросит художнику потертую монету. Завтра озеро смоет поливальная машина, а сейчас над ним проносятся сотни ног, и хотя они не насту-

Гайд-парк. Свобода слова.

Фото Г. Гуркова.

пают на озеро, но они топчут, оскорбляют его своим равнодушием, своим полным безразличием ко всему и вся. Художник не смотрит на них, ему нет до них никакого дела, но и толпа ему платит тем же. Топчется искусство, попираются светлые краски в трудной жизни человека. Но до этого художника нет никакого дела Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии. Рисовать — это его личное дело, его свобода, униформа не позволяет вмешиваться в его право валяться на асфальте и подсовывать искусство под безразличные пыльные каблуки прохожих.

Униформа не позволяет взваливать заботу о слепых детях и детях, искалеченных полиомиелитом, на плечи всего государства, всего общества. Думать о других — это частное дело каждого. Лучше на перекрестках поставить по глиняной фигурке слепого мальчугана, повесить на них плакатик и заставить просить прохожих помочь больным детям кто чем может. Просить жалко, униженно, кланяясь безглазой глиняной головой, подставляя хрупкие глиняные плечи равнодушному, зябкому дождю. Верно: сами дети не просят, но зато просит, клянчит их глиняный братишка, и ему, наверное, стыдно за себя, совестно за огромный город, за всю страну, которая не придумала ничего лучшего, как заставить эту «живописную» фигурку днем и ночью стоять на перекрестках.

Такое впечатление, что в Англии просят очень много и очень многие. Просят даже спичечные коробки: пришлите ваши деньги такому-то благотворительному обществу, которое оказывает покровительство или людям, или собакам, или канарейкам. Если тебе очень плохо, ты можешь обратиться во множество разных мест и попросить смиренно, вежливо, сев на краешек стула, и сытые сердобольные леди и почтенные джентльмены, переворошив все твое белье, которое у тебя еще осталось, и вывернув тебя самого наизнанку, может быть, и пожертвуют что-то, если ты сумеешь пролить достаточное количество слез, если не только ты сам, но даже шнурки на твоих ботинках будут выражать отчаяние и полную по-

ИЛ САМ ПО СЕБЕ...

корность богу, благотворительному комитету и непререкаемому здравому смыслу степенного мещанства.

Ханжество приобретает самые разнообразные формы, иногда немыслимо дикие для нас, и что хуже всего — привычные, обыденные, естественные для многих англичан. Как-то вечером мы сидели в обычной английской семье: удобные кресла, чашка кофе, глазок телевизора. Обычный, мирный разговор: без возгласов удивления, без горячки, о вещах давно привычных, известных: о семье, о работе, о соседях. От их ближайшего соседа недавно сбежала жена, сбежала без оглядки, за каким-то несерьезным человеком, бросив мужа без всяких сожалений и даже без записки. Расстроенный муж возбудил против злодея судебное дело. Парень должен будет возместить мужу весь причиненный ему уходом жены материальный ущерб, а именно: раньше обед готовила жена, теперь ее нет — это будет стоить столько-то фунтов стерлингов, раньше жена стирала белье, теперь ее нет — это еще столько-то фунтов, и т. д. Парню придется выплатить за нарушенную супружескую любовь весьма серьезную сумму, суд наверняка будет против него. Дело настолько обычное, что у соседей оно не вызывает ни удивления, ни внутреннего протеста; интересно только, сумеет ли парень отвертеться от уплаты этих денег или нет.

Я понимаю: забравшись в чужой монастырь со своим уставом, можно очень легко ошибиться, не понять ничего, истолковать все в ложном свете. Но есть вещи, которые даже и в чужом монастыре не допускают двойного толкования. Голый обыденный факт: в английских семьях книги — весьма редкие гости. Комфортабельные, поместительные дома о трех или четырех комнатах, ни о какой тесноте нет и речи, крепкая мебель, приемник, телевизор — и где-то в уголке прижалась маленькая полочка, может быть, две, на которых в беспорядке, без смысла и системы расставлены книжки самого случайного происхождения. Мне казалось, что все они куплены где-то на вокзале, когда их хозяин ехал в другой город и, чтобы не скучать в дороге, купил первое, что подвернулось под руку. Выбрасывать потом было жаль, так они и застревали постепенно в доме. Зачастую и этой маленькой полочки нет: хозяева устроили дом, а о книгах забыли. Забыли — и все. О них даже не вспомнили, не потому, что это роскошь, — они просто не нужны, ни к чему, так, лишний хлам. В метро можно посмотреть газету, а дома... Дома телевизор, семья, кабачок на другой стороне улицы, мягкие туфли на ногах, спокойное, блаженное состояние отрешенности от всего этого бестолкового, суматошного мира, который где-то плещется, что-то переживает, кем-то недоволен и чему-то радуется. Черт с ним, с этим миром: я дома, и весь вечер ни от кого не завишу, и никому ничем не обязан, и пусть этот мир барабанит кулаками в дверь — шалишь, я не открою. Я отдыхаю...

Мне трудно сказать, в какой мере люди, о которых я говорю, определяют лицо Англии. Я говорю только о том, что видел и слышал. У меня не было в руках весов, на которых можно было бы аптекарски точно взвесить: да, вот эта категория людей и есть современная Англия, а вот эта — случайна, нехарактерна для нее. Но от многих из тех, с кем я сталкивался в Англии, у меня осталось вполне определенное ощущение: эти люди целиком живут тем немногим, что имеет только прямое отношение к их повседневной жизни. Не только нет жадности, непреодолимой тяги к знаниям, книгам, искусству, нет зачастую элементарного житейского любопытства к стремительным переменам, столь характерным для мира, в котором мы живем. Могут сказать, что все дело в огромном багаже старой английской культуры, культуры действительно богатейшей: она, дескать, породила неистребимый скепсис ко всему новому, эфемерному, преходящему. Но бывали минуты, когда в голову приходила горькая мысль, что от старой культуры в Англии остались только столетние деревья да недоверие к изменениям и новшествам, а сама старая культура вызывает в людях столь же мало интереса и желания узнать ее, как и новые серьезные романы английских писателей. И с удивлением я иногда замечал: не только о мире, о культуре всего мира, даже об английской культуре, если хотите, мы знаем зачастую больше самих англичан.

Наша группа состояла из рядовых советских людей: инженеров, экономистов, художников-декораторов и т. д. Встречались мы тоже с рядовыми англичанами — клерками, инженерами, чиновниками. Но никогда, ни разу никто из нас не спросил у англичан ничего, что хотя бы отдаленно напоминало весьма распространенный в Англии вопрос: «Это правда, что у вас в России категорически запрещена езда на машинах ночью?» Хоть стой, хоть падай. И в этом же духе — на каждом шагу и до бесконечности.

Как экономиста по профессии меня, конечно, в первую голову интересовал жизненный уровень рядовых англичан. Сравнение его с нашим. Не вдаваясь в сложные подсчеты, можно сказать одно: жизненный уровень довольно высокий, со своими острейшими трудностями и проблемами, конечно, но, в общем, высокий — ведь это страна, на которую столетиями работали сотни миллионов рабов во всех частях земного шара. Удивляет не жизненный уровень. Удивляет и поражает другое: психология людей, их отношение к вещам, деньгам, к жизни.

Одно из самых непонятных для англичан явлений в советской действительности — это тот факт, что накопительство, чулок, кубышка очень редки у нас. Это вызывает искреннее, честное недоумение и непонимание, широко раскрытые глаза и непременное желание уличить собеседника в неправде. У нас вызывает недоумение совершенно обратное: как можно делать целью своей жизни дом, пусть каменный, пусть в четыре комнаты, но именно дом, а ничто другое! Конечно, редко кто прямо скажет вам, что дом — единственная цель для него. Но поговорите с человеком, который сейчас от 30 до 40 процентов своего заработка выплачивает за дом, купленный в рассрочку на 20—25 лет, и за содержание его. Вы довольно скоро поймете, что вся жизнь такого человека делится на три этапа. Первый — до того, как он въехал в этот дом, потом двадцать лет. Двадцать лет еженедельной уплаты за него — серые, скучные, трудные двадцать лет, двадцать лет тяжелой обязанности, двадцать лет фанатичной посвященности одной неотвратимой задаче,— и, наконец, светлое завтра, счастливое завтра, когда он станет хозяином в собственном доме. Мир, люди, перемены пусть подождут, пока я не выполню главного, ради чего я появился на свет,— пока я не куплю дом.

Молодежь в Англии тоже зачастую идет этой проторенной колеей — идет, никуда не сворачивая, не растрачивая себя на всякую чепуху, которая только отнимает время у делового человека: книги, любознательность к окружающему, какие-то мировые проблемы... Работать начинают рано, большей частью в 15—16 лет, и сразу попадают в раз навсегда заданный спокойный, чуть сонный ритм жизни, установленный отцами, дедами. Читать, учиться, стремиться узнать как можно больше — есть и это, конечно, но нельзя сказать, чтобы оно было главным.

За время поездки по стране я крепко сдружился с нашим шофером — удивительно симпатичным человеком, радушным, мягким, типичным краснощеким лондонским «кокни». Всегда оживленный, веселый, большой любитель хорошего пива, он в первый же вечер рассказал мне всю подноготную о своей семье, о дочери. Девочке 19 лет, она работает и—отец, улыбаясь, сокрушенно трясет головой — каждый вечер бегает с ватагой молодых парней танцевать. «Рок-н-ролл»! Отец с легкой издевкой поднимает палец. «Что поделаешь,— говорит он,— я не очень одобряю, но ребята молоды, молодости нужен outlet (слово немного посильнее нашего «выход»). Я тоже был молод, мы тоже по-своему сходили с ума». Я согласен с ним, я не осуждаю ни его дочь, ни его: действительно, молодости обязательно нужен «выход». Но почему во всех наших долгих разговорах с ним о его семье, его дочери и ее приятелях ему ни разу даже в голову не пришло, что «выход» можно найти другой?..

Обстановка располагала: теплый вечер, крохотный сад, никто не мешает, я почти втрое моложе его и внимательно слушаю. Пожилой джентльмен — старый профсоюзный работник — философствовал горячо, увлеченно, торопясь догнать быстро скачущие мысли. «Мы слишком стары,— говорил он,— в нас нет динамики, нет перспективы. Мир ломается на огромные куски, склеивается, опять ломается, рушится наша старая империя, рушится все, к чему мы веками привыкали,— а у нас все по-старому, мы пытаемся жить, как прежде, не замечая, не желая признавать перемен. Мы пытаемся делать вид, что ничего не произошло, нам больно признаться самим себе, что мы отстали, отстали, кажется, безнадежно. Где искать источник движения вперед? Искать внутри нашей страны, в нас самих... Где искать? Его нужно искать, а мы, не отрываясь, смотрим в телевизор, мы оглохли, не хотим слушать шум времени. У нас старые часы, мы привыкли заводить их в один и тот же час, а время идет теперь совсем по-другому, рывками. Кто знает, по каким часам будет жить мир? Я видел вашего Гагарина, он ехал по улице на машине, ему улыбались, ему аплодировали. Но для многих он просто смелый, симпатичный парень. А для меня, старика, это целая книга о людях потрясающей внутренней динамики, энергии, размаха. Я старый человек, честно говоря, я не очень люблю ваши порядки, но вы куда-то рветесь, вас куда-то влечет, а у нас пытаются делать вид, что все это нас не касается, все это временно по сравнению с нашими столетними традициями. Дескать, все так или иначе станет на свое место. Но как станет и на какое место?»

И только к концу нашей поездки по Англии я понял: старик все-таки неправ, вернее, не совсем прав. Есть в Англии люди, которые не оглохли, которым не занимать ни энергии, ни динамики. Они знают, где искать источник движения, они готовы работать, они ищут новые идеи и умеют находить их. И они очень много знают: знают свою культуру, знают культуру, книги и мысли других народов. Знают и хотят знать с каждым днем все больше и больше.

Нас пригласили в гости к «левому» художнику. Одна, но большая комната, грубые полки, забитые книгами, светлые, вполстены окна, тахта в углу и простой стол. Его жена, милая, изящная женщина, разносит для гостей маленькие английские бутерброды. Среди приглашенных — чета врачей, журналист, рабочий, еще журналист, инженер, студентка колледжа... В комнате стоит невероятный галдеж: кажется, что хозяева и гости настолько стосковались друг по другу, так давно не виделись, так рады, что они наконец съехались вместе и могут говорить, говорить без конца, что забываешь и о невзначай открученной пуговице, и о милой невежливости собеседника, который иногда перебивает тебя на полуслове, и о том, что уже очень поздно и усталая хозяйка все чаще и чаще, смущенно улыбаясь, присаживается посидеть хоть минутку. Ведь надо же наконец узнать вот так, от живых людей, что думают они о нас, и высказать им все, что думаем о них мы. Нужно высказать наши взгляды на мир, экономику, искусство, на обыденную жизнь и выслушать их продуманные, выношенные, иногда острые, как нож, мысли. И понимаешь, что интерес этих людей к жизни безграничен, силы их огромны, они еще построят много умного, светлого, серьезного. Они вдохновенно, сгорая от внутреннего нетерпения, перекроят все по-своему, и в этих людях будущее великой страны вдруг проступает отчетливо, радостно, надежно, как сама жизнь...

И все-таки... Все-таки хочется как-то коротко, четко и по возможности точно суммировать свои впечатления об Англии и, главное, о тех, с кем больше всего виделся там. Приходит в голову одно, другое — не то, все не то. Нет, кажется, нашел наконец: у любимого писателя англичан Киплинга есть сказка о коте, «который ходил сам по себе». Всегда, всю жизнь ходил сам по себе и только для себя.

В. Серов. ПОРТРЕТ М. АКИМОВОЙ. 1908.
Государственная картинная галерея в Ереване.

В. Серов. ЗИМА. 1904. Государственная картинная галерея в Рязани.

ПОРТРЕТ.

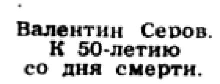

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ. 1910. Государственная Третьяковская галерея.

ФИЛОСОФИЯ ПОРТРЕТА

Валентин Серов. К 50-летию со дня смерти.

В. ВОРОНОВ

Из окон Петербургской Академии художеств Серов вместе с Поленовым и Гинцбургом 9 января 1905 года видел расправу царя с рабочими. Серов писал своему учителю Репину: «...Не забуду никогда — сдержанная, величественная безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу, зрелище ужасное... Невольное чувство уйти — выйти из членов Академии, но выходить одному не имеет значения».

Скоро в газетах появилось сообщение о выходе В. Поленова и В. Серова из состава императорской академии.

Гражданское мужество, неподкупная честность Серова были известны всем. «И, может быть, в нем был не столько художник, как ни велик он был в своем искусстве, сколько искатель истины»,— писал о Серове его ближайший друг Константин Коровин. Когда чиновники московского Училища живописи, ваяния и зодчества не допустили к работе из-за политической неблагонадежности Анну Голубкину, профессор училища Серов демонстративно вышел в отставку. Он считал, что Голубкина — «одна из **настоящих** скульпторов в России — их немного у нас». Это было после революции 1905 года, в период разгула реакции. Тогда же Серов ответил на предложение одного предприимчивого друга сделать при царском дворе несколько портретов телеграммой: «В этом доме я больше не работаю».

Серов остался честным и в своей работе. А как это трудно портретисту, если он имеет дело с нобелями, победоносцевыми, гиршманами, голицыными или со светлейшими и царскими особами! Последние двадцать лет жизни Серова — почти сплошная, непрерывная борьба с заказчиками. Очень многие хотели увековечить себя кистью великого художника. Знали характер Серова, его всепроникающий глаз и все-таки шли к нему. От цепкого, исподлобья взгляда портретиста пытались скрыть свое нутро под светской маской, выверенной годами, старались не обнаружить своей духовной пустоты — и не удавалось. Апатичное холеное лицо ничтожного князя Юсупова, сидящего на чистокровном арабском жеребце, безликая личина князя Павла Александровича в блестящем кирасирском мундире, волчья повадка фабриканта Михаила Морозова — все видел Серов...

В течение нескольких минут художник схватывал сходство с оригиналом, но требовал... девяносто сеансов. Три месяца непрерывной работы. Тут, конечно, трудно скрыть что-то от портретиста. В какие-то мгновения подлинный характер, натура должны проявиться. Таких мгновений Серов ждал, и они определяли философию его портретов.

При Серове как-то возник спор о «скованности» портретиста. Художник, задетый за живое, недобрыми глазами смотрел на спорщиков и затем сказал, что увлекается «не самым лицом индивидуума, которого пишет (потому что это лицо нередко бывает или пошлым или малоинтересным), а той характеристикой, которую он сам может сделать на холсте... характеристикой этого человека, его душевным складом».

Критик Сергей Глаголь вспоминает, как однажды, выходя с выставки, столкнулся с Валентином Александровичем Серовым.

— Что,— спрашивает художник — понравилось?

— Нет.

— Почему?

— Есть что-то странное в портрете, точно какая-то раскрашенная деревянная кукла, а не человек.

Серов ответил:

— Очень вам благодарен. Я именно это и хотел сделать: эта женщина и в самом деле только красивая деревянная статуя.

Перед каждым сеансом Серов волновался, словно новичок. Даже в последние годы жизни он, сделавший сотни портретов, работал, как перед экзаменом. С некоторыми моделями надо было еще и разговаривать. Для художника такие беседы были мукой, хотя он умел вести светский разговор. Наработавшись до изнеможения, Серов с трудом добирался до дому и валился на кровать. А потом с горькой усмешкой рассказывал другу о семейке заказчика: «Остановится вот этак, в позе своего папа, этакий поросенок, дегенерат, и говорит: «А у мамы вы нарисовали глаз кривой. Она совсем не такая!» А потом подойдет еще кто-нибудь из семьи и подтвердит слова молокососа».

Художник уходил от таких заказчиков в зоологический сад. Серов нежно любил всяческое зверье; по крайней мере там все честно. Серовские иллюстрации к басням Крылова остаются до сих пор непревзойденными. Создавая эти рисунки, художник ставил перед собой серьезные задачи: он решал характеры басенных персонажей. В Домотканове (ныне Калининской области) у своего друга Дервиза Серов обошел все окрестности в поисках подходящей кочки для басни «Волк и журавль»; он искал в лугах тощую крестьянскую коровенку для басни «Крестьянин и работник». А для басни «Ворона и лисица» нашел нужную ему ель и рисовал, взобравшись на высокую лестницу, чтобы оказаться на уровне воображаемой вещуньи.

Совершенно преображался Серов среди близких друзей. Он становился веселым, добродушным. Почти не знавший в детстве семейного уюта, художник ценил простое человеческое участие. Отец его, оперный композитор, автор «Юдифи» и «Рогнеды», умер, когда Серову было только восемь лет. Его молодая мать ездила по Европе для продолжения своего музыкального образования и возила за собой сына, устраивая его ненадолго то тут, то там. И когда десятилетний белокурый мальчик в тесной тирольской курточке приехал в 1875 году в Абрамцево, он нашел здесь много добрых друзей. Хозяйка дома Елизавета Григорьевна Мамонтова с тех пор стала самым дорогим человеком для Серова. В семье Мамонтовых он обрел то, чего ему недоставало раньше.

В одном из неопубликованных писем Серова к Е. Г. Мамонтовой есть горькие слова. 6 января 1889 года он писал о матери: «Еще одно больное место: холодность моя к ней. Она права, нет во мне той теплоты, ласковости к ней, как ее сына. Это правда и очень горькая, но тут ничего не поделаешь. Я люблю и ценю ее очень как артиста, как крупную, горячую, справедливую натуру, таких не много, я это знаю. Но любви другой, той спокойной, мягкой, нежной любви нет во мне. Если хотите, она во мне есть, но не к ней, скорее к Вам. Странно, но это так. Мне кажется, Вы знаете это, Вы не можете этого не знать».

Там, в Абрамцеве, Серов и стал художником. В Абрамцеве написан портрет Веры Мамонтовой — «Девочка с персиками».

В декабре 1888 года портреты В. Мамонтовой и М. Симонович («Девушка, освещенная солнцем») появились на выставке в Москве; в газетах заговорили о новом выдающемся таланте...

Серов задумывался над труднейшими вопросами художественной формы. Его отношение к исканиям молодых художников порой удивляло друзей. Однажды на выставке, глядя на «очень странную картину с совершенно розовыми женщинами», Серов сказал: «Вам не нравится? Напрасно, тут все-таки что-то есть».

Художник не любил высказываться об искусстве, он больше размышлял. Поэтому каждое слово Серова выношено и выверено. В письме из Парижа 20 ноября 1909 года, адресованном жене, Серов писал: «Матисс, хотя и чувствую в нем талант и благородство,— но все же радости не дает и странно: все другое зато делается чем-то скучным,— тут можно призадуматься».

Врубель когда-то мечтал написать сирень зеленой краской. Серов тоже любил живописные эксперименты, но он не ограничивался ими. Форма никогда не была для него самоцелью, хотя в каждом портрете он искал тот единственный композиционный прием, который исчерпывающе выражал мысль художника. А главное, то, что для иных крупных художников было главной творческой задачей,— проблемы цвета, ритма, пространства, линии,— Серов осуществлял в процессе создания большого, общенародного искусства.

Одно время Серова считали правоверным участником объединения художников при журнале «Мир искусства».

Серов до 1903 года деятельно помогал журналу, участвовал в выставках, хотя и тогда руководители объединения отлично понимали, что «Антона», как его звали близкие, не собьешь ни в ту, ни в другую сторону, что он «в принципе ненавидит всякие общества».

Позиции Серова и его друзей по «Миру искусства» очень разнились. Дягилев в своей статье в 1899 году называл опасными отклики художника на такие народные бедствия, как голод и холера... А Серов в то же самое время выставлял рисунок под названием «Безлошадный».

Не ужился Серов и в Товариществе передвижников. Художнику претила всякая канцелярщина, а бюрократизация постепенно разъедала Товарищество, осложняя отношения старших и младших передвижников. Репин возмущался в письме к Савицкому: «Я бежал из Академии от чиновников — у нас возникла своя бюрократия. Я не могу...» Прежней творческой атмосферы в Товариществе уже не было: для того, чтобы перевесить картину, Поленов должен писать заявление...

Дело, конечно, не в объединениях, а в том, что Серов стремился понять самые важные вопросы времени. Еще Крамской мучительно раздумывал о передовом мировоззрении художника, о той песне, при звуках которой забились бы восторгом все сердца слушателей. На рубеже двух веков эта песня раздалась на рабочих баррикадах, но Серов не услышал ее. Он, как чеховский Тузенбах, верил, что лет через двести—триста жизнь на земле будет прекрасна. И художник работал для этой жизни. Он говорил ученикам: «Надо так писать, чтобы мужик понимал, а не барин».

...Всемирно известная картинная галерея Уффици во Флоренции заказывала Серову автопортрет. Кто из художников не мечтал о том, чтобы его произведение попало в Уффици и стало в один ряд с полотнами Леонардо, Рафаэля, Тициана! Но Серов так и не успел сделать автопортрет. Написавший столько картин, увековечивший своей кистью столько людей, сам он остался без портрета. Как это похоже на Серова...

ЧУЖИЕ

Сергей НИКИТИН Рассказ Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Если в Москве или в дачном поселке Внуково вы встретите старика в низкой, наподобие канотье, шляпе, чесучовом костюме и при палке, которая, судя по величественным взмахам, служит старику скорей для завершения его внешнего облика, чем для опоры при ходьбе, то знайте, что вы видели меня, профессора, доктора наук, химика Ивана Фердинандовича Тролля.

Летом я живу с семьей на даче. То есть живет на даче моя семья, а я каждый вечер приезжаю туда в большом черном автомобиле, молча поднимаюсь к себе в кабинет, и мне приносят туда холодный кефир, ягоды или фрукты. К общему столу я не выхожу, потому что меня раздражают жена и дочь. Нет ничего особенного в том, что у жены масляное от крема лицо и вытаращенные от загнутых ресниц глаза, что дочь коротко острижена и носит слишком узкий свитер, но если знать, что обе они никогда не работали, что держат сторожа, шофера и домработницу, что жена, предвидя мою скорую кончину, жадно покупает золото, меха и дорогие антикварные вещи, а дочь выходит замуж, как раньше говорилось, не по любви, а по расчету,— если знать все это, то сидеть с ними за одним столом и не раздражаться просто немыслимо.

Когда дочь была маленькой, я очень любил ее и звал Машенькой. По-настоящему ее, видите ли, зовут Ингой, но я терпеть не могу это гнусавое имя. Теперь и следа не осталось от моей Машеньки — мягкого, ласкового, игривого котенка. Как-то проглядел я, когда надела она эти короткие черные брючки, этот узкий красный свитер, когда вдруг появилась в доме пестрая банда Аликов, Эдиков, Эриков с джазовыми пластинками и моя Машенька стала говорить со мной примерно так:

— Старик! Тебе не нужно полнеть. Толстая рожа — харя обывателя. Смуглота, тени под глазами, блестящий взгляд — вот что современно, дорогой мой.

А однажды, войдя неожиданно в комнату, я слышал, как она сказала молодому человеку в красных носках:

— Оба мы свободные, вольные, ни к чему не привязанные. Давай возьмем нашу машину и будем носиться по дорогам.

Потом Алики и Эдики исчезли — окончили школу, и одни, по слухам, поступили в институты, другие стали работать, третьи служили в армии. А в доме у нас стали появляться какие-то подержанные личности, которые много ели, много курили и еще больше болтали. Помню, однажды в комнату вкатился маленький лысеющий крепыш, огляделся, засмеялся и сказал Инге:

— В салончик играете, мадонна?

И это действительно было время, когда она тащила в дом без разбора всех, кто мог пошло поболтать или амикошонски посплетничать об искусстве.

— Видели вы,— распинался со страстным придыханием немолодой уже человек в голубом костюме,— видели вы, как в неверном свете утра пепельницу переполняют окурки сигарет, кроваво перепачканные губной помадой?

— Ах, как много у нас литературы от литературы, особенно в стихах! — ломалась очень миленькая девица с накрашенным ротиком.

А в углу кто-то волосатый, в перхоти орал так, что тоненько звенела хрустальная ваза на серванте:

— Фе! Ну что вы щекочете меня бородой Льва Толстого! Лев Толстой часто дразнил окружающих своими высказываниями, как Афанасий Иванович Пульхерию Ивановну: «Я возьму саблю или козацкую пику...»

— Прозу-то нынче, братцы, стали из фанеры выпиливать: и плоско, и сухо, и дешево,— прожевывая сардинку, изрекал некто с круглым животиком, отличавшийся умением сказать что-нибудь такое, что превращало весь предыдущий спор в галиматью.

Удавалось это ему потому, что споры эти были кипятком, который ничего не варил. Спорили люди, ничего сами не сделавшие в искусстве, спорили, не слушая друг друга, спорили, не отстаивая какие-то свои продуманные убеждения и не отвергая или признавая какие-то идеологии и программы, а просто вывертывали напоказ багажишки своих вкусов, эрудиций и мыслей.

Только однажды появился у нас писатель с известным именем и несомненным талантом, но никто не обратил на него внимания, потому что он не спорил. Признаться, до сих пор при слове «писатель» в моем воображении прежде всего возникали власы и бороды литературных корифеев девятнадцатого века, а уж потом смутно рисовался облик нынешнего, живого писателя — этакого импозантного мужчины средних лет в отличном костюме, роскошных сандалетах и с лицом, одухотворенным мощным презрением к мелочам повседневной жизни. Этот же был молод, одет в магазине готового платья и без всяких признаков мощного презрения. Вместо этого в глазах у него было выражение какой-то усталой грусти, и все лицо, уже немного обрюзгшее, казалось исполненным чрезвычайной привлекательности.

Он стоял у окна под открытой форточкой, где воздух был свежей. И вдруг оттуда, из мартовской сини, из золота первоначальной весны, донесся ликующий петушиный крик. Это было так неожиданно здесь, почти в центре Москвы, что писатель вздрогнул и растерянно оглянулся по сторонам. Никто, кроме него и меня, не обратил внимания на этот крик, и, встретившись взглядами, мы понимающе улыбнулись друг другу.

— Весна,— сказал я.

— Март,— сказал писатель.

— Зашли с целью изучения нравов? — спросил я, кивнув на жующую и орущую банду.

— Нет,— конфузливо сказал он.— Я люблю Ингу Ивановну.

А летом появился у нас на даче уже в качестве жениха. Звали его Владимиром Андреевичем.

Однажды утром я шел по дорожке к машине и увидел, как наш сторож окашивал у забора траву тупой косой, которая только мяла и драла, оставляя неровную кошевину. Тут же с полотенцем через плечо стоял Владимир Андреевич.

— Эх, дядя,— сказал он,— бороду бы тебе так ободрать!

Сторож, крепкий мужчина неопределенных лет, всегда обросший бородой — не бородой, щетиной — не щетиной, а так какой-то игольчатой порослью тоже неопределенного цвета, очевидно, обиделся и проворчал в ответ:

— Все вы тут чересчур ученые! А ежели самих заставить сделать, то не сможете.

— Ну, это ты брось! — усмехнулся Владимир Андреевич.

Он попросил найти молоток и брусок, от-

бил, наточил косу и, сняв майку, сноровисто прошелся косой вдоль забора.

Я всю жизнь мечтал учиться простым вещам: садоводству, разведению пчел, столярному делу, вождению машины,— но у меня не хватало времени. У толстовского Ивана Ильича не хватало пятисот рублей и одной комнаты, а у меня — времени, и поэтому я страшно завидую всем, кто умеет вот так сноровисто и ловко что-то делать.

— А что вы еще можете? — пристал я к Владимиру Андреевичу.

— Да всю деревенскую работу,— засмеялся он.— И жнец, и кузнец, и в дуду игрец.

— А хлеб можете замесить?

— Могу.

— Ну, это я тоже могу,— похвастался я.

А вечером, проходя через столовую, не удержался, чтобы не похвастаться еще, и спросил:

— А доить вы умеете?

— Всякое приходилось делать в хозяйстве,— ответил Владимир Андреевич.

— Доить я тоже умею,— сказал я.— У мамы была очень хорошая корова, ласковая и умная. Когда мама болела, а болела она очень часто, я сам доил эту корову.

— Бож-же мой! — прошипела мне вслед жена, и я представляю, как она подняла при этом свои выщипанные брови.

Гуляя перед сном, я встретил Владимира Андреевича в лесу. Наш дачный участок велик. На нем размещаются спортивная площадка, яблоневый сад, огород, цветник и еще остается место под дикий лес, где растут грибы и прыгают по деревьям белки. Вечер был сух и тепел; душистый табак на клумбах раскрыл свои белые звезды, и сладкий запах его смешался с запахом скошенной утром травы.

Владимир Андреевич смотрел на освещенные окна дачи. За окном слышался смех Инги. Я знал: он вышел, чтобы не мешать хозяевам приготовиться к сну, потому что все еще считал себя здесь гостем, и теперь ждал, когда выйдет Инга и позовет его спать. Она появится на высоком крыльце дачи, оглянется по сторонам, сбежит по ступеням и, отыскивая его среди этих серебряных в сумерках берез, пойдет, повторяя настойчиво и чуть капризно: «Скиф! Скиф! Где ты?»

Ей, видите ли, кажется, что он похож на скифа, потому что любит лес, поле и горячий ржаной хлеб с постным маслом.

Мне захотелось поговорить с Владимиром Андреевичем. Ему, видно, надоело смотреть на окна, и он ходил от березы к березе, прикладывая к их стволам ладонь.

«Зачем это он?» — подумал я и, тоже потрогав гладкий ствол березы, ощутил его глубокую влажную теплоту, которая была под стать теплоте живого тела.

— Придете домой и запишете в книжечку, что стволы берез, нагретые за день солнцем, были теплы всю ночь,— сказал я.

— Запишу,— засмеялся Владимир Андреевич.

— Вот вы давеча сказали, что вам многое приходилось делать в хозяйстве. Вы, стало быть, из деревни? — спросил я.

— Да. Есть за лесами, за долами такая деревенька. Девять изб смотрят на белую в кирпичных ссадинах ограду. За оградой — кладбище: вековая тень под вязами, трава по пояс, желтые цветы чистотела, пчелиный гуд. Там и сейчас живет моя мать. А отца у меня нет. Но я его помню. И даже не его самого, а какое-то очень яркое впечатление, оставленное им во мне на всю жизнь. Может быть, я потом дорисовал всю обстановку этого дня, но мне кажется, что когда-то так было на самом деле: дорога в сухой, спелой ржи, телега, зноем и груды пухлых облаков на горизонте... И почему-то все это — отец. Мне было семь лет, когда он ушел на фронт... Ну, а мать — такая, знаете, женщина в платке, с вдовьими губами, добрая и строгая. У нас почти в каждой избе есть вдова. И это я уже отчетливо помню, как выбегала какая-нибудь бабенка из избы и с воем брякалась оземь. Так и моя мать выбежала однажды... По какому-то обычаю у нас считается, что горе не надо прятать от людей. В этом иногда бывает что-то показное: повою, дескать, чтобы люди не осудили, но в сути такого обычая лежит, мне кажется, известная пословица: «На людях и смерть красна».

Владимир Андреевич замолчал, но мне, давно уже не говорившему ни о чем, кроме своих научных дел, хотелось слушать его еще и еще, и я спросил:

— Позвольте, Владимир Андреевич, задать вам вопрос, который, наверно, всегда задают писателям. О чем вы сейчас пишете?

— Не знаю даже, как вам сказать,— замялся он.— Есть у Чехова замечательные слова: «все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное». Этим он, конечно, не хотел сопричислить человека к народу за одно лишь появление на свет. Мне кажется, он напоминал: никогда не забывай, что ты народ, живи в нем органично, как атом кислорода в атмосфере земли, а не посторонняя пылинка, случайно взметенная ветром, и, ради бога, не будь мещанином, не марай чистый лик народа собой, как болячкой, постыдись! Недаром же только лучшее почитал он делом народным... Вот я и пишу сейчас о том, как человек приходит к сознанию своей множественности, своей общности с народом, приходит через лучшие дела своей жизни.

— Милый,— сказал я ему,— зачем вы женитесь на моей дочери? Зачем? Я русский. Мой папа, немецкий колбасник Фердинанд Тролль, обрусел в русских пивных, женился на русской бабе из Рязани, и во мне уже не осталось ничего немецкого, кроме фамилии. А эти две — они и не русские, и не немецкие, и не французские, и не китайские. Они выросли не на земле, а на асфальте. Спросите их: что для них родина? Они не сумеют вам ответить. Иногда за словом стоит только образ: например, «кирпич» — и представляешь себе оранжевый брусок глины. Но есть слова, за которыми таится чувство: «мать», «жена», «ребенок». Лицо их видишь уже после того, как чувство тронуло вас. Таково же слово «родина». Если за ним не следует движение души, то есть чувство, то и родины нет, а только местность. Вот и у них только местность. И ваша литература и моя наука имеют для них значение лишь постольку, поскольку могут обеспечить их жизненный комфорт. Ведь эти две бабы твердо убеждены, что всю жизнь я вдыхал в лабораториях яды только для того, чтобы они шикарно одевались, катались на машинах и уезжали отдыхать от Рижского взморья в Крым. Они убеждены, что и вы будете изнурять бессонными ночами ваш мозг исключительно для того же самого... Володенька, милый, не женитесь на ней!

— Что ж поделаешь, если я люблю ее,— беспомощно пробормотал Владимир Андреевич.

Мы долго еще говорили и про народ и про родину, и я все колесил вокруг да около, не решаясь сказать Владимиру Андреевичу, что моя дочь вовсе не любит его, как ему, может быть, кажется, что любит она того, в красных носках, что до сих пор звонит ему по телефону, встречается с ним в Москве и потом шепчется об этом со своей матерью. Наверно, надо было так сказать Владимиру Андреевичу, но сознание того, что передавать случайно подслушанный разговор подло, удерживало меня, и я не сказал.

И вот теперь, сидя в шезлонге, я смотрю, как Инга и Владимир Андреевич играют в пинг-понг. Оба молодые, стройные, ловкие, и, глядя на них, я думаю, какая это была бы замечательная пара, если бы... Ах, если бы!

— Володенька,— говорю я, когда, разгоряченный и улыбающийся, он подходит ко мне,— я скоро умру. Если у вас будут дети, не отдавайте их под начало этих баб.

Он вертит в руках ракетку, и улыбка его становится смущенной, беспомощной, а у меня появляются на глазах слезы.

РУССКАЯ ПЕСНЯ В АФРИКЕ

Т. ЛЯГИНА,
артистка хора имени Пятницкого

На гастроли в Африку я ехала с тревогой и сомнениями.

Но вот и первый концерт. Каждая песня вызывает долгие аплодисменты. Но я по-прежнему волнуюсь: может, это лишь дань уважения и любви к советской артистке, а не к русской песне?

А утром меня вызвали в вестибюль. Подошла стройная, симпатичная девушка. Представилась: Салина Бангвиба, гвинейка, артистка-любительница. Попросила меня напеть понравившуюся ей песню «Я на горку шла».

Я охотно поработала с ней.

После завтрака пошла на пляж... Вдруг... что это? Хор исполняет «Я на горку шла»! Оказывается, моя утренняя посетительница уже разучивает песню с группой гвинейских юношей и девушек.

А на обратном пути мы услышали, как два подростка — разносчики бананов,— удобно пристроившись на земле у стены какого-то дома, сосредоточенно повторяли: «...уморилась, уморилась, уморилася!..»

Так русская песня вступила на берег Западной Африки. И сразу отпали все наши опасения: талантливый африканский народ каким-то особым музыкальным чутьем очень быстро воспринял русские мелодии, оценил и полюбил их.

Теперь уж незнание языка нас не разделяло. Я и сама стала старательно собирать, записывать и разучивать африканские песни и вскоре включила их в программу своих концертов. Гвинейскую песню «Хонефа» я выучила с помощью одаренного африканского музыканта Косса Бунама. Начала ее петь в концерте. На первом куплете зал молчал. Затем тишина прорвалась, люди неистовствовали от восторга.

В Дагомее, в городе Порто-Ново, к нашей группе прикомандировали гида — дагомейца Сехо Бернара. Уже на второй день он правильно пел «Утушку луговую». Эту песню он исполнил на приеме у президента республики Юбер Мага. Всем присутствующим песня очень понравилась. Юбер Мага попросил включить номер Сехо Бернара в программу нашего концерта. Вечером Сехо Бернар на сцене. Он волнуется, я тоже, но все идет хорошо. И вдруг неожиданность: со второго куплета припев песни подхватывает весь зал, тщательно выговаривая русские слова: «ой, люли, люли, люли, моя луговая...» На этом же концерте я исполняла народную африканскую песню «Оводу». И вновь такой же успех.

Африканский фольклор изумителен. Жаль, что он до сих пор мало изучен. Содержание некоторых песен, веками складывавшихся в народе, в чем-то перекликается с некоторыми русскими песнями.

...Во время гастролей нас, естественно, привлекали дети. Но они дичились, избегали сближения.

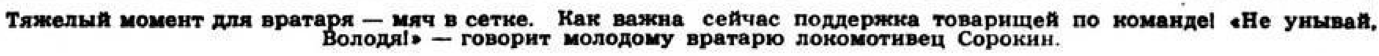
Как-то в Того, в городе Ломе, неподалеку от меня играли малыши. Я пыталась заговорить с ними, хотела угостить сладостями, но ребята отчужденно посмотрели на меня и перешли на другое место. Тогда я уселась в тени, закрыла глаза и услышала, что дети напевают песенку. Незнакомые слова так часто повторялись, что я почти непроизвольно стала повторять их про себя, а затем потихоньку и вслух. Открыв глаза, я увидела вокруг себя всю ватагу, на лицах было удивление и любопытство. Я запела громче, тогда на личиках мелькнули улыбки, затем раздался смех; ребята наперебой стали что-то мне объяснять, потом одна девчурка, чуть ли не самая маленькая, знаками и словами пояснила мне, что я неправильно произношу слова. Началось совместное разучивание. У африканцев нет песни без танца, как нет и танца без песни. Тут же ребята начали обучать меня танцам. Они веселились от души, в то же время проявляя большое усердие. Ну, конечно, и я не осталась в долгу, и какими же смышлеными оказались ребятишки. Вместе со своими песнями я оставила им свою привязанность, свою любовь.

Тяжелый момент для вратаря — мяч в сетке. Как важна сейчас поддержка товарищей по команде! «Не унывай, Володя!» — говорит молодому вратарю локомотивец Сорокин.

МЕЖДУ ПОЛЕ

Лев КАССИЛЬ

Заранее соглашаюсь с футбольными специалистами, если они усмотрят в заголовке известную неточность. Действительно, гол ведь засчитывается и в том случае, когда мяч не коснулся сетки, не долетел до нее, но уже пересек линию ворот, отделяющую от поля их роковое внутреннее пространство между стойками и штангой.

Однако привычным стало определять взятие ворот, забитый гол ходовой формулой: «Мяч в сетке...»

При всей сложности, а подчас и капризной путаности движений мяча основные кривые, определяющие его направление, образуют, если пометить их на чертеже, нечто вроде толстобокого веретена. Оба острых конца его упираются в ворота на разных сторонах поля. Именно туда, к обоим концам этого воображаемого веретена игры, и тяготеют, там и фокусируются все устремления игроков и мяча. Вот наконец мяч, пройдя по всем извилинам, пересечениям и путаным кривым невидимого, мгновенно создаваемого, прихотливо и беспрерывно меняющегося лабиринта борьбы, получает возможность войти в заветное пространство ворот. Но тут у обороняющейся команды, если ее полевые игроки в данный миг не сумели повернуть игру, остается еще последняя надежда — игрок, пост которого значится под номером «1» — между полем и сеткой, между мячом и линией ворот. Здесь играет вратарь команды, в очерченном белой линией прямоугольнике вратарской площадки — месте, где обычно драматизм игры достигает наивысшего предела. Ведь тут ошибка вратаря подобна оплошности минера: она непоправима...

Четыре года назад на площадке у ворот московской команды «Локомотив» в игре против столичного «Спартака» москвичи впервые увидели нового молодого вратаря. Хорошего роста, но не долговязый, быстроглазый, подвижной, но лишенный черт суетливости, смело, но не безрассудно действовавший, он сразу понравился московским зрителям. А поработать новичку пришлось основательно. Прославленные мастера «Спартака» Симонян, Сальников, Исаев вели шквальный обстрел ворот. Они знали, что ворота железнодорожников охраняет еще малоопытный страж, впервые играющий на столичном стадионе и, конечно, не получивший пока возможности приноровиться к хитроумной индивидуальной манере, свойственной каждому из спартаковских форвардов. Заметили, что молодой вратарь «Локомотива» смело играет без щитков и наколенников, в майке навыпуск, хотя, возможно, она тогда просто выбилась наружу из-под пояса трусов, так как обладателю ее пришлось изрядно попрыгать в воротах, понырять прямо в ноги нападающим, покататься с мячом в объятиях по земле...

Как он ни старался, мяч все-таки дважды побывал в сетке за его спиной, и спартаковцы, пропустившие в свои ворота лишь один мяч, вышли победителями из этой игры. Но даже самые яростные болельщики «Спартака», радуясь победе своей любимой команды, расходясь, довольные, толковали меж собой:

— А у паровозников-то этот вратарек новый — ничего!.. Гол молодцу не укор.

— Да, не будь у них этого новенького, наглотались бы сегодня.

— Классно стоял вратарь, что говорить! Как его фамилия? Где он раньше играл?

Так московские любители футбола познакомились с молодым вратарем железнодорожников Владимиром Маслаченко. Познакомились и быстро оценили отличные данные спортсмена — смелость и серьезность его игры.

Игра против «Спартака» была всего лишь третьим выступлением молодого вратаря в календарных играх команд класса «А» и его дебютом в столице. До этого Маслаченко был вратарем днепропетровского «Металлурга», выступавшего в группе «Б». А если вернуться к истокам его спортивной биографии, то следует вспомнить, что, родившись в 1936 году под Днепропетровском, он еще мальчишкой играл в уличной команде, а потом в команде криворожского «Спартака».

Столичных любителей футбола не сразу покоришь сенсацией в воротах. У многих еще на памяти расчетливая, цепкая игра одного из первых вратарей в истории нашего футбола — Николая Евграфовича Соколова; блестящие выступления на редкость талантливого Владислава Жмелькова; умная, самоотверженная и прочная защита Анатолия Акимова, напоминавшего в непостижимо дальнем броске крылатого змея. Мы восхищались стремительной и точной хваткой Алексея Хомича, недаром названного за рубежом звонко — «Тигр». И, наконец, подлинным львом, стерегущим ворота нашей сборной, прославил себя Лев Яшин... Да, нам есть с кем сравнивать нового талантливого футболиста, ныне оказавшегося способным занять, если потребуется, самый ответственный пост в воротах команды страны.

Молодой вратарь железнодорожников, сразу полюбившийся столичным любителям футбола, не обманул их ожиданий. В том же 1957 году после нелегкого сезона, полного трудных календарных игр, он с честью защитил ворота своей команды и вышел «сухим» из крутого кипятка игры в финальном матче на Кубок СССР против грозного и многоопытного «Спартака».

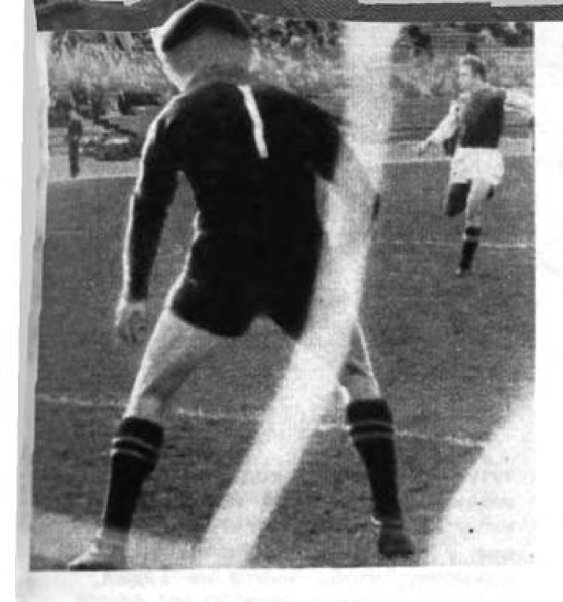
Уже тогда о Маслаченко заговорили как об одном из надежнейших стражей футбольных ворот. Сезон за сезоном лучшие качества вратаря Маслаченко росли, укреплялись и приумножались, а кое-какие слабости устранялись суровой проверкой во время ответственных игр и непрерывными тренировками, к которым Маслаченко относится с неукротимой старательностью. Когда его часами обстреливают в воротах тремя мячами, этого ему мало. Он просит, чтобы «гоняли в шесть мячей» да чтобы били покрепче, «как Красницкий» — могучий бомбардир ташкентского «Пахтакора», от удара которого, как мне с восхищением рассказывал сам Маслаченко, мяч в полете даже сплющивается несколько...

Маслаченко учился и продолжает сегодня учиться истово, напряженно, настойчиво и страстно всему, что входит составными и важнейшими элементами в сложное искусство вратаря. Он старался перенять у прославленного вратаря нашей сборной команды страны Льва Яшина умение играть в ансамбле с защитниками, понимать без единого слова их намерения, всегда быть готовым в нужную долю секунды самому вступить в игру. «Корью пижонства в воротах я уже давно переболел»,— признавался мне Маслаченко, когда мы говорили с ним о том, что молодые способные вратари, быстро завоевавшие признание трибун, частенько злоупотребляют индивидуальной игрой в воротах, стараясь блеснуть головокружительными приемами, которые идут часто не на пользу дела.

— Для меня теперь уже нет трибун, когда я стою в воротах,— говорит Маслаченко,— есть гектар поля. Вот это и есть поле моего зрения, поле моего внимания...

Ему дорога спортивная красота игры. И иной раз, когда опаснейший момент у ворот разряжается неудачей противника, озадаченный форвард вдруг слышит реплику сожаления, вырывающуюся у Маслаченко: «Надо было тебе самому, Леша!» или: «Эх, лучше бы щечкой бил!..»

Он настоящий спортсмен: всесторонняя физическая закалка, неустанное гармоническое накопление сил, ловкости, гибкости во всех мускулах. Баскетбол, волейбол, прыжки — всем этим Масла-

Владимир Маслаченко начеку.

Фото А. БОЧИНИНА.

М И С Е Т К О Й

ченко занимался еще в школьные годы. Теперь еще прибавились зимой лыжи.

По совету Анатолия Акимова Маслаченко особо стал следить за «работой ног». Хотя вратарь, единственный из игроков футбольной команды, вступает в игру своими руками (если схватка происходит в пределах штрафной площадки), ему все же надо вырабатывать не только «мертвую хватку», но и умение сильно пробить по мячу ногой, чтобы сразу перевести игру от своих ворот на половину противника. Да и в тех случаях, когда надо принимать мяч в руки, дело решает не только их сила и цепкость — ноги спортсмена должны мгновенно перенести его к нужной точке в беге ли, в упругом прыжке вверх или в торпедообразном броске по горизонтали. «У вратаря должны быть ноги боксера, легкие, стойкие, прыгучие»,— уверяет Маслаченко.

Когда следишь за игрой Владимира Маслаченко в воротах, радуешься двум замечательным свойствам этого спортсмена: интуиции и старательности. Первое помогает вратарю с какой-то почти электронной быстротой постичь намерения атакующих, уловить по почти невидимым деталям, куда будет пробит мяч, и оказаться именно там в нужный миг. Второе питает особое спортивное рвение, чрезвычайно характерное для игры Маслаченко. Как и на тренировках, он во время игры действует с предельной нагрузкой. «Нет заранее безнадежных мячей, каждый надо брать, даже если и нельзя его взять!» — вот игровой, а я бы сказал, и боевой девиз Маслаченко.

Так играл он прошедшим летом против сборной команды Аргентины, сумев сохранить «сухими» ворота нашей сборной. Это был новый, очень серьезный экзамен для вратаря. Изощренно техничные, владеющие всеми секретами футбольного мастерства, аргентинцы били из самых неожиданных положений. Мячи в ворота советской команды неслись по каким-то диковинным траекториям, мячи крученые, резаные, пробитые каверзно и, казалось бы, с самых трудных позиций. Маслаченко почти не пришлось играть на выходах. Надо было все время быть в воротах, на их непереступаемой линии, все время быть в готовности стать непробиваемой препоной на пути мяча, рвущегося к сетке. В этой игре Владимир Маслаченко проявил себя, несомненно, вратарем подлинно международного класса.

Правда, уже и до этого его смелость, изящество, точность, несомненное искусство не раз были отмечены знатоками в зарубежной прессе. А Маслаченко побывал с нашими командами в Швеции, Англии, Франции, Голландии, Западной Германии, Австрии. И все же, думается мне, настоящий аттестат международной зрелости Владимир Маслаченко получил именно прошедшим летом, защищая наши ворота от виртуозных ударов аргентинцев.

Можно, если перебирать лучшие игры прошедшего сезона, сказать несколько слов и об игре Маслаченко во втором круге розыгрыша первенства страны против тогдашнего чемпиона СССР и кубкодержателя — «Торпедо». Как известно, железнодорожникам пришлось играть вдесятером, так как из команды «Локомотива» был удален Иван Моргунов. Десять против одиннадцати — это всегда очень опасно. Перевес у противника как будто не так уж велик, всего лишь на одного человека, а весь тактический замысел, с которым команда вышла на поле, рушится, надо перетягивать все линии, чтобы заполнить возникшую в команде брешь. На каждого из железнодорожников легла как бы дополнительно еще нагрузка за того, кого удалили с поля. И торпедовцы ничего не могли сделать с сомкнувшимися в плотную подвижную стену локомотивцами. Железнодорожники сопротивлялись отчаянно. А когда торпедовцам все же удавалось пройти к воротам «Локомотива», то из завершающего поединка победителем выходил Маслаченко, руками, грудью, всем телом прикрывавший ворота. Он помог своей команде выиграть этот матч со счетом 1 : 0.

Маслаченко играет в воротах, если посмотреть издалека, как бы непринужденно. Поза у него свободная, он не корчится, не пригибается в ожидании удара. Он зорко всматривается в игру, чрезвычайно быстро оценивает положение, ничто не ускользает от его внимания — и вот как будто расслабленные мышцы разом пришли в движение, и легкая, гибкая фигура в полуполете встречает мяч над самой гущей схватки у ворот. При этом Маслаченко способен действовать с самозабвенным мужеством. Однажды, например, защитник нечаянно срезал мяч прямо в свои ворота. Никак этого не ожидавший Маслаченко в непостижимом броске отбил телом мяч, но при падении на землю руки его оказались откинутыми назад. Левый крайний противника уже набегал на мяч и был в нескольких сантиметрах от него. Не успев дотянуться до мяча руками, Маслаченко прижался прямо лицом сверху к мячу... И получил удар бутсой, так как нападавший уже не мог остановиться. Мяч был залит кровью, атаковавший схватился в ужасе руками за голову. Но все обошлось... Через минуту Маслаченко с ватными кровоостанавливающими тампончиками в носу уже снова защищал свои ворота.

С годами, естественно, укрепилось тактическое мастерство молодого вратаря. Он уже научился хитроумно применяться к различной манере наших лучших нападающих, постиг их особенности, излюбленную манеру каждого. Это, например, позволило ему в прошедшем сезоне, играя в Ростове, блестяще взять мяч, пробитый Мосалевым с одиннадцатиметрового удара. Грозный ростовский форвард не мог перехитрить бдительного вратаря железнодорожников, и Маслаченко успел принять мяч там, куда, по его расчетам, и должен был пробить ростовчанин. Я думаю, что не выдам секрета Маслаченко, если скажу, что он давно уже мечтает создать особый «клуб» лучших вратарей, куда будут принимать только тех, кто за один матч взял два мяча с пенальти, то есть с одиннадцатиметровых ударов. Пока таких вратарей у нас только двое: Лисицын и Котрикадзе. Маслаченко признавался мне, что мечтает сам когда-нибудь войти в этот воображаемый «клуб двухпенальтников»...

Таков Маслаченко в воротах. Собственно говоря, портрет вратаря, будь то фотоснимок, зарисовка художника или очерк, и надо давать на фоне сетки, в рамке ворот. Но, вероятно, тем, кто следит за игрой молодого одаренного вратаря железнодорожников и радуется его успехам, будет небезынтересно узнать, что Владимир Маслаченко — студент-заочник Московского института физической культуры, что он успевает довольно много читать.

А сам Владимир мечтает «сыграть в Чили», то есть разделить вместе с Львом Яшиным честь охраны ворот нашей сборной команды в матчах на первенство мира по футболу в 1962 году.

Если в матче на стадионе в Стамбуле Маслаченко находился, так сказать, за сеткой ворот нашей сборной, в резерве, в «готовности номер один», то уже в Буэнос-Айресе ему пришлось в конце игры заменить выбывшего Льва Яшина. Эти пять финальных минут в игре со сборной Аргентины не могут идти в счет: трудно в считанные мгновения собраться и проявить все свои качества. Но вот в следующей игре, против сборной команды Чили, в Сант-Яго, столице будущего чемпионата мира, Маслаченко был поставлен в основной состав советской сборной и, как сообщает вся зарубежная печать, играл с акробатическим искусством, сделав неприступной сетку наших ворот.

Л. ЛАГИН

ОБИДНЫ

Загорелось Кондрату стать кандидатом. Кандидатом наук.

Каких наук?

А хоть каких.

Кондрат как рассуждал? Кондрат рассуждал так:

«Васька — кандидат? Кандидат. Кузя — кандидат? Кандидат. Борька на что уж собой невидный — кандидат. И уже он будто бы на заграничных научных конгрессах выступал с докладами.

А я чем хуже? Хочу тоже быть кандидатом!»

Работа непыльная. Почет. Всякое другое...

Стал Кондрат прикидывать, в какую науку податься, чтобы полегче. Чтобы без математики.

«А что,— думает,— давай ударю по обезьянам! Уж больно они забавные. Смехота».

Ударил. Накарябал работу «О превращении обезьяны в человека». Обрисовал, конечно, роль труда в очеловечении обезьян. Доказал, что Фридрих Энгельс и на этот счет не ошибся.

Комиссия видит: Фридрих Энгельс не ошибся. Это факт. Значит, основная мысль кондратовой работы вполне здоровая.

С другой стороны, какая разница — кандидатом больше, кандидатом меньше? Жалко, что ли?

Стал Кондрат кандидатом наук. Оформился научным сотрудником, плюнул на ладошки, приступил к работе. А работа, ну никак не идет. Не те у Кондрата данные. Неподходящие для подобной деятельности.

Ему бы уйти работать по прежней специальности. Но ах как не хочется из науки уходить! Уж больно непыльная работа. Почет. То-се.

Смотрит Кондрат: единственный выход — заделаться Хорошим парнем.

Заделался.

В стенгазету написать?

Другие волынят, мешкают. Кондрат пишет. За это его редколлегия любит.

Со школьниками покалякать о пользе наук?

Другим, бывает, недосуг. Кондрату всегда досуг. За это его местком ценит.

В комиссию войти по склочному делу? Морока, маята, времени съедает невпроворот. Другие идут с неохотой. Кондрат — с дорогой душой. За это на него ученый секретарь не надышится.

За это его и в Самом главном обезьяньем управлении не раз в приказах отмечали.

Приходит надлежащий срок сдавать научную работу. У Кондрата спрашивают:

— Как у тебя, Кондрат, с темой?

А как у Кондрата с темой? Никак, конечно.

Директор сомневается:

— А может, нам Кондрата уволить?

Редколлегия возражает:

— Что вы! Такого Хорошего парня!

Местком говорит:

— Будем конфликтовать. Такие Хорошие парни на улицах не валяются. Самородок-общественник.

А ученому секретарю только конфликтов и не хватает.

— Ладно,— говорит,— имеется предложение: дать Кондрату отсрочку по его теме годика на полтора. Нет смысла его особенно торопить. Нет в науке ничего хуже спешки.

Шло время. Наука росла.

А Кондрат отрастил себе бороду. Почище, чем у Шмидта. Завел золотые очки. Достиг такой научной внешности, что фоторепортеры его второпях то и дело принимали за члена-корреспондента Академии наук. И даже были случаи — за академика.

Пришло время в девятнадцатый раз отсрочить Кондрату представление его научной работы, смотрят, а он стал как-то очень уж странно передвигаться по институту. То, бывало, ходил, как все люди. А сейчас все норовит никому не казать своей спины. Скинет у себя в кабинете пальто в одиночку, чтобы никто не видел, и передвигается куда надо, прижимаясь спиной к стенке.

Мало ли какие странности у научных сотрудников случаются!

Привыкли и к Кондратовым странностям. Перестали обращать внимание.

Только как-то поднялся внезапно на улице сильный ветер. Ка-ак хлопнет форточку! Стекло брызнуло, зазвенело.

Обомлел Кондрат с перепугу, кинулся наутек.

И тут все вдруг замечают, что у Кондрата сзади болтается хвост. Темно-рыжий. Мохнатый. С кисточкой. Торчит из штанов сквозь специальную прорезь.

Конечно, моментально вызвали «неотложку».

Осмотрели доктора̀ Кондрата, покачали головами. Дескать, процесс зашел у пациента слишком далеко.

Объясняют:

— Что верно, то верно: время, труд превратили обезьяну в человека. А от безделья, оказывается, получается наоборот: человек на наших глазах превратился обратно в обезьяну. И наша наука медицинская в данном случае бессильна. Теперь уже совсем скоро Кондрат начнет шерстью обрастать.

Ах ты, боже мой, скандал какой!

Отвезли Кондрата в зоопарк, поместили в персональную клетку. Все-таки бывший кандидат наук...

СИЛА ЖИЗНИ

Поздней осенью в детском саду расширили дорожку, причем закрыли асфальтом посаженные по ее краям ирисы. Но весной растения пробились сквозь асфальт.

«Откуда же взялась у них такая сила?» — спрашивают москвичи В. А. Назаров и И. К. Петрович, прислав снимок.

Это письмо напомнило старую русскую пословицу, которая гласит: «Дружно не грузно, а врозь хоть брось». И вот мы в Институте физиологии растений Академии наук СССР, у старшего научного сотрудника, кандидата сельскохозяйственных наук Александра Михайловича Смирнова. «Любые всходы растений,— говорит он,— обладают громадной силой, с которой они пробиваются на поверхность почвы — к свету. Такую именно силу имеют клетки верхушечных точек роста. В результате деления этих клеток и происходит рост; он сопровождается выделением колоссальной энергии, а ее источником является природный запас питательных веществ в прорастающем семени или клубне. Следует еще добавить, что острая форма верхушки растения усиливает его пробивную способность».

П. АРХИПОВ

Зоологическое «чудо»

Зоологи подсчитали, что за последние 150 лет с лица земли исчезло около ста видов зверей и птиц. Животных вымирает гораздо больше, чем удается их открыть.

В 1893 году английский зоолог Уотерхауз разрыл в сирийской пустыне нору и извлек из нее хомяка неизвестного вида. Уотерхауз предложил назвать этот вновь открытый вид золотистым хомяком.

Все попытки других зоологов найти хотя бы еще несколько подобных зверьков были безуспешными в течение 37 лет. Хомяк исчез!

И только в 1930 году еще одному ученому — профессору Иерусалимского университета Аарони — посчастливилось в пустыне достать из норы взрослую самку и 12 детенышей золотистого хомяка.

С тех пор прошло более 30 лет. Находка профессора Аарони оказалась единственной за все это время. Многие читатели могут усомниться в правдоподобности этого факта. Ведь золотистые сирийские хомяки имеются сейчас в лабораториях почти всех стран света!

Золотистый хомяк вытеснил из лабораторий белых мышей, крыс, кроликов и других лабораторных животных. Но все эти миллионы, десятки миллионов зверьков происходят от той мамаши и двенадцати детенышей, которых маститый профессор выкопал в сирийской пустыне.

Таким образом, вымирающий вид млекопитающего, которого, по-видимому, на воле уже нет, оказался в неволе на редкость плодовитым и стойким. В среднем от каждой самки можно получить 70—80 голов приплода в год. Вот почему этот маленький зверек завоевал пальму первенства среди лабораторных животных во всем мире.

Я. СОЛОДУХО,
заместитель директора «Зооцентра»

Е СКАЗКИ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Теперь каждый может его там увидеть: третья обезьяна справа.

Печальная такая.

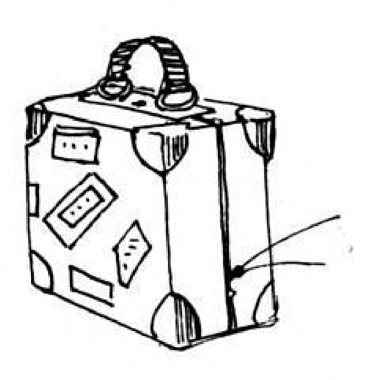
Еще бы! Превратиться в обезьяну за два года до пенсии!

Про Таракана

Ходил Таракан за море-океан.

В чемодане. Словчил, залез в чемодан и спрятался.

А прилетели за море-океан, Таракан из чемодана вылез, усики расправил и пошел.

Первым делом всю комнату обошел, где чемодан лежал. Все обнюхал. Взобрался на комод, а там библия. Таракан и по ней прогулялся, обнюхал всесторонне. Пахла библия вкусным клеем. У Таракана даже слюнки потекли.

Потом под щель дверную подполз, снова усики расправил — и в коридор.

«Батюшки, — Таракан думает, — да я ли это! Вот уж доподлинно сподобился. На старости, можно сказать, лет. Заграница! Люди кругом сплошь заграничные! «Лиловый негр подает манто»! Хоть бы здешних тараканов повидать! Чай, каждый не менее, чем с навозного жука! А вдруг даже с мышь ростом? Очень даже возможно».

Шел он так, шел, от восторга в слезах по самые щиколотки, чуть кому-то под ноги не попал, но увернулся — и шасть в приоткрытую дверь.

А за дверью той комната вся белая-белая! Светло, как в раю. Сколько у Таракана глаз — все зажмурил. Ах, сколь хорошо! До чего благолепно!

А кругом просторы неоглядные! (Кому комната, а таракану — площадь без конца и краю.) А по самой середке что-то круглое высится, белое, гладкое, блестящее, высокое-превысокое. В полтораста тараканьих ростов, а то и более.

«Так вот она какая, долгожданная моя, та самая башня из слоновой кости! — подумал Таракан. — Теперь мне бы только на нее взобраться, глянуть с этой неописуемой высоты на всю на заграницу — и помирать можно».

Перекрестился и полез. Сколько раз он с полпути вниз падал, уму непостижимо. Но он все-таки все трудности превозмог, без сил остался, но своего достиг. Добрался до самой вершины, глянул по сторонам, закружилась у него голова, и упал он прямо внутрь башни. Но не разбился. Живой остался.

Смотрит, а он в воде на спине плавает. Прохладно так, хорошо!

И вдруг где-то высоко наверху что-то щелкнуло, зазвенело, с шумом хлынули горные потоки.

И унесло Таракана из заграничного унитаза прямо в заграничную канализацию.

А что с ним дальше было, с тем Тараканом, это нам неизвестно.

Порок сердца

Лежал больной, хворал не то эндо-, не то мио-, не то перикардитом.

Доктор его пользовал внимательный, старательный.

— Смотрите, — говорит, — больной, только не ворочайтесь, только не шевелитесь, не утруждайтесь.

Вот как-то утром просыпается больной. Смотрит, а за окошком солнышко светит, капель капает, воробышки чирикают.

«Дай, — думает больной, — гляну!»

Тихохонько на локотке приподнялся. Видит: верно! Солнышко светит, капель капает, воробышки чирикают... Кустики стоят веселые, мокрехонькие.

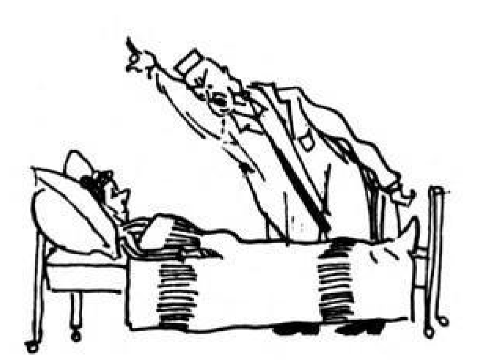
Тихохонько на локотке опустился, лежит счастливый. Во-первых, весна. Во-вторых, приподнялся, опустился — жив остался.

Доктор приходит.

— Ну, как дела, больной?

— Да вот, — говорит, — приподнялся, опустился, — жив остался.

Как на него доктор закричит, как ногами затопает!

— Да вы, — говорит, — такой! Да вы, — говорит, — сякой! Да вы, — говорит, — форменный самоубийца! Я вам что приказывал? Я вам приказывал не ворочаться, а вы ворочались! Да я за вашу жизнь в таком случае и копейки не дам! Да как вы смели?!..

И до того он на него кричал, до того на него ногами топал, что больной на нервной почве помер.

Мораль?

Ежели лежит больной и хворает не то эндо-, не то мио-, не то перикардитом и ежели он приподнялся, опустился и жив остался, не кричите вы на него, ради бога!

ШУТКИ

По мотивам узбекского фольклора

А. НАУМОВ

Рисунки М. Ушаца.

ЛАДОНИ

Кто живал в богатом доме,
Тот и сам, ей-ей,
заметил:
У бездельника ладони
Целый день
проводят вместе.
А у парня-работяги
Что ни час —
в работе руки;
И ладони их, бедняги,
Весь свой век
живут в разлуке!

ТВОЙ ДРУГ

Ты другу, тайны не тая,
Доверился случайно,
И тайна давняя твоя
Быть перестала
тайной.
Не говори о нем «змея!»,
Не проклинай его...
Должно быть,
ближе есть друзья
У друга твоего.

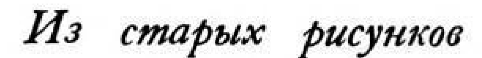
РОДНЯ

Ишак сказал:
«Мне конь — родня!»
Все смолкли, головы склоня:
С ним спорить
много ль проку?
С тех пор, когда куют коня,
Ишак сгибает ногу.

О РОДИТЕЛЯХ

Важный, пышный, черный жук,
Гладя сыну спину,
Тихо шепчет чернышу:
— Нет белее сына!
Старый еж
сынку-ежу
Иглы гладит тоже:
— Как поглажу, погляжу:
Нету глаже кожи!

Ташкент.

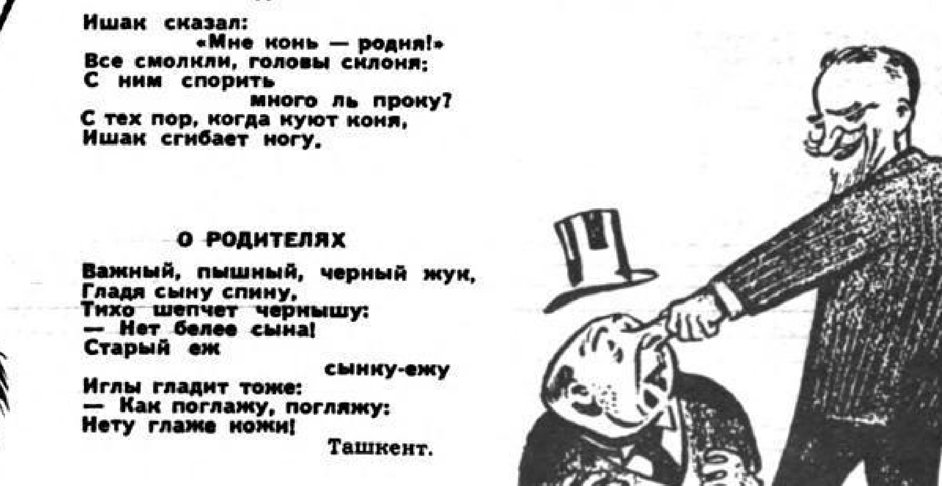

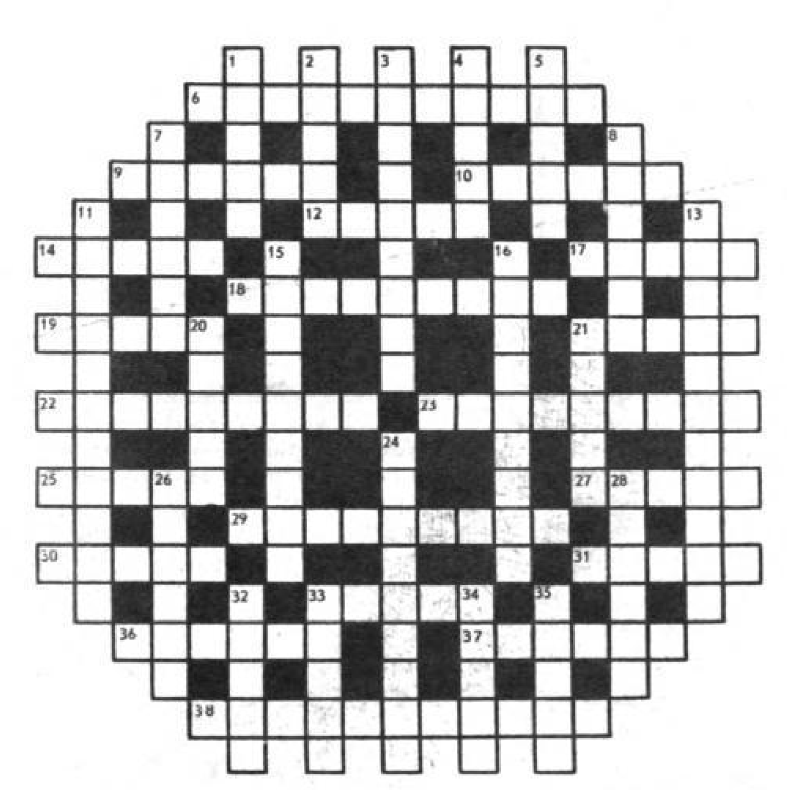
Из старых рисунков

В 1931 году нашу страну посетил выдающийся писатель, драматург и публицист Бернард Шоу. После своего возвращения в Англию он энергично выступил в защиту Советского Союза от нападок и клеветы реакционеров.

На публикуемом нами рисунке тридцатилетней давности художник Вильям Гроппер графически изобразил речь Шоу и изложил ее содержание в двух словах:

Бернард Шоу: — Смотри, болван!..

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Светочувствительный электронный прибор. 9. Искусственно выведенный вид растения. 10. Душистый цветок. 12. Роман А. Барбюса 14. Переплетение нитей в узорчатых тканях. 17. Подмосковный город. 18. Актер и режиссер, ученик К. С. Станиславского. 19. Древняя форма славянского письма. 21. Немецкие писатели-сказочники. 22. Графическое изображение соотношения величин. 23. Участник вооруженного восстания против самодержавия в 1825 году. 25. Фигура высшего пилотажа. 27. Опера А. Рубинштейна. 29. Международное совещание по научному вопросу. 30. Вяленая рыба. 31. Плод пальмы. 33. Способ, метод. 36. Русская эпическая песня. 37. Заячья капуста. 38. Измерительный инструмент.

По вертикали:

1. Лесистая возвышенность в Молдавии. 2. Стихотворение в 13 строк. 3. Гора на Урале. 4. Лососевая рыба. 5. Приток Камы. 7. Цветной камень. 8. Порода собак. 11. Обучение животных. 13. Профессиональный охотник, рыболов. 15. Остров Курильской гряды. 16. Птица, обитающая на лесных опушках. 20. Рассказ А. П. Чехова. 21. Республика в Африке. 24. Административная единица. 26. Советский академик, математик. 28. Народный художник РСФСР, мастер политической карикатуры 32. Изоляционный материал. 33. Возделанное поле. 34. Мелкое крылатое насекомое. 35. Выражение количества.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

7. Гармония. 8. Вестужев. 10. «Смена». 11. «Кукла». 12. Огрех. 13. Кабельтов. 16. Молот. 18. Апекс. 20. Воскресенский. 23. Хоста 25. Канюк. 26. Статуэтка. 27. «Школа». 28. Миасс. 29. Пресс. 31. Либретто. 32. Джакарта.

По вертикали:

1. Караугом. 2. Контакт. 3. Хиос. 4. Сера. 5. Стахова. 6. Венгерка. 9. Беллинсгаузен. 14. Бахрома. 15. Транзит. 17. Офорт. 19. Плица. 21. Толкачик. 22. Люксметр. 24. Асафьев. 25. Каменка. 29. Путь. 30. Сажа.

На первой странице обложки: Хороший улов.

Фото М. Начинкина.

На последней странице обложки: Вынужденная остановка.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10608. Подписано к печати 29/XI 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 3,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 2118. Заказ 3025.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Первый раз за рулем.

Рисунок М. Каширина.

— Скажите, пожалуйста, сколько времени?
— Пять месяцев!

Рисунок В. Лукина.

Экзамен на парикмахера.

Рисунок В. Воеводина.

— Опять воду перекрыли!

Рисунок В. Дрогалина.

— Я сегодня играл. А вы?
— А я болел.

Рисунок М. Вайсборда.

ШЬЕМ ПЛАТЬЯ К НОВОМУ ГОДУ

Исстари говорят: новое платье к Новому году — счастливая примета: она обещает людям хорошие обновы на весь следующий год!

Конечно, это только шутка. Но почему бы и не перекинуться шуткой женщинам, которые пришли в московское ателье № 30, что на улице Герцена?!. Они знают, что выберут здесь для себя новогодний туалет по вкусу, поэтому у всех веселое, хорошее настроение. Сейчас они ждут, когда с ними займутся опытные закройщицы. А мы пока познакомимся.

Вот у высокого кронштейна с полуфабрикатами примеряет новогодний туалет Люда Радзевич. По профессии она машинистка. Ей удалось сразу выбрать платье, и вовсе не потому, что Люда неразборчива, а потому, что ей понравился покрой и материал.

— Прямо как невеста! — с удовольствием говорит молоденькая закройщица Валентина Ефимовна Адина: это она предложила заказчице наряд, который сама придумала.

— А я и есть невеста,— тихонько признается смущенная Люда,— у меня на Новый год свадьба...

Люду все начинают поздравлять. Приемщица Марина Кун советует:

— К поясу или к вороту обязательно нужны цветы!

Это предложение одобряет художница ателье Лидия Александровна Данилина: цветы из органди украсят это светлое, воздушное капроновое платье.

А пока оживившиеся заказчицы беседуют с Людой, выясняя, что она всего-то три года назад окончила школу, да и сейчас еще учится по вечерам на курсах стенографии, в примерочных кабинках идет серьезное обсуждение всех деталей будущих праздничных туалетов.

Молодой инженер-экономист Мария Реброва тоже довольна: ее обнова готова к намеченому сроку. Эта заказчица из Магадана.

— Там у нас тоже есть хорошие ателье,— рассказывает она.— Но я сама коренная москвичка: десять лет назад уехала на Колыму по распределению и полюбила этот край. Сейчас была в отпуске. А к Новому году вернусь домой, в Магадан, встречу праздник с друзьями. Надеюсь, мое новое платье всем понравится!

Платье-костюм мягкого кораллового цвета, из материала, предложенного ателье, и в самом деле выглядит отлично. Елена Григорьевна Зотова — закройщица — тоже довольна. Ей самой больше всего нравится, что в ее платьях заказчицы сразу чувствуют себя спокойно: платье не нужно «обживать», привыкать к нему. Самое нарядное платье, сохраняя свою праздничность, оказывается удобным. Это потому, что Елена Григорьевна, прежде чем выбрать и предложить фасон, внимательно изучает все особенности женской фигуры.

— Ведь шьешь не на манекен, а на человека! — говорит Елена Григорьевна.— В этом и радость нашей работы, ее творческая сторона.

— Среди наших закройщиц — а их двадцать пять — много людей творческих,— замечает директор ателье З. М. Шевякова. И это охотно подтверждает еще одна заказчица — профессор-биохимик Б. С. Касавина, которая шьет свои платья в ателье № 30 уже много-много лет, шила их и тогда, когда была еще студенткой. Теперь она работает во Всесоюзном научно-исследовательском институте экспериментальной эндокринологии; сейчас зашла в ателье с материалом, который сама выбрала и купила для новогоднего платья,— мягкую легкую шерсть цвета фрез. Для несведущих поясним, что это неяркий, неброский, но очень привлекательный лиловато-розовый цвет.

Новый год Б. С. Касавина собирается встречать в Доме ученых.

— Может быть, отделаем пояс у платья мехом? — предлагает закройщица Татьяна Владимировна Евланова.

Ткань накалывают булавками, а Л. А. Данилина уже набрасывает карандашом силуэт будущего платья.

Здесь, в ателье, часто так и делают,— предлагают заказчице оригинальный фасон одежды, только что для нее придуманный.

Посмотрите сами, вот так примерно выглядят эти рисунки. Может быть, читательницы «Огонька» захотят ими воспользоваться, обдумывая свой новогодний наряд?.. На этот случай художница дала к своим карандашным наброскам краткие пояснения:

1. Платье без рукавов, из плотной, торчащей ткани любого цвета, для молодой девушки.

2. Светлое шерстяное платье: покрой — рубашка. По бедрам — пояс. Подол отделан вышивкой из ниток этой же шерсти. Платье годится и для женщин среднего возраста.

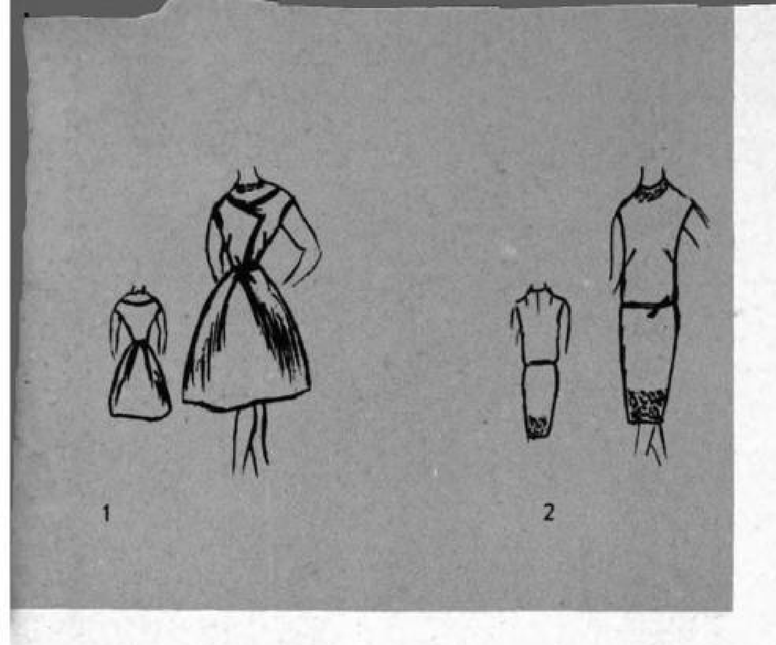
3. Неотрезное платье из легкой шерсти или плотного шелка. По талии драпировка. Это тоже хорошо для женщин среднего возраста.

4. Платье из легкой шерсти любого цвета для девушки. Юбка мелко заплиссирована. Рукав длинный. Лиф — джемпер.

5. А это платье-костюм из шелковой ткани рекомендуется для пожилых полных женщин. Форма жакета полуприлегающая.

...Сообщите же, дорогие читательницы, как вам понравились эти новогодние платья. Ведь их уже пора шить: 1962 год на пороге!

П. ЕЛИНА

Обе довольны — и Мария Львовна Реброва, заказчица, и Елена Григорьевна Зотова, закройщица.

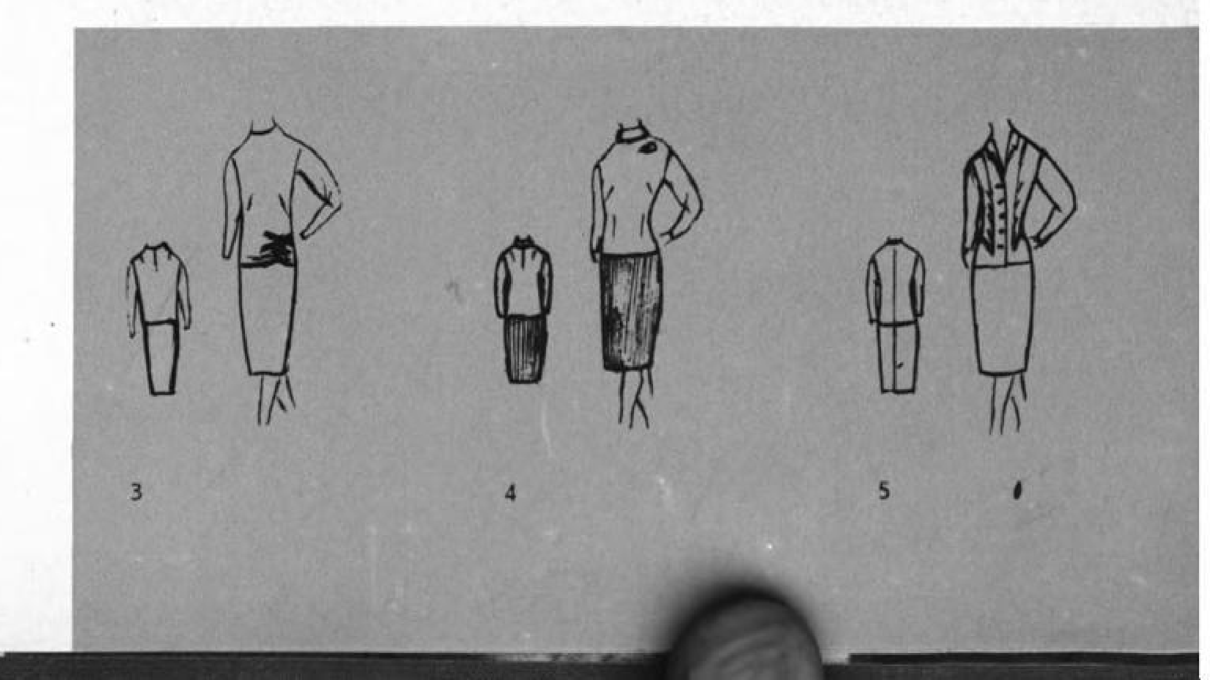

В этом платье Б. С. Касавина будет встречать Новый год в Доме ученых.

Решение принято: цветы лучше приколоть к поясу!

Фото А. Бочинина.

Цена номера 30 коп.